

Татарстан Фәннәр академиясенең

Тарих институты

ТАТАР АРХЕОЛОГИЯСЕ

№ 1—2 (4—5)

Казан — 1999

Слово главного редактора	3
Кирилл Смирнов	
А.П.Смирнов и исследование Булгарского городища в период строительства Куйбышевской ГЭС.....	5
Тамара Хлебникова	
А.П.Смирнов и Булгар	10
Петр Старостин	
А.Х.Халиков	15
Евгений Казаков	
Новые археологические материалы к проблеме ранней тюркизации Урало-Поволжья	23
Марк Крамаровский	
Печать конца XIII—XIV в. с исламским вариантом христианской легенды об отроках из Эфеса	39
Хусейн Фейзханов	
Три надгробных булгарских надписи	49
Константин Руденко	
Могильник на острове «Песчаный»	61
Нина Кокорина	
Керамика усадьбы гончара из Иски Казани	77
Нина Кокорина, Равиль Фахрутдинов	
Гончарный комплекс золотоордынского периода из Иски Казани	103
Аида Петренко	
К истории исследования проблем хозяйственной деятельности населения средневековых городов Среднего Поволжья (по данным археозоологических материалов)	135
Хроника	
Памяти А.П.Смирнова. Научная конференция.	146
Сведения об авторах	147
Список сокращений	148

Слово главного редактора

29 мая 1999 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Алексея Петровича Смирнова — крупнейшего археолога-булгароведа и историка, внесшего огромный вклад в изучение древней и средневековой истории Среднего Поволжья и в целом Поволжско-Приуральского региона. А.П.Смирнов, будучи начальником Поволжской археологической экспедиции в течение нескольких десятилетий, организовал и возглавил научное исследование большого числа ценнейших археологических памятников довольно широкого хронологического периода — от бронзового века до позднего Средневековья. При всем этом он оставался главным исследователем булгарских древностей, в первую очередь городищ, среди которых особо выделяется Булгарское — остатки летописных «Великих Болгар». Многолетние раскопки этого выдающегося средневекового памятника под его руководством дали материал, позволивший (в совокупности с письменными источниками) не только восстановить историю этого северного мусульманского города домонгольского и золотоордынского периодов, но и выработать хронологическую шкалу для датировки солидного числа средневековых памятников Среднего Поволжья. О роли А.П.Смирнова в исследовании Булгара — одного из центров городской цивилизации Восточной Европы X-XIV вв. — более подробно рассказывается в нашем журнале в заметках-воспоминаниях его сына и помощника в экспедициях, археолога, ныне ученого секретаря Института археологии РАН К.А.Смирнова и талантливой ученицы Алексея Петровича — Т.А.Хлебниковой, высокопрофессионального специалиста в области материальной культуры волжских булгар.

В этом же году, 30 мая, исполнилось 70 лет со дня рождения Альфреда Хасановича Халикова — другого крупного археолога, известного исследователя древностей Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья. Научно-исследовательский интерес А.Х.Халикова был необычайно широк — от палеолита до Средневековья. Он был общепризнанным специалистом по бронзовому и раннему железному векам, однако в последние десятилетия в плотную занялся и более поздними периодами, имеющими непосредственное отношение к национальной истории — это вопросы времени тюркизации Среднего Поволжья, проблемы этногенеза татарского народа, археология Билярского городища — остатков летописного «Великого города», а также древней Казани.

Продолжая работу по сплошному археологическому обследованию территории Татарстана с целью составления Археологической карты республики, начатую его учителем Н.Ф.Калининым, А.Х.Халиков, будучи руководителем Татарской археологической экспедиции, успешно продолжил эту работу и довел до конца. Именно под его умелым, оперативным руководством была составлена Археологическая карта (в 6-и томах), впервые среди научных работ гуманитарного профиля удостоенная Государственной премии Республики Татарстан в области науки и техники. Он успешно координировал составление

отдельных карт и сводов памятников некоторых археологических культур (именьковской), государств (Волжской Булгарии, Казанского ханства), объектов булгарской и татарской эпиграфики конца XIII-XIV в. и XV-XVIII вв. (о научно-исследовательской деятельности А.Х.Халикова подробнее рассказывается в отдельной заметке его первого ученика П.Н.Старостина, заменившего своего учителя на посту заведующего Отделом археологии — ныне Центром археологических исследований Института истории АНТ).

А.П.Смирнов и А.Х.Халиков, работая долгие годы в одном регионе по исследованию одного круга археологических культур и памятников, являлись вечными и добрыми оппонентами, что, очевидно, вполне нормально в области такой быстро развивающейся науки, какой является археология. Пусть данный номер нашего журнала, который мы посвящаем юбилеям Алексея Петровича и Альфреда Хасановича, останется доброй памятью об этих двух крупных ученых-исследователях, оставивших яркий след в изучении и пропаганде богатой истории седой древности и таинственного Средневековья. Все статьи в журнале имеют непосредственное отношение к тем периодам и той тематике, которые интересовали этих двух ученых.

*Равиль Фахрутдинов,
доктор исторических наук*

Кирилл Смирнов

А.П.Смирнов

и исследование

Булгарского городища

в период строительства

Куйбышевской ГЭС

Булгарское городище в жизни Алексея Петровича Смирнова занимало особое место. Хотя он много сделал в различных областях археологии эпохи раннего железа и средневековья. Булгар привлекал его пристальное внимание более 35 лет. Когда началось строительство Куйбышевской ГЭС, встал вопрос об исследовании археологических памятников в зоне затопления, которая охватывала часть Среднего Поволжья и Нижнее Прикамье. А.П.-Смирнов был назначен начальником организованной для этой цели экспедиции, состоявшей из нескольких отрядов, которые изучали памятники, относящиеся ко времени от палеолита до позднего средневековья. В ее работе участвовали крупные специалисты. А.П.Смирнов руководил работой всех отрядов и отдавал этому много сил, времени, а главное — свои огромные знания. Его заместителем был Н.Я.Мерперт, возглавлявший отряд, изучавший курганы эпохи бронзы.

Однако Булгарское городище в этих работах занимало особое место. Вероятно, никто не станет отрицать, что успешная работа Куйбышевской экспедиции в значительной степени была обусловлена тем, что во главе ее стоял такой крупный ученый как А.П.Смирнов, который обладал поистине энциклопедическими знаниями в археологии и был блестящим организатором. Когда началась стройка, он естественно подумал о Булгаре, где начал работать еще до войны, и сразу после ее окончания, в 1945 году, возобновил исследования. Однако, возникала одна проблема. Основная часть памятника расположена на береговой террасе, подъемающейся над уровнем Волги (до подъема воды) примерно на 30 метров. Эта территория не затапливается и в период строительства изучению не подлежала. Именно в этой части находились архитектурные памятники, получившие широкую известность и привлекавшие внимание исследователей. У подножья террасы протекала река Меленка. Территория вдоль ее берегов вызывала меньший интерес. Нельзя

Алексей Петрович Смирнов

не отметить, что многое, что в настоящее время для всех совершенно очевидно и ни у кого не вызывает сомнения, тогда было на уровне предположений. Однако еще в предвоенные годы, только начиная работать в Булгаре, А.П.Смирнов обратил внимание на территорию у подножья террасы и получил прекрасные результаты. В продолжение двух сезонов им была исследована богатая общественная баня, получившая название «Красная палата» из-за красноватой штукатурки внутри постройки. Для того времени это было крупное открытие. По-видимому, он никогда не сомневался, что в эпоху жизни города территория по берегам реки активно использовалась. Начиная с раскопочного сезона 1950 года, работы были развернуты у подножья террасы и на обоих берегах, и благодаря им, наши знания об этом замечательном памятнике значительно расширились.

Перечислять открытые объекты, вероятно, нет необходимости, да это и было бы трудно сделать в небольшой статье. Но некоторые следует упомянуть. Так на левом берегу реки у подножья склона была раскопана каменная общественная баня, сопоставимая с «Красной палатой». Сейчас мне трудно сказать, какая из них была богаче. Несомненно, что находка 1954 года была худшей сохранности. Я, будучи в то время студентом МГУ, работал на городище и хорошо помню недоумение участников экспедиции, когда стало ясно, что мы раскопали баню, третью каменную баню, включая «Белую» и «Красную» палаты. Все три роскошные общественные постройки с водопроводом. Как, — говорили студенты, — суровое средневековье, грязь, антисанитария и в городе столько бани?

А.П.Смирнов сказал примерно так: да, Булгар находится в лесной полосе, но по своей культуре это город восточный. А в восточном городе общественная баня — неотъемлемый элемент быта. Кроме того, представление о грязи в средневековых городах не совсем точно и сильно преувеличено. На Руси баня была очень распространена, она обязательно входила в жилой комплекс.

Когда были открыты ряжи — инженерные сооружения для укрепления берега, А.П.Смирнов сразу определил их назначение, хотя такие сооружения в то время были еще мало известны.

Работы не ограничивались территорией городища. А.П.Смирнов стремился исследовать и его округу. С этой целью были проведены раскопки в урочище Ага-Базар при впадении реки Меленки в Волжскую старицу. В период исследований река распадалась на ряд водоемов с заболоченными берегами, соединенных узким протоком, но в эпоху средневековья она была судоходна. Работы того времени дали огромный материал и расширили наши знания об этом замечательном средневековом городе.

А.П.Смирнов блестяще владел методикой раскопок, и в процессе работ ее непрерывно совершенствовал. Те, кто работал в то время на городище, помнят, что если он был в отряде — то есть если не уезжал в другой отряд — то ежедневно посещал все раскопы и

с их руководителями рассматривал открываемые объекты и вырабатывал программу их изучения. Среди руководителей раскопов были опытные археологи, проработавшие не один сезон, и наряду с ними работали аспиранты и студенты. Некоторые из них стали крупными археологами, других сейчас трудно вспомнить.

В А.П.Смирнове сочетались, с одной стороны, огромная требовательность, с другой — простота и терпимость. Обсуждая процесс раскопок и следующие из него выводы — а это всегда научный процесс — он стремился убедить человека в своей правоте и почти никогда не говорил в форме приказа. Начальник огромной экспедиции, он, конечно, был очень занят, но любой студент мог обратиться к нему. Бывают экспедиции, в которых наукой занимается только начальник, а остальные участники — только руки. В Куйбышевской экспедиции этого не было никогда. Каждый выходной день утром весь состав обходил все раскопы. На каждом начальник раскопа рассказывал о сделанном за неделю, любой человек мог высказать свое мнение и после этого А.П.Смирнов подводил итоги, излагая программу дальнейших работ.

Отряд в Булгаре был большой, 30—40 человек. Его основу составляли люди, работавшие с А.П.Смирновым еще ранее, до создания Куйбышевской экспедиции. Это были А.М.Ефимова, О.С.Хованская, З.А.Акчуриня, Д.И.Архангельский (художник) и Т.А.Хлебникова — аспирант, которая по возрасту была ближе к студентам, а по знаниям и авторитету несомненно относилась к этой группе. Это были во многом разные люди, но одно их объединяло: высочайший профессионализм и огромное трудолюбие.

В быту А.П.Смирнов был спартанцем, закаленным и дисциплинированным. Те, кто бывал с ним в экспедиции, помнят, как он шел к раскопу подтянутый, чисто выбритый, в начищенных сапогах, с сумкой и фотоаппаратом через плечо. В экспедиции он мог делать любую работу: чертить, работать с нивелиром, если нужно — копать. Фотографировал он как профессионал и очень любил камеру «Роллекорд» с кадром 6x6. Когда шла расчистка сложного объекта, он обычно принимал в ней участие и на стадии расчистки и на стадии фиксации. Если застrevала машина, он первый подставлял плечо.

Очень требовательный к себе, он был довольно снисходителен к другим. Но были вещи, которые он органически не переносил — это прежде всего небрежность в работе и безделье.

Огромное значение он придавал стратиграфии и обычно сам участвовал в анализе, а часто и в фиксации профилей. Нередко он проверял точность чертежей и до конца присутствовал при фиксации объекта. Часто именно в это время проявлялись его огромные знания в области археологии. Когда заканчивались расчистка и фиксация, он неожиданно говорил: «А подобное известно в таких-то памятниках». Но здесь надо учитывать, что в то время археологических материалов было известно гораздо меньше, чем в

наши дни, за прошедшие с того времени полвека количество информации возросло в несколько раз.

А.П.Смирнов по своему складу был новатором и для него было очевидным, что в археологии большую роль играют методы естественных наук. Еще до создания Куйбышевской экспедиции при раскопках в Булгаре тщательно подсчитывался весь массовый материал — керамика и кости — и велась его статистическая обработка. Рядом с каждым раскопом была площадка, где материал мылся, сортировался, подсчитывался и описывался. Я не уверен, что в наше время, через пятьдесят лет это с такой тщательностью осуществляется во всех экспедициях. Большое внимание уделялось обработке костного материала и в этом принимал участие крупнейший палеоантрополог В.И.Цалкин. Кости по видам А.П.Смирнов мог рассортировать сам.

Еще в конце 40-х годов, до начала работ Куйбышевской экспедиции, на городище впервые были найдены обломки чугунных котлов. К их изучению были привлечены металлурги. А.П.Смирнов не относился к числу археологов, которые ограничивались только внешним описанием находок, часто очень точным, и приходили в ужас, когда им говорили, что для анализа из предмета надо выпилить кусок. Он считал, что всякая вещь должна исследоваться всесторонне. Вероятно здесь надо отметить, что когда в Институте археологии несколькими годами позже стала организовываться лаборатория естественнонаучных методов, он всячески поддерживал ее создание. Тогда он был заместителем директора Государственного Исторического музея и смог предоставить для вновь создаваемой лаборатории помещение. Примерно в то же время в Институте появилась группа молодых сотрудников — сторонников математической статистики и формализованной обработки материала. В те годы еще не был изобретен первый персональный компьютер и расчеты велись на техническом уровне того времени. Он энергично поддерживал этих людей.

Методику раскопок он совершенствовал непрерывно и большое значение придавал точности измерений и съемке. Надо отметить, что основным геодезическим инструментом у археологов в то время была буссоль, а нивелир только входил в употребление.

Хорошо известно, что А.П.Смирнов имел много учеников и создал целую школу: некоторые его воспитанники стали докторами и кандидатами наук, возглавили коллективы археологов. Среди них надо назвать Г.А.Федорова-Давыдова — профессора МГУ, создателя своей научной школы, С.И.Кочкуркину, Э.А.Савельеву, Г.А.Архипова, М.Г.Иванову. Сейчас, вспоминая работу на Булгарском городище, я понимаю, что для обучения и воспитания А.П.Смирнов использовал каждую возможность. Отряд в те годы на две трети состоял из студентов казанских вузов, проходивших практику. Обычно после приезда и разбивки лагеря — все делалось быстро и организованно — А.П.Смирнов вел состав по городищу и читал вводную лекцию, в которой говорил как об истории памятника, так и о методике его исследования. Многие, позднее известные исследователи, а в то время

студенты и аспиранты, которые формально не были его учениками, приезжали на городище познакомиться с замечательным памятником и прежде всего — с методикой раскопок. Среди них некоторые стали крупнейшими археологами: В.В.Седов и А.Х.Халиков. Другие, а их большинство, не стали археологами и больше никогда не были в экспедиции, но обстановка отряда, дух неустанного научного поиска, преданность науке оставили в их памяти глубокий след. Через много лет, работая учителями, библиотекарями и т.д., они с благодарностью вспоминают экспедицию и ее руководителя.

По-видимому, говоря о том времени, нельзя не коснуться одной проблемы. С конца войны прошло всего пять лет и ее участники составляли значительную часть населения. Те, кто не был на фронте, работали на оборонных предприятиях и на постройке укреплений. А.П.Смирнов в первые дни войны вступил в Народное ополчение и участвовал в боях на Московском направлении. С февраля 1942 года он был откомандирован в распоряжение Академии наук и работал в составе экспедиции Особого назначения и в комиссии по установлению ущерба, причиненного войной. О войне он знал не из газетных статей. Среди сотрудников экспедиции и рабочих-землекопов было много людей, прошедших фронт. Я помню, что у А.П.Смирнова с ними были какие-то особые, теплые отношения.

За годы строительства Куйбышевского гидроузла были проведены огромные работы и добыты колоссальные по объему материалы, позволяющие судить о всех периодах в истории Среднего Поволжья. В ряде случаев они меняли существовавшие до этого представления. В те годы велись огромные строительства гидросистем, и в зонах затопления работали археологи. Добыты были огромные материалы, но далеко не все экспедиции опубликовали их. Память о некоторых из них — только отчеты в архиве Института археологии. Публикации материалов Куйбышевской археологической экспедиции посвящены четыре выпуска «Материалов и исследований по археологии СССР (МИА)» — № 42 — 1954 год, № 61 — 1958 год, №80 — 1960 год и №111 — 1962 год. Интересно отметить, что первый том трудов (МИА, №42) объемом более 50 листов вышел в 1954 году, когда экспедиция работала полным ходом и конца еще не было видно. Среди этих материалов значительное место занимают труды участников раскопок на Булгарском городище. Все эти материалы были опубликованы менее чем за 10 лет — последний выпуск вышел в 1962 году, благодаря энергии и организаторским способностям руководителя экспедиции.

Тамара Хлебникова
А.П.Смирнов
и Булгар

Алексей Петрович, бывало, говорил, что Булгар он любит больше всего. Недаром он ездил туда более четверти века, т.е. более половины срока своей работы в поле. Начав исследование Булгара в 1938 г., он уже не расставался с ним до 1972 г. с перерывом на годы Великой Отечественной войны и на 5 лет в конце 50-х — начале 60-х гг. Это что касается полевых работ, а если учесть его исследовательскую кабинетную работу, так получается, что он занимался Булгарам 35 лет.

И мы знаем насколько плодотворными были работы Алексея Петровича на Булгарском городище. Сегодня, наверное, надо вспомнить об этом еще раз.

Алексей Петрович умел прекрасно организовать экспедиции, которые длительное время были весьма крупными. Под непосредственным его руководством было сделано 93 раскопа в разных местах городища. Он, конечно, всегда работал с помощниками, ведущими раскоп, но и сам вникал в ход исследования на каждом из раскопов, по многу раз в течение дня бывая на них, помогая и проверяя, как ведутся исследование и фиксация. Он был очень внимателен к работе площадки по обработке материала. Ему принадлежит разработка схемы фиксации многочисленного на раскопах керамического материала и статистической его обработки, которая тоже выполнялась в экспедиции в лабораторные часы. Алексей Петрович умел включить в исследовательский процесс всех членов экспедиции путем проведения регулярных еженедельных обсуждений итогов работ на каждом раскопе.

Начав исследование городища с Коптелова бугра и Красной палаты Алексей Петрович постепенно расширял территорию изучения и объем работ. После войны были заложены раскопы в центре городища, в районе Соборной мечети, западнее и юго-западнее от нее, по центральной улице села, а также на Бабьем бугре, у Британкина озера, на западном валу и на Малом городке. В 40-е же годы начато исследование юго-западного участка городища у Голланкина озера. В

А.П.Смирнов в Булгаре. 1960-е годы.

этот период тщательно исследовалась и была разработана стратиграфия культурных напластований города.

В 50-е годы, в период работ большой Куйбышевской экспедиции, изучалась заречная, затопляемая со строительством Куйбышевской ГЭС, часть городища, где открыты участки ремесленных производств, древнерусской колонии, баня и многочисленные жилища. Изучался и подтопляемый склон высокой террасы, где обнаружены две бани (помимо Красной палаты), дренажно-ряжевая система для укрепления склона и опять же жилые дома с колодцами и хозяйственными сооружениями. В этом же году изучался Ага-Базар и участок плотины на р.Меленке у Кордона.

60-е годы, начиная с 1964 по 1967 гг., были посвящены изучению архитектурных памятников Булгара. Основательно исследована Соборная мечеть с определением времени и этапов ее строительства. Изучены Черная палата, Центральные мавзолеи и комплекс мавзолеев у Ханской усыпальницы, а также Малый минарет. Помимо архитектурных памятников, в эти же годы было продолжено исследование большого вала и выявлены его конструктивные особенности.

В конце 60-х и в начале 70-х годов Алексей Петрович вернулся к исследованию центра города на верхней площадке, восточнее Соборной мечети, где были открыты и прослежены укрепления раннего Булгара.

Во все годы работ на городище Алексей Петрович уделял большое внимание выяснению исторической топографии города Булгара. И в результате проведенных им и его сотрудниками исследований, удалось в общих чертах представить Булгар на всех этапах его истории.

Выяснено, что Булгар периода возникновения в X — начале XI вв. был небольшим городом, укрепленным с запада рвами, и неукрепленным ремесленным посадом западнее рвов, а также пригородными поселками как по краю высокой террасы, так и в глубине нее, и по берегам оврагов восточнее и юго-восточнее укрепленной части города. В последующие годы, уже после исследований Алексея Петровича, ряд ранних поселков X в. был изучен на берегах Малого Иерусалимского оврага и в его верховье, а внутри укрепленной части города в основании культурных слоев наметилось частокольное с проездом укрепление, занимающее возвышенную центральную часть крепости, возможно, место ставки Алмуша.

Выяснено, что Булгар второй половины XI — начала XIII вв. был территориально значительно шире более раннего города. Посад его отодвинулся к западу. Город обнесен новыми укреплениями, известными под названием «Малого окопа» (по сообщению дьяка Михайлова в XVIII в.), который позднее, в 70-е годы, был вскрыт в нескольких местах.

Большой вал, построенный в середине XIV в., огораживал значительно большую территорию города золотоордынской поры. К этому времени а раннезолотоордынский период была заселена уже и

заречная часть Булгара и создан «Малый городок» на подступах к городу с юга.

Алексей Петрович уделял большое внимание изучению ремесел, т.к. Болгар во все периоды своей истории представлялся ремесленным центром для широкой округи. Вскрытые под его руководством многочисленные разновременные железоделательные сыродутные и чугунолитейные горны, а также гончарные, меднолитейные, кожевенные и косторезные мастерские позволили представить ремесло как домонгольского, так и золотоордынского города.

Результаты исследований Булгара благодаря Алексею Петровичу широко публиковались в центральных археологических изданиях. В этом участвовал и коллектив сотрудников экспедиции. Результаты проведенных под руководством Алексея Петровича работ явились источником для многих монографических, в том числе и коллективных, исследований, на них написано немало диссертаций, и они еще долго будут служить изучению Булгара и Волжской Булгарии в целом.

На исследованиях Булгара Алексей Петрович создал булгароведческую школу. В его экспедициях и под его руководством работали многие аспиранты и молодые археологи центральных и поволжских научных учреждений. Пройдя его школу полевых работ и методики археологических исследований, они в дальнейшем успешно вели изучение различных археологических памятников во многих регионах России. Достаточно назвать такие имена, как Г.А.Федоров-Давыдов, В.Б.Седов, покойный Г.А.Архипов, Г.И.Матвеева и др.

Переоценить вклад Алексея Петровича в исследование Булгара невозможно. Он огромен. Удивительно, как это удалось сделать одному человеку, пусть даже с помощниками. Имя Алексея Петровича Смирнова благодаря изучению Булгара долго будет жить в булгароведении.

Алексея Петровича знал каждый житель села от мала до велика. К нему относились очень уважительно за его открытость, доступность, обаяние.

И наконец, в значительной мере, благодаря Алексею Петровичу, Булгар стал заповедником. Его заботы об исследовании памятника, беспокойство о его сохранности и необходимость музееификации вызвали к жизни Булгарский заповедник, создания которого Алексей Петрович долго и весьма упорно добивался.

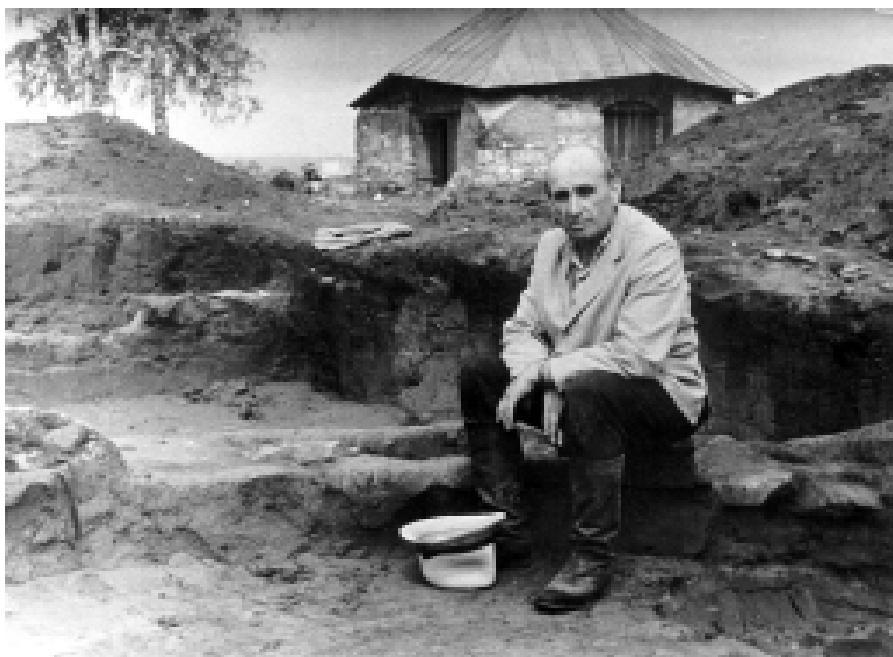
Воскресный снимок на память в Булгаре. 1951 г.

Слева направо:

первый ряд — А.Х.Халиков, В.В.Седов, ?, ?;

второй ряд — Г.В.Юсупов, ?, Н.Д.Мец, Т.А.Хлебникова, Н.Штукина, Л.Н.Петров (фотограф);

третий ряд — З.А.Акчурин, А.М.Ефимова, Д.И.Архангельский (художник), В.А.Тихомирнова, А.П.Смирнов, О.С.Хованская.

Размышления у «Монастырского погреба» (Северный мавзолей). 1967 г.

Петр Старостин
А.Х.Халиков

В 1999 году Альфреду Хасановичу Халикову исполнилось семьдесят лет. Он скончался пять лет назад — 24 июля 1994 года, когда ему было всего 65. Причину эту выявлять очень трудно. Но я знаю, что ему жилось не совсем легко, как думают многие. Он очень много и напряженно трудился, имел всегда свое мнение, стремился его отстаивать. Приходилось отдавать много сил и энергии, чтобы добиться решения элементарных вопросов, связанных с организацией и проведением экспедиций, изучением работ, командировок и т.д. Наконец, Альфред Хасанович работал, отдавая все силы. Когда не было нормальных квартирных условий, он задерживался на работе до 10—11 часов вечера. Это воспитывало молодых отдавать работе все силы.

Альфред Хасанович родился 30 мая 1939 года в д.Курманаево Нурутского района в семье учителей. Вскоре после рождения сына родители переехали в г.Казань. Альфред Хасанович учился в средних школах г.Казани, закончил школу №2 в 1947 году. В том же году он поступил на историческое отделение историко-филологического факультета Казанского университета. В студенческие годы он познакомился с известным историком и археологом Н.Ф.Калининым, который увлек его наукой — археологией на всю жизнь. Альфред Хасанович, будучи студентом, активно участвовал в работе археологического кружка и в археологических экспедициях. В студенческие годы он завершил и опубликовал первую научную работу «Некоторые вопросы древнейшей истории Татарии (по археологическим материалам экспедиции 1949 г.)», которая получила I премию Министерства высшего и среднего специального образования СССР. Окунувшись с головой в науку, Альфред Хасанович в 1951 году (до окончания университета) устроился на работу в сектор истории института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР на должность лаборанта-археолога. Институт языка, литературы и истории стал на всю жизнь основным местом работы Альфреда Хасановича. В нем он прошел путь от лаборанта до доктора наук, профессора, члена-корреспондента Академии наук Татарстана.

Альфред Хасанович Халиков

В 1955 г. Альфред Хасанович защитил кандидатскую диссертацию, а в 1966 г. — докторскую. Перу Альфреда Хасановича принадлежит более пятисот научных работ, в том числе более тридцати книг. Кроме того им написана целая гора отчетов по итогам археологических экспедиций. Экспедиционные выезды он начинал обычно в мае и заканчивал в октябре. Но иногда организовывал и необычные выезды. Одной из таких экспедиций была поездка в марте-апреле 1963 года на Ново-Мордовский могильник в Спасский район. В 1962 году от болгарского школьника Шевякова В. А.Халиков получил письмо, в котором сообщалось о надмогильных камнях с изображением оружия. Летом 1962 года при обследовании места находок было поднято несколько камней действительно с изображением секир и кинжалов. Камни доставали из-под воды, увязая в илистом дне. Вместе с камнями на дне были найдены бронзовые втульчатые топоры-кельты, обломки глиняных сосудов, бронзовые бляшки и другие предметы. Все свидетельствовало о наличии остатков древнего могильника. Но произвести раскопки его можно было, когда спадет вода. Альфред Хасанович знал, что вода обычно сбрасывалась в феврале-марте, когда еще стоит зима. Но экспедицию организовали, высадились на небольшом возвышении, поставили палатки. Вода на Волге действительно спала, поэтому было одно решение: снять лед и очистить площадку для раскопок. Лед разбили ломами и топорами и площадку очистили на предполагаемом могильнике. Когда земля немного просохла, ее стали раскапывать. Но следов погребений на ней не оказалось: погребения были размыты. Глубокой осенью 1963 года, когда вода вновь сильно спала, Е.П.Казаковым были найдены погребения на соседнем возвышении. Материалы могильника привлекли внимание широкого круга исследователей. В 1974 году они демонстрировались в г.Москве на выставке, посвященной 250-летию АН СССР. Благодаря регулярным разведкам, проводимым в последние годы Е.П.Казаковым, Е.А.Беговатовым, В.Н.Марковым, А.А.Чижевским, были выявлены новые ананьинские могильники с надмогильными плитами.

В семидесятые годы Альфред Хасанович успешно использовал для исследования булгарских памятников аэрофотосъемку. Снятые с самолета планы Билиарского городища и его округи представляют бесценный источник. Белесые пятна на фотографиях — это остатки древних зданий; на плане можно видеть и следы древних улиц города; темные подчетырехугольники, по-видимому, были когда-то водоемами. Используя этот фотоплан, можно планомерно исследовать объект за объектом древнего исчезнувшего города. Попутно Альфреду Хасановичу удалось снять Сувар и некоторые другие древние памятники.

Роль Альфреда Хасановича как археолога-полевика трудно переоценить. Он после Н.Ф.Калинина возглавил составление археологической карты Татарстана. Вместе с Н.Ф.Калиныным он активно исследовал первобытные памятники в зоне затопления Куйбышевской ГЭС

(стоянки Займище, Обсерватория, Отарские, Карташинские, Атабаевские и другие, Именьковское I городище и другие объекты). С 1956 года по 1960 год А.Х.Халиков по приглашению Правительства Марийской АССР возглавлял Марийскую археологическую экспедицию. До этого территории Марийской республики была белым пятном на археологической карте Поволжья. Результаты работ были серьезным вкладом в археологическую науку: открыты сотни новых первобытных памятников, а также памятники древних марийцев.

Позже Альфред Хасанович приступил к исследованию Билярского городища — одного из крупнейших памятников Восточной Европы. Исследования этого объекта позволили открыть интересные сооружения (мечеть, жилые здания, бани и др.), выявить остатки ремесленных мастерских (гончарных, железоделательных, по получению стекла и т.д.). Кроме того, при раскопках был получен большой вещевой материал домонгольского периода. К сожалению, материалы по Билярскому городищу остаются пока не обобщенными монографически. Но они подтверждают существование цивилизации, которая в домонгольское время во многом определяла ситуацию в Восточной Европе. Четверть века отдано раскопкам на Билярском городище. В Билярском музее есть комната, посвященная А.Х.Халикову. Небольшое количество подлинных вещей воскрешают в памяти образ неугомонного полевика, отдавшего все силы археологии.

Семидесятые годы были наиболее сложными и трудными в жизни Альфреда Хасановича. Несостоявшийся юбилей г.Казани привел к тому, что многие в г.Казани от него отвернулись, стали относиться не серьезно. В это же время ушла из жизни Елена Александровна. Были стремления и уехать из Казани. Но постепенно все входило в спокойное русло. Снова, уйдя в науку, Альфред Хасанович обратился к своим любимым темам — эпохе бронзы, раннему железному веку и другим проблемам.

В восьмидесятые годы Альфред Хасанович занимался проблемами буртасов, взаимоотношений Волжской Булгарии и Киевской Руси. Вместе с коллегами института археологии Украины он организовал специальную экспедицию по изучению торгового пути из Булгара в Киев. Итоги этих исследований обобщены в специальной монографии А.Х.Халикова и А.П.Моци. Кроме того, он занимался проблемами изучения древней Елабуги, и в девяностые годы вновь приступил к археологическому изучению г.Казани.

Другим направлением научной деятельности А.Х.Халикова были проблемы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья. Он хорошо понимал, что эти вопросы должны решаться на комплексе источников (археологических, исторических, этнографических, лингвистических, фольклорных и других). Широкое знание археологии дало возможность Альфреду Хасановичу написать серию работ по этногенезу финно-угорской общности. Он был склонен относить появление ранних тюркоязычных народов на Средней Волге к началу нашей эры и связывал это с андреевско-писеральским кругом памятников.

Альфред Хасанович был участником практически всех конференций, посвященных проблемам этногенеза народов Поволжско-Уральского региона. Он считал, что в основе этногенеза татарского народа был булгарский компонент, но не отрицал и включений кипчаков в эпоху Золотой Орды. Интересные наблюдения А.Х.Халиковым высказаны по проблемам этногенеза марийцев, мордвы, удмуртов, коми. Со средины шестидесятых годов до последнего года жизни Альфред Хасанович читал в Казанском университете курс лекций по этногенезу народов Среднего Поволжья и Приуралья. Долгие годы он работал над монографией «Этногенез народов Среднего Поволжья и Приуралья». Книга перерабатывалась и дополнялась многократно. Но рецензенты всякий раз делали все новые и новые замечания и пожелания, чтобы книгу не издавать. В этой ситуации опубликовать удалось лишь первую часть, посвященную финно-угорским народам.

Альфред Хасанович был человеком очень пытливым, интересующимся. Однажды в г.Йошкар-Оле он узнал, что в бассейне реки Большой Кокшаги был древний мусульманский надмогильный камень с надписями. Но следы камня терялись. Альфред Хасанович переписывался, давал объявления в газетах, и нашлись люди, которые сообщали, что камень долгие годы находится в ДОСААФ г.Йошкар-Олы. Оказался камень в этом учреждении при следующих обстоятельствах. Когда расформировывали музей города во время войны, камень передавали во многие учреждения, а потом перевезли в ДОСААФ, где его использовали в качестве ступеньки при входе. Когда Альфред Хасанович узнал об этом, он тут же организовал доставку камня в музей и снял с него эстамп. По приезде в г.Казань А.Х.Халиков показал эстамп камня известному эпиграфисту Г.В.Юсупову, который пришел в восторг. Этот камень еще в 1938 году он искал, выезжая на р.Большую Кокшагу в с.Липша. Однако камень перед приездом Г.В.Юсупова увезли в Йошкар-Олу местные комсомольцы.

А.Х.Халиков имел активные контакты с зарубежными учеными. В начале шестидесятых годов ему первому из казанских ученых-гуманитариев удалось пройти через железный кордон на запад: он совершил поездку в Финляндию, где работал с коллекцией древних вещей, собранных Заусайловым. География научных докладов Альфреда Хасановича очень обширна — Финляндия, Болгария, Венгрия, Италия, Япония, Чехия, Польша, Англия и другие страны.

Трудно переоценить роль Альфреда Хасановича в охране памятников истории и культуры. Он был инициатором создания заповедников на территории Татарстана. При его активном участии были созданы заповедники в Булгаре, Билярске, Елабуге и Казанский Кремль. Благодаря его активной помощи и участии появились в республике и некоторые другие музеи.

Альфред Хасанович был инициатором проведения охранно-спасательных экспедиций в зоне функционирующего водохранилища Куйбышевской ГЭС, откуда с первых лет существования рукотвор-

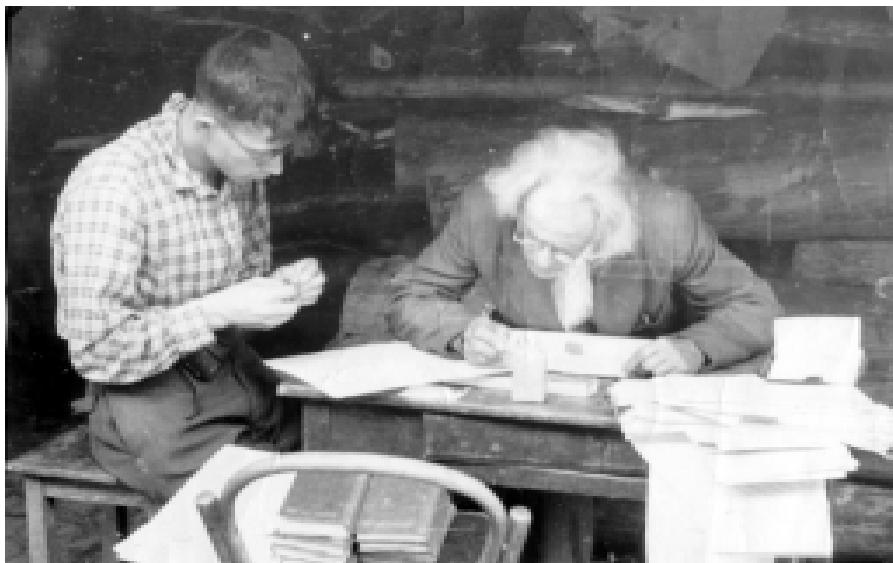
ного моря стали поступать сведения о разрушающихся археологических объектах. В результате этих работ были собраны коллекции древних вещей, открыты уникальные археологические объекты: поселения эпохи камня и бронзы, могильники раннего железного века, могильники и поселения азелинской и именьковской культур, торгово-ремесленные поселения волжских булгар домонгольского периода и другие. Работы в зоне водохранилища Куйбышевской ГЭС получили положительную оценку на уральских археологических совещаниях и в научных учреждениях г.Москвы.

С 1957 г. до последнего года жизни Альфред Хасанович преподавал в Казанском университете (читал лекции по археологии, этногенезу народов Среднего Поволжья и Приуралья, руководил полевой археологической практикой.). Им подготовлены десятки археологов, работающих во многих регионах России.

Альфред Хасанович часто выступал по радио и телевидению на злободневные научные проблемы, освещал успехи проведенных экспедиционных работ, призывал к организации музеев, сохранению археологического наследия. Часто в местных и центральных газетах появлялись его статьи. Тематика их была тоже разнообразной, но содержание всегда привлекало внимание не только историков, но и филологов, этнографов и краеведов-любителей.

Была ли научная критика в адрес Альфреда Хасановича? Была. Дискуссий он не боялся, так как была возможность выступить, обменяться своими впечатлениями, включить новые полученные материалы. Но на мелочные нападки («укусы») он старался не реагировать, чтобы не разжигать ненужные споры.

Вклад Альфреда Хасановича в науку всегда будет цениться.

Учитель и ученик — Н.Ф.Калинин и А.Х.Халиков. 1948 г., с.Именьково.

В разведке по левому берегу Волги. Начало 1950-х годов.

Сорок лет назад. 1959 г. Лагерь археологов на раскопках неолитической стоянки на «Галанкиной горе» в Марийской АССР.

Справа налево:

третий ряд, второй — А.Х.Халиков;

второй ряд — Р.Фахрутдинов, Р.Сафин, Е.Казаков;

первый ряд — И.Латыпов, Д.Яруллина (Валеева), Р.Валеев, Е.Безухова (Халикова).

Далее первый и второй ряды: студенты Горьковского и Казанского университетов. На заднем плане — местные дети, пришедшие в лагерь с любознательной целью. Фото Р.Ибрагимова.

А.Халиков (справа) на Билярском городище. 1980-е годы.

Евгений Казаков

Новые археологические материалы к проблеме ранней тюркизации Урало-Поволжья*

Решение проблемы ранней тюркизации Урало-Поволжья и Прикамья в эпоху средневековья непосредственно связано с методическими подходами к ней. Ряд исследователей, в основном, не археологи, придерживаются автохтонизма, то есть полагают, что тюрки жили здесь с древности (по крайней мере с эпохи раннего железа — скифского времени). При этом предполагалось, что, не изменяясь до нашего времени (или мало изменяясь), существовали этнос, его язык, самосознание. Несомненно, в таких подходах присутствуют элементы метафизичности, так как даже на примере народов, имеющих свою государственность, письменность, фиксируются кардинальные изменения за сравнительно исторически короткое время (римляне — итальянцы; славяне Киевской Руси — русские, украинцы, белорусы; булгары — казанские татары и т.д.). Письменная традиция, казалось бы, должна консервировать язык, однако, она же четко показывает изменение его, например, почти у всех народов современности от эпохи средневековья.

Более обоснованными представляются точки зрения тех ученых, которые учитывают особенности диалектически сложных явлений в процессе формирования этнокультурной ситуации Урало-Поволжья на различных исторических этапах. Правда, материалы для обоснования таких представлений стали накапливаться лишь в последние десятилетия. Они свидетельствуют как о миграционных процессах в крае, так и культурных новациях в этнических группах в результате их внутреннего развития и взаимодействия с соседями.

В природно-географическом отношении Урало-Поволжье и Прикамье чрезвычайно благодатны для проживания коллективов людей с различным хозяйственным укладом. находясь в определенном отдалении от обычных миграционных путей евразийских кочевников, регион в тоже время был открыт для них. В крае самым непосредственным образом оказывались все эпохальные политические события Евразии, особенно в подвижном, динамичном, беспокойном и безграничном море степей и лесостепей.

Проблема тюркизации региона стала предметом специальных работ тридцать лет назад и с тех пор актуальность ее только увеличивается. Хотя нужно отметить, что определенные попытки решения ее предпринимались учеными еще в XVIII и XIX вв. Касаясь вопроса о происхождении волжских булгар, они стремились выделить различные, в том числе и тюркский, компоненты в их составе.¹

Пять точек зрения исследователей о приходе тюрок в Приуралье и Среднее Поволжье выделил языковед М.З.Закиев.² Он отметил, что

* Ряд утверждений автора статьи (о дате и об этносе носителей именьковской культуры, о сарматском мире Урало-Поволжья с гуннского времени и др.) не всегда сходится с мнением редакции. — Ред.

основная часть авторов связывает приход тюрок с булгарской эпохой, хотя имеются точки зрения о появлении их в гуннскую эпоху или, даже, в XIV в. н.э. Подвергнув критике такие представления, М.З.Закиев полагал, что тюркоязычные племена, «богатые хозяева» (ирк, биар, билер, бигер) жили в Волго-Камском регионе еще в IX-VII вв. до н.э.³ К такому выводу он пришел на основе данных языка, не имеющих твердую хронологическую и пространственную привязку.

Существовали и существуют (нередко на уровне гипотез) и другие представления по рассматриваемой проблеме. Каковы же возможности решения ее на конкретном археологическом материале?

Работы в этом направлении вели многие археологи, в том числе такие известные как А.П.Смирнов,⁴ В.Ф.Генинг.⁵ Проблемой основательно занимался А.Х.Халиков. В конце 60-х — начале 70-х годов он начинает работать над решением вопросов формирования тюркоязычных народов края. Первая большая, почти в два печатных листа, статья по этой теме была опубликована в 1971 г.⁶ В ней отмечается, что в первых веках нашей эры рассматриваемый регион был занят сарматскими и финноугорскими племенами. Однако, с III в. н.э. в крае появляется население, оставившее памятники типа Тураевского могильника. В этом автор видел приход древнейших тюркоязычных племен.⁷ Появление новых раннетюркских «огурских» племен в регионе он относит к концу IV -первой половине V в. н.э. и связывал их с тураслинскими и другими памятниками этого, как считалось, времени.⁸ Полагая именьковские племена древнетюркскими, он соотносил их язык с чувашскими.⁹

Так А.Х.Халикову представлялся первый этап тюркизации края. Следующий этап прихода тюрок он связывал с появлением новых курганных могильников VI-VII вв. в Приуралье.¹⁰ В целом исследователь утверждает, что еще в булгарское время происходила тюркизация края и шла она в несколько этапов.

В последующих работах А.Х.Халиков развивает вышеуказанное, определяя гуннский и тюркский этапы тюркизации.¹¹ Выделяет он и предбулгарский период.¹²

В более поздних работах исследователь склоняется к мысли, что именьковская культура оставлена балтийскими племенами. В то же время он утверждает, что близкая к именьковской тураслинская культура оставлена тюркоязычным населением.

Таким образом, в работах А.Х.Халикова, выводы которых он стремится обосновать преимущественно археологическим материалом, постоянно отмечаются одни и те же положения. Он отрицает т.н. автохтонность тюркоязычного населения, выделяет ряд этапов тюркизации края и подчеркивает, что пришельцы находились в тесном взаимодействии с местным населением.¹³

Рассмотрим новые археологические материалы по данной проблеме придерживаясь, преимущественно выделенных А.Х.Халиковым этапом. Так в докуннский период степные и южные лесостепные районы

Урало-Поволжья несомненно находились под контролем сарматских племен. В районах, прилегающих к Прикамью, проживали финно-угры. Об этом достаточно четко свидетельствует материал пьяноборской культуры.

В гуннский период, как справедливо отмечают практически все исследователи, в регион проникает новое население. Оно, в частности, оставил Тураевский могильник на правобережье р.Камы, в котором были погребены сильно вооруженные воины. Они находились в массивных толстостенных колодах, уложенных в глубокие (до 270 см), длинные (до 320 см) и широкие (до 120 см) могилы и были ориентированы головой на юго-запад. От всех других средневековых памятников Прикамья этот некрополь отмечается не только размерами могил и их глубиной, но и необычайно большим количеством предметов вооружения, сопровождающего погребенных. В состав его входили кинжалы (8 экз.), топоры (5 экз.), копья (10 экз.), шлемы (2 экз.), кольчуги (3 экз.), пластинчатый панцирь. В могилах встречены также остатки портупей для ношения оружия и предметы конского снаряжения.¹⁴ В.Ф.Генинг датировал памятник концом IV — первой половиной V в.

Такой же могильник, датированный концом IV — началом V в., изучен на Верхней Каме в Бартымском районе у д.Кудаш.¹⁵ Видимо, события на юге, сопровождавшие движение гуннов, привели к появлению в Прикамье населения, оставившего такие памятники со своеобразными элементами культуры.

Откуда же пришло это население? Возможно, оно имело южное, среднеазиатское, происхождение. Во всяком случае, орнаментация на шлеме, на одном из мечей, находят аналогии в сасанидском мире (рис.1).¹⁶ О связях со Средней Азией свидетельствуют также кольцевые ровики вокруг курганов, подбой в стене могилы, куда клался жертвенный комплекс, крупных размеров янтарные бусы. Все эти элементы находят параллели в раннесредневековых некрополях Восточного Приаралья,¹⁷ где даже в начальный период Первого Туркского каганата продолжали проживать сарматы и угры (см. ниже).

Таким образом, принадлежность памятников Тураевского типа тюркам остается под вопросом. Возможно, что они связаны с бежавшими от гуннов сарматами, которые в докунский период преобладали в евразийских степях.

Но как бы это не было, население, оставившее некрополи тураевского типа, осталась немногочисленным и скоро было ассимилировано местным финно-угорским населением. Об этом свидетельствует материал расположенных рядом с отмеченными Тураевскими курганами грунтовых (бескурганных) захоронений мазунинской культуры.¹⁸

О проживании в это время сармат на Южном Урале свидетельствуют некрополи¹⁹ и поселения имендяшевского типа, относящиеся к гуннскому времени. Еще один, типично позднесарматский некрополь, изучен в 1984 г. у райцентра Старая Майна Ульяновской области.²⁰ В нем выявлено 23 сильно разрушенных, видимо, подкурганных,

захоронений. Умершие, ориентированные головой в восточном направлении, находились в длинных (до 300—330 см) могильных ямах. По вещественному материалу, памятник синхронен Тураевскому могильнику и некрополям мазунинской и раннеазелинской культур. Как и в Тураеве, в могильнике отмечены находки лепных плоскодонных горшков. Однако, наличие чернолощенных чаши и кувшина с парным зигзагообразным орнаментом (рис.1,3,4) с полным правом позволяют относить памятник к сарматам. Видимо, какие-то события гуннского времени принудили отойти к северу эту этническую группу.

Свидетельством миграционных процессов, происходивших в Урало-Поволжье в гуннское время, являются находки бронзовых, т.н. «гуннских» котлов у с.Татарское Сунчелеево Черемшанского района Татарстана.²¹ Правда, они отмечены на именьковском селище, которое датируется, видимо, не ранее, чем VI в.* Такие котлы, по классификации И.Ковриг, относятся к первому варианту и распространены, преимущественно, в Восточной Европе. Один из них найден даже в таежной зоне бассейна Северной Двины²² и связывать его с приходом туда гуннов, конечно, не приходится. Интересно, что керамические имитации котлов этого варианта встречены в вышеотмеченных памятниках Восточного Приаралья.²³

Исходя из вышеотмеченного, можно прийти к выводу о том, что, если тюркский компонент и был представлен в гуннское время в рассматриваемом регионе, то достаточно опосредовано (например, в качестве ведущей политической силы). Совсем другая ситуация сложилась в более южных районах Восточной Европы. Здесь, появившееся в гуннское время древнетюркское население, полностью доминировало. Позднее оно переселяется в Среднее Поволжье, положив начало булгарской эпохе. Плохо изучены, практически единичны, памятники степных зон этого времени.

Со вторым этапом А.Х.Халиков в своей более поздней работе связывал приход в край тюрко-угорского населения, представленного, по его мнению, памятниками VI-VII вв. в Приуралье и Прикамье.²⁴ С этим населением он соотносил массовое появление кладов восточного серебра в Прикамье. Исследователь полагал, что на рубеже VI-VII вв. появляются могильники Шареевский, Сахаевский, Куштеряковский, Текталачукский, Меллятамакский и другие (все они относятся к кушнаренковской культуре) и исчезают Бахмутинский, Бирский, Турбаслинский (А.Х.Халиков относил их бахмутинской культуре).²⁵ Он подчеркивал, что в VII-VIII вв. в Закамье и Приуралье образуется «Великая Венгрия», а между ранневенгерскими и именьковскими (по А.Х.Халикову, балтскими) племенами осуществляются контакты.²⁶

Конечно, такие широкие построения в то время не были достаточно обоснованны. В последнее время появились новые объемные материалы. Они представили материалы по датировке и этнокультурной принадлежности комплексов VI-VIII вв. Урало-Поволжья.

* Здесь неточность. Сунчелеевские котлы датируются, как и другие восточноевропейские гуннские котлы, не VI, а IV веком. — Ред.

Так, во многом, приходится пересматривать весь комплекс вопросов, связанных с именьковской культурой. За последние годы археологами Татарстана раскопаны новые памятники этой общности: II Коминтерновский, IX Измерский, V Маклашевский, Ташкирменьский могильники, селища «Шихан», Полянское и другие (рис.2). Особенno ценные и, во многом, неожиданные материалы предоставили некрополи, где обнаружены захоронения с трупоположениями, содержащие разнообразные вещевые комплексы. Наиболее крупным из них является некрополь у пос. Коминтерн в Спасском районе Татарстана. Помимо типичных для именьковской культуры захоронений с трупосожжением, здесь исследовано два десятка могил с ингумацией. Погребенные находились в глубоких (до 200 см), длинных (до 300 см) и широких (до 110 см), иногда с подбоями в могилах. Умерших клади головой на север в массивные, частично обожженные гробовища. Черепа части погребенных имели искусственную деформацию.

В могилах находились остатки животной пищи, характерная именьковская керамика, жертвенные комплексы лошади с предметами конского снаряжения, предметы вооружения и костюма (рис.3). Судя по богатым поясным наборам с серебряными деталями раннегеральдического облика, могильник относится ко второй половине VI в.²⁷ Практически такой же некрополь изучен в Кушнаренковском районе Башкортостана на р.Белой,²⁸ который исследователи связывают с турбаслинской культурой. Оба этих памятника содержат общие для именьковской и турбаслинской культур могилы с трупосожжением и трупоположением, турбаслинско-именьковскую керамику, жертвенные комплексы из черепа и костей ног лошади, аналогичные предметы и украшения.

В последние годы в Альметьевском районе Татарстана изучены турбаслинско-именьковские селища с таким керамическим материалом. Они позволяют локализовать общность таких памятников на огромной территории от Приуралья до р.Волги.²⁹ Аналогичные поселения выявлены и в районе Верхней Суры (ош-пандинская группа памятников). Таким образом, обширные районы лесостепи Восточной Европы в эпоху Первого Тюркского каганата были заняты населением, оставившим вышеуказанные памятники (рис.2). Это было оседлое земледельческое население, имеющее селища, городища.

Первоначально именьковские памятники из-за отсутствия достаточного материала (на поселениях и в погребениях с трупосожжением встречалось мало вещей), датировались с III до VIII вв.³⁰ В настоящее время, в связи с новыми данными, можно полагать, что турбаслинско-именьковские памятники в своем, как мы сейчас представляем, классическом своеобразии появились только в середине VI в. и связано это, скорее всего, с миграционными процессами, сопровождающими образование Первого Тюркского каганата.

Для средневековой истории Урало-Поволжья, да и всей Восточной Европы, долгое время актуальной остается проблема этнокультурной принадлежности именьковского населения. Всю вторую половину нашего столетия, после того как в 50-е годы была выделена

именьковская культура, исследователи решали ее, выдвигая различные точки зрения. Они указаны в специальной работе Г.И.Матвеевой, посвященной этому вопросу. Отмечая труды Н.Ф.Калинина, А.П.Смирнова, В.Ф.Генинга, А.Х.Халикова, П.Н.Старостина, П.Д.Степанова, она выделила четыре основные гипотезы происхождения именикова: 1) на городецкой основе; 2) в результате прихода тюрок из Сибири и смешения их с местными финно-уграми; 3) вследствие прихода мадьяр с Южного Урала; 4) в результате смешения городецких и лесостепных славянских племен.³¹ К этому нужно добавить указанную точку зрения А.Х.Халикова о балтском происхождении именикова.

Новые материалы, как и в отношении хронологии, способствуют решению этой проблемы. Так, в их материале еще сохраняются керамические комплексы лбищенского и имендяшенского типов, характерных для сармат Урало-Поволжья еще в гуннскую эпоху.³² В то же время, основной материал оригинален и, преимущественно, связан истоками с Восточным Приаральем и другими районами Средней Азии. Наиболее выразительны материалы могильников. Как и в памятниках Приаралья,³³ в них отмечены могилы с подбоями, северная ориентировка погребенных с деформированными черепами. Сходство прослеживается в составе кольцевидных сережек с ободком, коралловых и крупных янтарных бус, фибулах, бронзовых коробочках, поясных наборах с накладками раннегеральдического облика, кольцевидных подвесках с утолщениями, бронзовых фаллических фигурках.³⁴ Керамика в основном, представлена плоскодонными горшками, реже кувшинами, однако, в турбаслинских памятниках Башкирии часто встречаются круглодонные сосуды с высокой шейкой, явно связанные, по происхождению, с памятниками саргатской культуры Западной Сибири.

Судя по женскому костюму имениково-турбаслинского населения, который застегивался с помощью двух плечевых фибул (рис.4) его, скорее всего, следует связывать с поздними сарматами. Такая одежда продолжает традиции римской провинции и в эпоху средневековья была заимствована германцами, славянами, сарматами. Восточные границы ее распространения совпадают с локализацией сармат в Приаралье. Тюркский костюм такие детали не включал. В то же время многие элементы такой одежды были заимствованы финно-уграми Прикамья VI-X вв.

Приняв время существования имениково-турбаслинских древностей второй половиной VI в., рассмотрим политическую ситуацию этого времени. С достаточным основанием можно полагать, что данный регион был под политическим воздействием тюрок. В это время шла массовая миграция населения на запад (вспомним движение авар). В 558 г. тюрки в Приаралье разбили после упорного сопротивления племена хуни (хионитов), вар и огоров. Вероятно, часть этих племен и отошла в это время в Урало-Прикамье, в области своих летних кочевок. Если с хионитами мы можем связывать имениково-турбаслинское, т.е. позднесарматское, население, то огоры — это, несомненно, кочевые угры, в том числе и мадьяры.

Угорские племена появились в Приуралье вместе с именьковскими. Об этом свидетельствуют захоронения второй половины VI в. с характерной кушнаренковской керамикой в Бирском могильнике.³⁵ Она представлена лепными круглодонными сосудами с изящной резной, гребенчатой и в виде «гусеничек» орнаментацией. Благодаря своей специфике, посуда легко выделяется и большинство исследователей связывает ее с кочевыми уграми. Истоки керамики они находят в лесостепных районах Западной Сибири. Носители кушнаренковской культуры в конечном итоге вошли в состав волжских булгар, как об этом свидетельствует материал Большешиганского могильника IX в., который Е.А.Халикова и А.Х.Халиков непосредственно связывали с мадьярами (см.ниже).

Кушнаренковская и родственная ей карайкуповская культуры в VII в. сменила именьковско-турбаслинские памятники и в период своего расцвета в IX в. занимали территорию от Зауралья до Западного Закамья. Фактически одна общность культур сменила другую и это было связано с массовым переселением, вызванным постоянно меняющейся политической ситуацией в периоды тюркских и Хазарского каганатов. Указанные общности населения резко отличались друг от друга по культуре (рис.5) и образу жизни, поскольку кушнаренковское, в отличие от именьковского, было не оседлым, а кочевым.

Начиная с 1950-х годов, когда началось интенсивное изучение этой культуры (В.Ф.Генинг дал ей название кушнаренковской), по проблемам ее появилось немало работ. В последние два десятилетия опубликованы 4 статьи и две монографии, обобщающие полученные материалы. Выделены этапы развития кушнаренкова,³⁶ движения его в западном направлении на территорию ранее занятую именьковскими племенами (рис.6). Так, известные во второй половине VI в. известные только на территории Башкирии (собственно кушнаренковский этап), на манякском этапе (VII в.) кушнаренковские памятники появились в Восточном Закамье Татарстана (Такталачукский, Иман-лейский, VIII Меллятамакский могильники, сезонные стоянки).³⁷

Становление в середине VII в. Хазарского каганата, занявшего со временем обширную территорию Восточной Европы от Кавказа до Верхней Камы способствовало политической стабилизации в рассматриваемом регионе. Более интенсивно пошел процесс тюркизации. Если лесостепь продолжали занимать угры, то в более южных районах обитали тюркоязычные кочевники. При этом, если в Подонье и Приазовье под власть хазар попали постгуннские древнетюркские племена булгар, то в заволжских степях появляются новые тюркские народы.

В этом отношении несомненный интерес вызывает новинковская группа памятников, появившаяся на Самарской Луке в конце VI в. Она представлена тремя десятками курганных могильников, при этом многие курганы имели каменные обкладки. Высота насыпей от 14 до 140 см, диаметр от 3 до 16 м. Вокруг них отмечаются иногда кольцевые ровики. Камни встречены и в засыпях могил. Могильные

ямы, в плане часто вытянуто-овальной формы, нередко имели ступеньки и подбои. Глубина могил в среднем составляла всего 50—100 см. Умершие в сопровождении разнообразного инвентаря лежали вытянуто на спине головой на восток. Многие кости разрушены и исследователи предполагают здесь ритуальные действия (не исключено, однако, что это работа грабителей).³⁸

Г.И.Матвеева считает, что население, оставившее новинковские памятники, является булгарами, переселившимися в Среднее Поволжье из Причерноморья и Приазовья.³⁹ Этой же точки зрения придерживаются и другие самарские археологи.⁴⁰ Однако, такие элементы как курганы с каменной обкладкой и кольцевыми ровиками, восточная ориентировка погребенных, прорезные детали поясного набора с изображением оленей, серьги с привеской-бусиной и другие находят аналогии в тюркских памятниках далеко на востоке, вплоть до Алтая.⁴¹ В то же время, культура новинковских памятников резко отличается от салтовской культуры, которую булгары привнесли в конце VIII-IX в. в Среднее Поволжье (Большетарханский, Кайбельский, II Уренский и другие могильники). Новинковские древности, скорее всего, оставлены одной из тюркоязычных групп, входивших в состав населения Хазарии. Существенные элементы связи новинковских комплексов с тюрками Алтая отмечают и сами авторы раскопок их.⁴²

Таким образом, несомненно, тюркское население оставило новинковскую группу памятников. В то же время в VII в. политическое господство тюрок в лице Хазарского каганата простипалось далеко к северу от Самарской Луки. Скорее всего, с захоронением одного из вождей тюрок следует связывать известное Бураковское погребение в Спасском р-не Татарстана (низовья р.Ахтай) с предметами вооружения, конского снаряжения и многочисленными золотыми украшениями.

По образу жизни, идеологическим представлениям, кочевые угры были близки тюракам и их, нередко, также называли «турками» или «турками» (К.Багрянородный и др.). Несомненно, они входили в круг населения, которое А.Х.Халиков называл «турко-угорским» и участвовали в совместных походах. Как свидетельствуют данные о мадьярах, тюроки и угры могли входить в один союз племен.

В лесостепи Урало-Поволжья кочевые угры только во второй трети IX в. были выбиты печенегами и часть их ушла к Волге, участвуя вместе с переселившимися с юго-востока Европы болгарами, в создании нового государства — Волжской Булгарии.⁴³ В конце X в. новая, «постпетрогоромская» волна угров Среднего Урала заняла эту территорию, став дружественными соседями булгар — на их восточной границе. Их памятники, представленные чияликской культурой, занимая широкую территорию от р.Шешма до Зауралья существуют до XIV в. Письменные источники (Плано Карпини, Рубрук) называли этот регион «страной паскатир» или «Великой Венгрией». Во многом чиялик наследовал территорию именькова и кушнаренкова.⁴⁴

Только в XIV-XV вв., как показывают материалы чияликских могильников в Восточном Закамье и Башкортостане, это население

подвергается окончательной тюркизации и мусульманизации, хотя и сохраняет еще элементы языческой обрядности угров (лепную круглодонную посуду с гребенчато-шнуровой орнаментацией, погребальные маски и т.д.).⁴⁵ Тюркизированные угры стали важной составной частью этносов современного тюркоязычного населения Урало-Поволжья.⁴⁶

Таким образом, новые археологические данные свидетельствуют о сложности процесса ранней тюркизации Урало-Поволжья. Во первых, он происходил в несколько этапов и об этом, в частности, писал А.Х.Халиков. Во-вторых, он сопровождался формированием нового народа на основе взаимодействия этнических групп даже разных языковых семей (волжские булгары). В-третьих, была и «вторичная» тюркизация, когда древние тюрки постгуннского круга ассимилировались поздними тюрками. Судя по материалам эпиграфических памятников Закамья, этот процесс продолжался даже в золотоордынский период (М.И.Ахметзянов).⁴⁷

Примечания:

- ¹ Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии (Этапы этнокультурной истории). — М., 1992. — С.18—19.
- ² Закиев М.З. Проблемы этногенеза татарского народа // Материалы по истории татарского народа. — Казань, 1995. — С.14—15.
- ³ Там же... — С.88.
- ⁴ Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА, № 28. — М., 1952; Смирнов А.П. Железный век Башкирии // МИА, № 58. — М., 1957 и др.
- ⁵ Генинг В.Ф. К вопросу об этническом составе населения Башкирии в I тысячелетии нашей эры // Археология и этнография Башкирии. — Уфа, 1964. — Т.II. — С.111—129.
- ⁶ Халиков А.Х. Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. — Казань, 1971. — С.7—36.
- ⁷ Там же... — С.13.
- ⁸ Там же... — С.14—16.
- ⁹ Там же... — С.20.
- ¹⁰ Там же... — С.24—27.
- ¹¹ Халиков А.Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. — Казань, 1978. — С.40—50.
- ¹² Там же... — С.51—55.
- ¹³ Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. — Казань, 1989. — С.62—63.
- ¹⁴ Генинг В.Ф. Тураевский могильник V в. н.э. (захоронения военачальников) // Из археологии Волго-Камья. — Казань, 1976. — С.55—108.
- ¹⁵ Казанцева О.А. Исследования в Бартымском районе Пермской области и в Алнашном районе Удмуртии // АО-1994 г. — М., 1995. — С.210—211.
- ¹⁶ Генинг В.Ф. Тураевский могильник... — С.71, 76.
- ¹⁷ Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приуралья. — М., 1996. — С.3—391.
- ¹⁸ Генинг В.Ф. Тураевский могильник... — С.81.
- ¹⁹ Васюткин С.М. II Ахмеровский могильник позднесарматского времени /

- / Исследования по археологии Южного Урала. — Уфа, 1977. — С.82.
- ²⁰ Казаков Е.П. П Старомайнский могильник. — Куйбышев, 1987. — С.114—119.
- ²¹ Фахрутдинов Р.Г. Мелодия камней. — Казань, 1995. — С.43.
- ²² Степи Евразии в эпоху средневековья // Археология СССР. — М., 1981. — С.108, рис.4-б.
- ²³ Левина Л.М., Указ. соч... — С.260, рис.65.
- ²⁴ Халиков А.Х. Татарский народ... — С.67—71.
- ²⁵ Там же... — С.68.
- ²⁶ Там же... — С.70—71.
- ²⁷ Казаков Е.П. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры евразийских степей второй половины 1 тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). — Самара, 1998. — С.97—150.
- ²⁸ Генинг В.Ф. Памятники у с.Кушнаренково на р.Белой (VI—VII вв. н.э.) // Исследования по археологии Южного Урала. — Уфа, 1977. — С.90—108.
- ²⁹ Казаков Е.П. К вопросу о турбаслинско-именьковских памятниках Закамья // Культуры евразийских степей второй половины 1 тысячелетия н.э. — Самара, 1996. — С.40—57.
- ³⁰ Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры // САИ, вып.Д1/32. — М., 1967. — С.29.
- ³¹ Матвеева Г.И. О происхождении именьковской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья. — Куйбышев, 1981. — С.54.
- ³² Казаков Е.П. К вопросу... — С.56. Рис.6.
- ³³ Левина Л.М. Указ. соч. — С.155—336.
- ³⁴ Казаков Е.П. Коминтерновский II могильник... — С.119—150.
- ³⁵ Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. — М., 1968. — С.148, табл.26.
- ³⁶ Казаков Е.П. О хронологической типологии и этнокультурных контактах кушнаренковских памятников Татарии // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. — Томск, 1987. — С.18—30.
- ³⁷ Казаков Е.П. Кушнаренковские памятники Нижнего Прикамья // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. — Казань., 1981. — С.115—135.
- ³⁸ Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. — Самара, 1997. — С.43—63.
- ³⁹ Там же... — С.89—99.
- ⁴⁰ Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге. У истоков истории татар Волго-Камья. — Самара, 1998. — С.169—170.
- ⁴¹ Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии... — С.81—83.
- ⁴² Багаутдинов Р.С. и др. — С.170.
- ⁴³ Казаков Е.П. Волжская Болгария и финно-угорский мир // Finno-ugrica. — 1997, № 1. — С.35.
- ⁴⁴ Там же... — С.53, рис.10.
- ⁴⁵ Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. — М., 1978. — С.49—82.
- ⁴⁶ Гарустович Г.Н. Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры. Автореф. дис... канд.ист.наук. — Уфа, 1998. — С.3—24.
- ⁴⁷ Әхмәтҗанов Марсель. Болгар теленец язмышы (эпиграфика материала-ры буенча) // ТА. — 1998, № 1(2). — С.99—119.

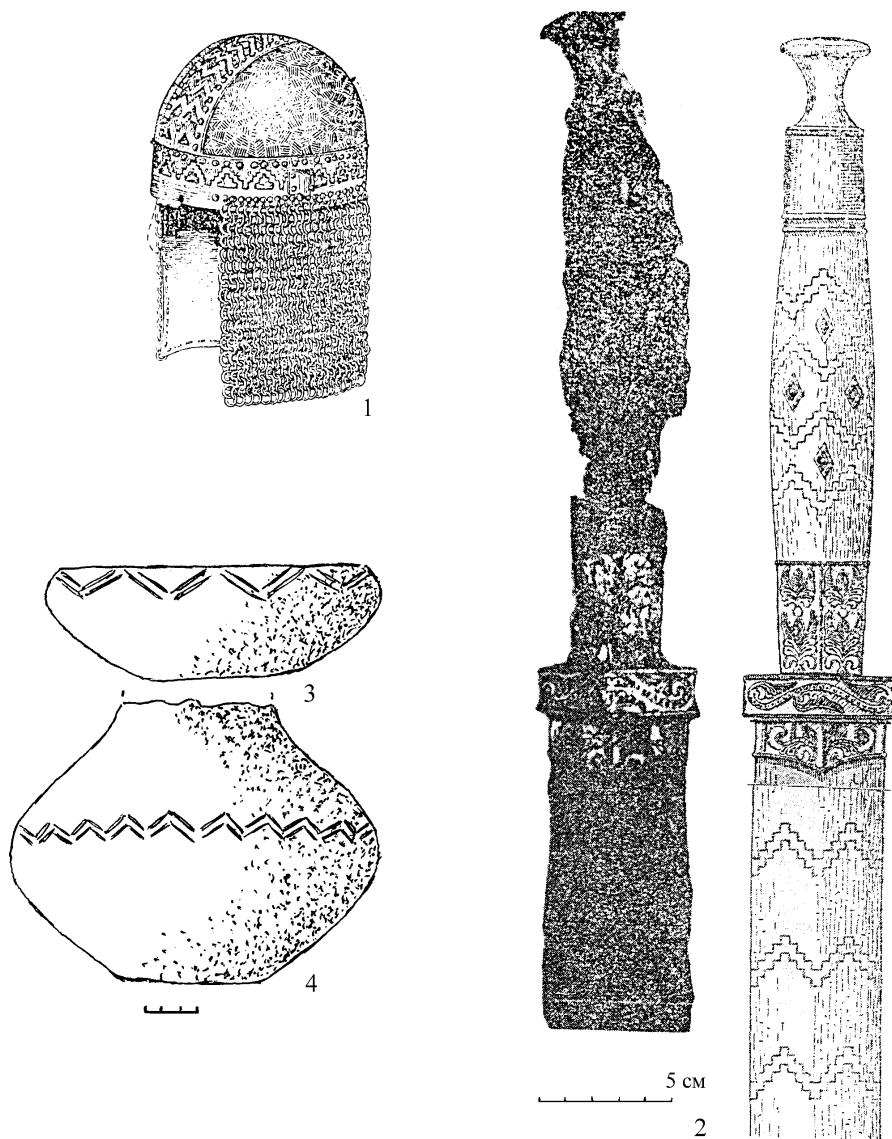
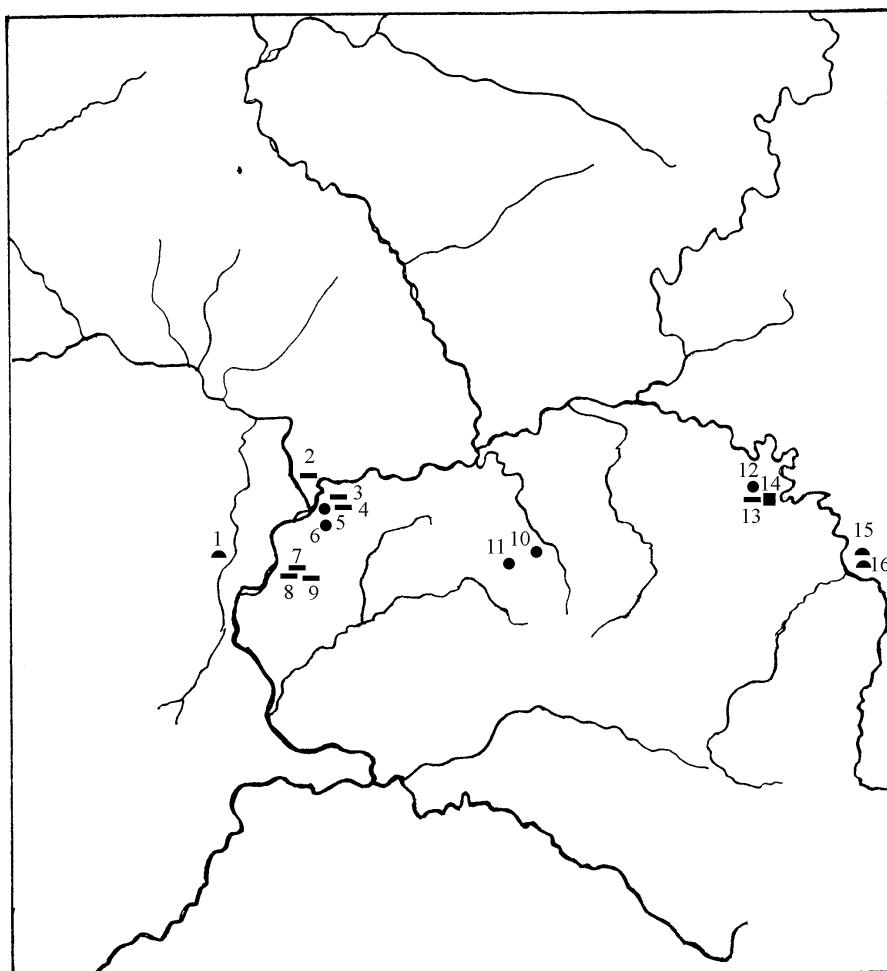

Рис.1. Вещевой материал из Тураевского и II Старомайнского могильников. 1, 2 — Тураевский могильник (по В.Ф.Генингу); 3, 4 — Старомайнский могильник.

■ - грунтовой могильник

■ - городище

● - курган

● - селище

Рис.2. Именьковско-турбаслинские памятники Урало-Поволжья второй половины VI—VII вв. 1 — Новоселковское погребение, 2 — Ташкирменский могильник, 3 — Коминтерновский II могильник, 4 — Бураковское погребение, 5 — Коминтерновское II селище, 6 — Измерское II селище, 7 — Маклашеевский IV могильник, 8 — Маклашеевский V могильник, 9 — Полянский могильник и селище III, 10 — селище «Шихан», 11 — Полянское I селище, 12 — Кушнаренковское I селище, 13 — Кушнаренковский (Турбаслинский) могильник, 14 — Кушнаренковское городище, 15 — Новотурбаслинский могильник, 16 — Ордженикидзевские курганы.

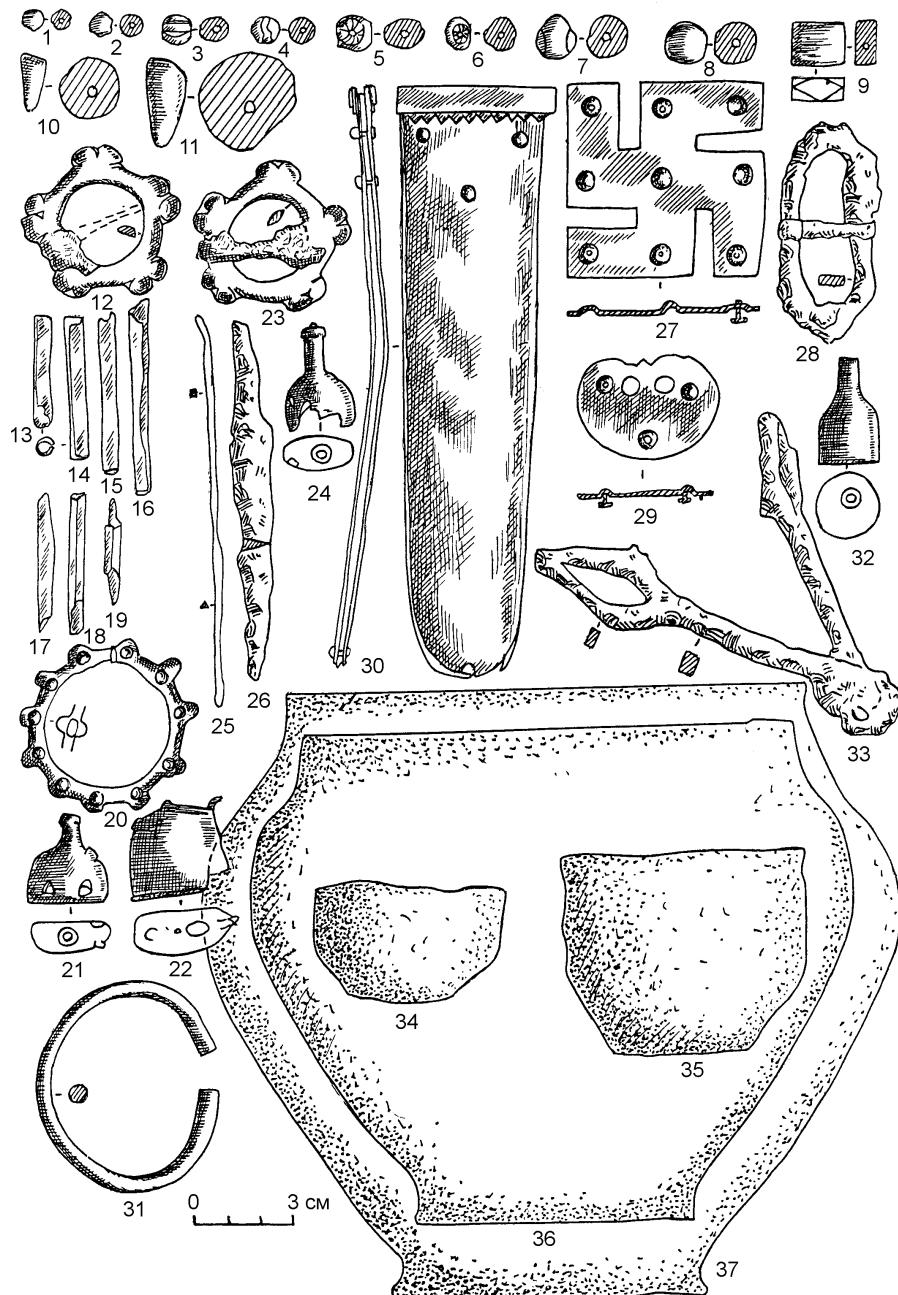

Рис.3. Комплекс вещей из погребения 26 Коминтровского II могильника. Вторая половина VI в.

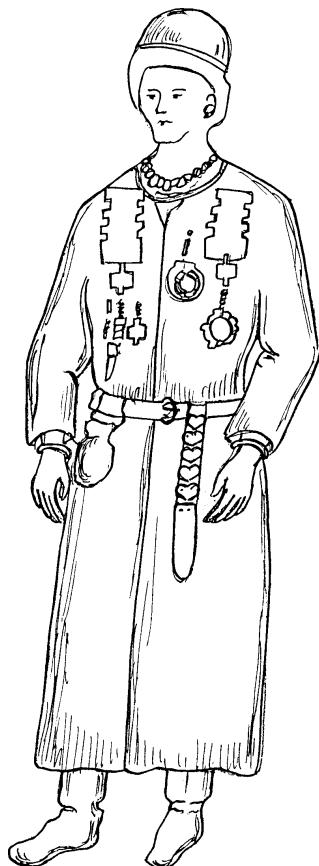

Рис.4. Именьковско-турбаслинский женский костюм. Реконструкция по материалу погребения 43 Коминтерновского II могильника. Вторая половина VI в.

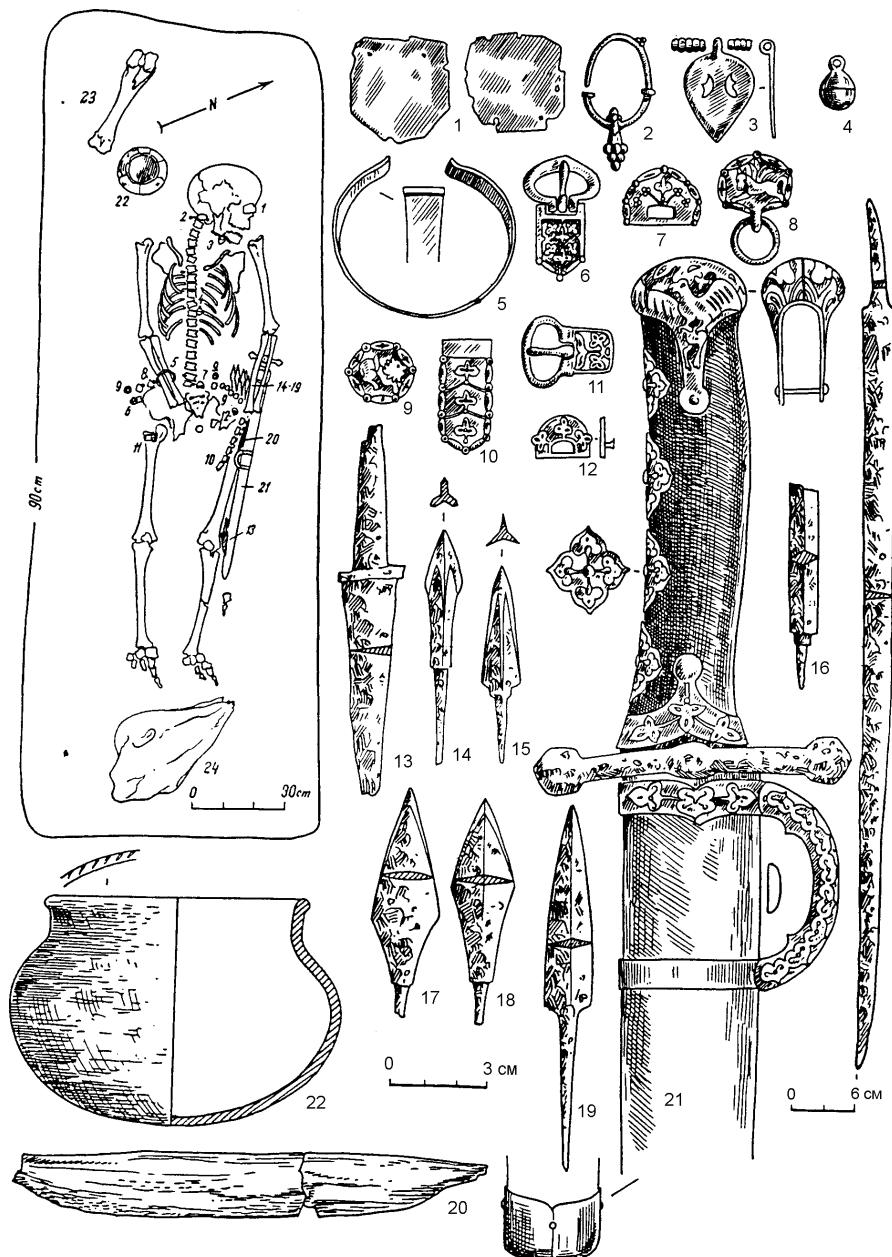

Рис.5. Комплекс погребения 6 Большетиганского кушнаренковского магильника. IX в. (по Е.А.Халиковой и А.Х.Халикову).

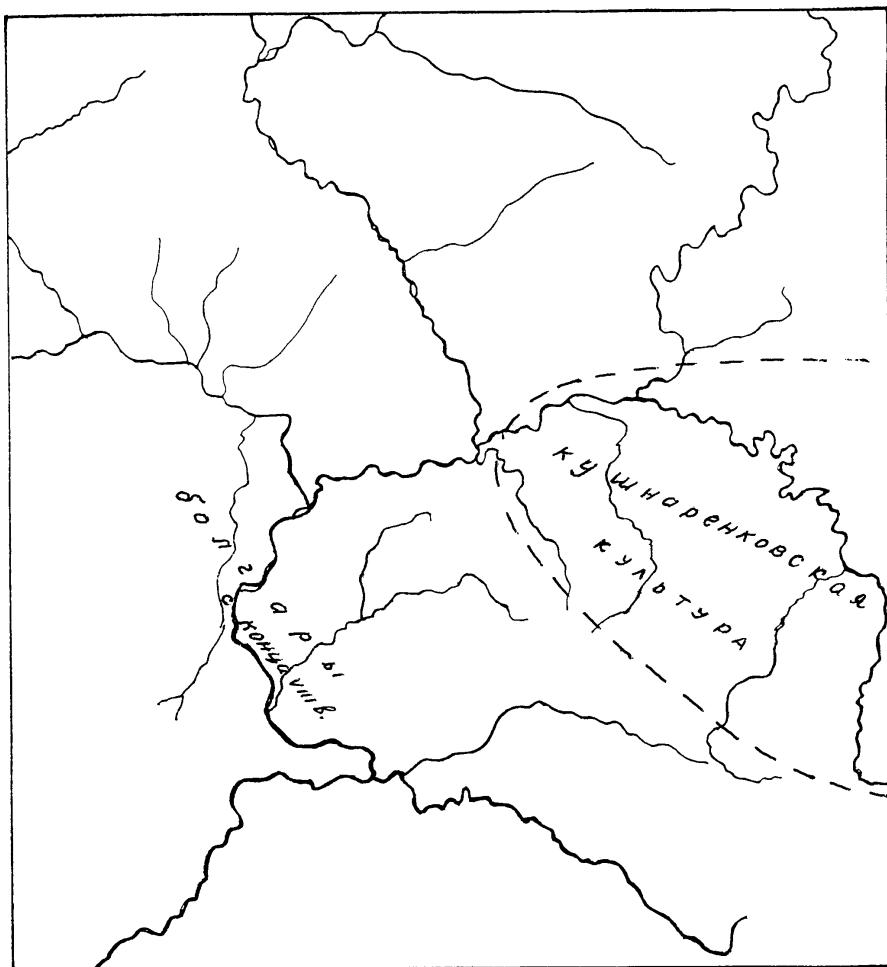

Рис.6. Культуры VIII—IX вв. Волго-Бельского междуречья.

**Марк Крамаровский
Печать конца XIII-XIV в.
с исламским вариантом христианской легенды
об отроках из Эфеса**

В Государственном Объединенном музее Республики Татарстан хранится матрица-печать из разрушенного кургана близ Билярского городища (Инв.№5427-58).^{*} Печать (рис.1а-е) с основанием в виде невысокой четырехгранной призмы и миниатюрной ручкой токарной работы выполнена из кости и предназначена для оттиска по воско-мастичной массе. Ее высота 2,9 см.; размеры прямоугольника основания 1,2x1,4 см.; в верхней части ручки высуверлено два канала, сходящихся в одно отверстие у вершины, в которое продевался шнур для подвешивания. Боковые грани призмы украшены изображениями человека на троне, всадника, олена (?) и грифона; основание матрицы занято композицией из пяти мужских фигур.

По богатству изобразительного материала, билярская находка не имеет аналогий среди известных сейчас печатей, вырезанных из кости. Типологически она примыкает к серии хорошо известных русских прикладных матриц-печатей XII-XIV вв. Среди них назовем костяные печати из раскопок в Серенске с предполагаемой предмонгольской датой,¹ в Старой Рязани до 1237 г.,² две находки печатей на Белом озере середины и 2-ой пол.XIII в.,³ печать из культурного слоя на городище Дуна в Калужской губернии,⁴ из раскопок в Пскове с датой конец XIII — самое начало XIV в.,⁵ новгородские находки: из слоя начала XIV в. (эта печать определена А.Л.Хорошкович как «вощаная товарная»⁶) и из слоя рубежа XV-XVI вв. — печать посадника Василия Никитича, датированная временем отправления общественных обязанностей ее владельца первой четвертью XV в.,⁷ матрица-печать из раскопок в Твери конца XIII — нач. XIV вв.⁸ К этому неполному списку находок печатей с территории древнерусских городов и селищ должен быть добавлен уже упоминавшийся в литературе,⁹ но все еще не опубликованный, экземпляр с городища золотоордынского Увека, известного своим русским кварталом.¹⁰ Увекская печать (фиг.2 а,б) найдена в 1893 г. саратовским краеведом Ф.В.Духовниковым,** на ее матричном основании (диам. 1,5 см.) в зеркальном отображении резчиком нанесена трехстрочная надпись: см//енов//пе — С[е]м/ /енов[а]/ //пе[чать]. По палеографии надписи печать может быть

* Благодарю А.К.Тарвердяна за возможность ознакомления с печатью, И.Л.Измайлова и Л.Ф.Недашковского за фотографии, любезно присланные для работы над этой статьей.

** Все предметы, поступившие от Ф.В.Духовникова в Эрмитаж, были переданы Археологической Комиссией по акту №579 от 25 мая 1894 г. Увекская костяная печать (Инв.№30-129) — первая в русской археологии находка такого рода.

датирована концом XIII-XIV вв.* Несколько печатей найдено и на городище Болгара.**

Уже отмечалось, что биярскую находку от печатей, чье тулово выточено зацело на токарном станке, отличает четырехгранная форма матрицы. Возможно, ее прототип следует искать в прикладных печатях из литой бронзы. В русских материалах прикладные печати из бронзы не получили распространения, но в Византии и Болгарии — встречаются нередко.¹² Тип прикладной печати из бронзы встречается и в латинских материалах из золотоордынского Крыма.¹³

Изображения на боковых гранях биярской матрицы представляются мало информативными. Центральное место принадлежит сидящей на троне (?) фигуре «правителя» с непропорционально большой головой; в его правой руке угадывается некий неясный предмет, в левой — копье или посох (фиг.1б). Фигура развернута лицом к зрителю (в анфас); на «правителе» короткое до колен платье, туго стянутое в поясе. За ней следует изображение всадника влево (фиг.1в) в развеивающемся за спиной плаще (?). Скол, пришедшийся на границу матричных плоскостей с фигурой всадника и олена (?), уничтожил незначительную часть фигуры коня. Олень изображен с поворотом головы в обратную от направления движения сторону (фиг.1г), и как бы оглядывается на замыкающего всю композицию грифона (фиг.1д). Оба последних более характерны для исламского искусства Переднего Востока (в сценах звериного тона, например), а изображения грифонов особенно часты в декоре памятников византийского круга XII-XIII вв.

На основании матрицы несколько схематично изображены пять лежащих мужских фигур (две на переднем плане и три — в

* Благодарю Б.И.Маршака, прочитавшего надпись в 1976 г. Палеографические сопоставления проведены мной: все знаки, за исключением буквы «е» (использована в надписи дважды), близки по начертанию к буквам на берестяных грамотах XIII-XIV вв. -ср.: Черепнин, 1956, табл.6,7; Щепкина, 1976, с.116; примечательная особенность начертания буквы «е» — несколько удлиненный горизонтальный язычек, сближающий ее с так называемым якорным «е», но без «лежания» в строке — см.: Черепнин, табл.7, вариант 2 — XV в. Формула именной печати без титула вводит нас в круг княжеских «служебников». Симеоновская летопись под 1282 г. упоминает имя воеводы князя Андрея Александровича Городецкого — Семена Танильевича, протатарские настроения которого были хорошо известны (летописец характеризует его словами «крамольник льстивый»). Князь Андрей в борьбе со своим братом Дмитрием Александровичем Переяславским, сторонником Ногая, опирался на воинскую силу волжского хана и неоднократно бывал в Орде. В 1283 г. воевода Семен, ставший помехой на пути замирения братьев, был убит. Если печать из Увека и могла принадлежать Семену Танильевичу, вероятность чего ничтожна, то сюда она могла попасть во время пребывания воеводы в Поволжье в 1281 г.¹¹

** Одна из печатей экспонировалась на «старой» экспозиции ГИМ, планшет верхнего ряда стенда «Болгарский улус Золотой Орды. XIII-XIV вв.». По любезному сообщению М.Д.Полубояриновой, мне стало известно еще о двух подобных находках на этом городище, подготавливаемых ею к печати.

глубине, на втором): все — без головных уборов, в коротких (до колен) одеждах с выделенной талией; различия между ними подчеркнуты индивидуализированными позами (фиг.1е). Все изображения равны в размерах, а композиция в целом лишена акцентированного центра. В правой от зрителя части рисунка короткими насечками обозначена рваная линия, имитирующая, возможно, некую преграду (из камней?).

В композиции опознается исламская версия христианского сказания о спящих отроках. По христианской легенде, семь юношей из малоазийского Эфеса, в поисках спасения от преследования императором-язычником Децием (249-251) укрылись в пещере, где проспали 300 лет (или 372 года) до наступления эпохи торжества христианства. Юноши проснулись в период царствования императора Феодосия II Младшего (408-450). Сюжет «Семи отроков эфесских» сравнительно редко встречается на ранних византийских и древнерусских памятниках.¹⁴ Но Сузdalский змеевик, выполненный в Византии в 20-х годах XII в. по заказу великого князя Мстислава Владимировича,¹⁵ и рельеф «Семь спящих отроков» Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, XII в.,¹⁶ по предположению А.В.Рындиной, придали этому сюжету на русской почве широкую популярность в монгольское время. В XIII и XIV вв. эфесских отроков стали часто повторять на каменных и литых иконках, группируя вокруг фигуры Христа-Эммануила, Богоматери или св.Николы. Такие образки, подобно змеевикам, имели охранительное значение, и, как правило, в композициях этих памятников изображались все семь праведных юношей (в нимбах, в большинстве случаев с указанием имен). На нашей печати — пещерников пятеро (как в одном из коранических вариантов) и юноши изображены без нимбов. По заключению А.Ю.Крымского,¹⁷ легенда об эфесских отроках попала в Коран от сирийских христиан, где отложилась в тексте суры 18 «Пещера», ст.8-25: «Скажут они: «Тroe, а четвертый у них — пес», — и скажут: пять, а шестой — пес, — гадая о скрытом; и скажут: «Семь, а восьмой — пес». Скажи: «Господь мой лучше знает число их. Знают его только немногие». Согласно коранической версии, сон благочестивых юношей длился 309 лет; пятеро «обитателей пещеры» отмечено и в так наз. «Логученском сказании», но трое из них пришли из Медины, а мальчик-пастух и его собака присоединились позже — сказание записано со слов логученского татарина в 1891 г. в китайском г.Бияре.¹⁸

В композиции на печати отроки изображены без сопровождавшей их собаки. Впрочем, этого изображения нет и на известных христианских памятниках с эфесскими праведниками — византийских²⁰ и русских.²¹ Согласно святым, чаще приводятся следующие имена юношей: Максимилиан, Иамвлих, Мартиан, Иоанн, Дионисий, Антонин, Ексакустодиан (или Константин); восточные источники дают переделанные или, частично, другие имена. По одной из тюркских версий, их имена — Ямлих, Максильмин, Мартунус, Менитунус, Сарфунус,

Зуанванус и Кефиситатьюнус; имя собаки — Каркарин или Кытмыр²²; наиболее полный перечень сведений о собаке см. у Та'ляби Нишапури, XI в.²³ Возможно, что группировка фигур (3+2) указывает на то, что в основе билярской композиции лежит тюркский вариант легенды, подобный «Логученскому сказанию». Преграда из камней(?), по-видимому, символизирует вход в пещеру. В версии Табари, созвучной ряду авторов, проход в пещеру был заделан по распоряжению царя Дакианоса и открыт неким Абу-Ильясом (существуют и другие варианты) для устройства овечьего загона.²⁴

Широкое распространение сказания о семи отроках на православном и мусульманском Востоке маркирует не менее широкая география «адресов» чудесной пещеры. Ее адреса определили локальные маршруты пилигримов в Малой Азии (Эфес, Тарс, Арабисос) в Палестине — пещера ар-Ракима,²⁵ в Испании, на Кавказе. Исключение составляет пещера в китайском Туркестане — Турфан, близ селения Кара-ходжа.²⁶ По «Логученскому сказанию», пилигримами выступают сами отроки, старшему из которых было 15, а младшему 7 лет; они, как мы уже отметили, пришли в Турфан из Медины.²⁷

В золотоордынском Поволжье, где была найдена наша печать, легенда о семи спящих отроках сохранилась среди казанских татар вплоть до начала нашего столетия, а имена легендарных юношей и их собаки обрели силу апотропея. В одном из популярных местных изданий конца прошлого века, приведенного Н.Катановым, отмечалось: «Кто будет произносить их имена чистосердечно или только держать их при себе, тот достигнет исполнения своих желаний, будет сам невредим, будет одерживать победу, ему самому и родителям его будут прощены грехи, не будет он иметь печалей и болезней, несчастий и скорбей. Кто с утра до вечера будет носить эти имена при себе, тот будет жить долго и счастливо «...». Вообще эти имена облегчают человеку достижение желаний. Нужно писать не только имена юношей: Ямлиха, Максильмина, Юнус(а), Кешафутут(а), или Кешафут(а), Табиувис(а), Азарфатинус(а) и Юванус(а), но и имя собаки Кытмыр».²⁸ Популярность легенды о семи отроках и их собаке среди татар казанского Поволжья оказалась столь велика, что их имена вырезались на перстнях, печатях, поясных пряжках, серьгах,²⁹ а имя Кытмыра, написанное на адресной стороне письма, как считалось, сохраняло послание от превратностей почтовых судеб и утраты.

В заключение, выскажу догадку, связанную с редкой формой билярской находки. Особенности ее архитектоники — четырехгранная призма матрицы, не принятая в практике токарных работ по кости, — наводят на мысль о миниатюрной модели купольного мавзолея или мечети. Если наше предположение может быть принято, то уместно напомнить строки из 20 (21) стиха 18 суры Корана: «...» «Постройте над ними (*отроками*, М.К.) сооружение. Их Господь лучше знает про них». Сказали те, которые одержали верх в их деле: «Устроим мы над ними мечеть!» По своду толкований

на Коран, составленному Табари (838-923), этот эпизод, записанный со слов ибн-Хомейда (ум.863) и расцвеченный особенно ярко, звучит так: «Он (добрый царь Тизосис-Феодосий, М.К.) сказал: «Клянусь Богом, вы [праведные юноши] похожи на апостолов Христа «...». Да облегчит Бог участь вашу «...». Юноши ответили Тизосису: «Мы мирно прощаемся с тобой, и да будет мир Божий над тобой «...» и да избавит Он тебя от злых людей и духов!»

В то время как царь стоял, юноши пошли к месту их ложа и заснули. И Бог по своему желанию унес их души. Тогда царь подошел к ним, наложил «...» свое одеяние и приказал сделать каждому «...» по золотому гробу. Но когда настала ночь и царь заснул, юноши явились к нему во сне и сказали: «Мы не сотворены из золота и серебра, мы сотворены из праха и к нему вернемся. Оставь нас, как мы были в пещере «...». Царь тогда приказал сделать «...» гробы деревянные «...» [и] над пещерой построить храм (здесь и далее курсив мой, М.К.) «...» — Таково предание об Обитателях пещеры³⁰. По версии Та'ляби (ум.1036), в которой легенде придана форма диалога ученых евреев с Али, сыном Абу-Талиба, у пещеры с отроками произошел спор двух правителей — христианина и мусульманина. Каждый предлагал свой архитектурный вариант оформления памятного места — монастырь или мечеть. «Мусульманин победил «...» и построил у пещеры мечеть³¹. Мечеть была воздвигнута и согласно тюркской легенде по Рубгузи, 1310.³²

Итак, сюжет, украсивший печать-амulet из золотоордынского Поволжья, еще раз напоминает о ранних формах исторического сосуществования христианства и ислама за много тысяч километров от Святой Земли и традиционных маршрутов паломников к легендарной пещере (вне зависимости от реального признания места ее локализации в Малой Азии ли, или в Палестине и пр.).

Билярская находка относится к периоду, когда после уничтожения Багдадского халифата (1258) под контролем монголов оказался и Иерусалим, и Малая Азия, а в региональных верхне- и средневолжских «столицах» Джучидского улуса, обосновавшихся в старых городских центрах — Булгаре и Увеке (Укеке), в условиях исламского доминирования, получают развитие армянская и русская христианские колонии. Как можно видеть, взаимодействие культур привело в нашем случае к результату, когда грань в определении конфессиональной принадлежности матрицы-печати становится настолько прозрачной, что оттенки в художественном языке ее резчика едва улавливаются.

О Биляре монгольского времени мы знаем немного. Расположенный в 100 км. восточнее Булгара на р.Билярке, он часто упоминается в мусульманских источниках с XII в.³³ В это время сюда из Булгара переносится столица Волжской Болгарии.³⁴ В XIII и XIV вв. границы Биляра значительно сократились по сравнению с предыдущим столетием.³⁵ Однако по нумизматическим и эпиграфическим наблюдениям, в золотоордынское время все еще существует админи-

стративная единица под одноименным названием.³⁶ Чеканка монет с надписью «Биляр» в конце XIII в. свидетельствует о росте политического веса города, утраченного в начале монгольского периода.

В попытке объяснить находку печати-амулета в подкурганном сооружении следует обратиться к полевым наблюдениям археологов Поволжья. Здесь, на Нижней Волге, в Царевском и Малеевском могильниках вблизи Сарай ал-Джедид,³⁷ в могильнике Зубовка, расположенному по краю второй террасы Ахтубы,³⁸ в могильнике Абганерово 1 на юге Волгоградской области³⁹ выявлен особый тип подкурганных сооружений с прямоугольными выкладками из обоженного или сырцового кирпича или могилами, перекрытыми кирпичной вымосткой. В них оказались захоронены новообращенные в ислам кочевники. Судя по инвентарю и следам тризы в некоторых из них, речь идет о части тюркского населения Золотой Орды, полностью не утратившего связей с традицией языческой обрядности. Близкие по типу подкурганные захоронения золотоордынского времени обнаружены и в Нижнедонских степях.⁴⁰ Возможно, что наша печать найдена в одном из таких курганов.

Примечания:

- ¹ М.Д.Полубояринова. Костяная печать из Серенска // КСИА. — М.1971. — №125. — С.96, рис.23.
- ² В.П.Даркевич. Раскопки в Старой Рязани // АО. — 1971 г. — М., 1972. — С.102.
- ³ Л.А.Голубева. Весь и славяне на Белом Озере X—XIII вв. — М., 1973. — Рис.37, 1а, б; За, б.
- ⁴ Ю.Г.Гедуне. Городище Дуна Лихвицкого уезда Калужской губернии. — СПб., 1903. — Табл.2, 11.
- ⁵ В.Д.Белецкий. Костяная печать из Пскова. Сообщения Государственного Эрмитажа. — Л., 1975. — Т.XI. — С.24.
- ⁶ А.В.Арциховский. Раскопки 1956 и 1957 гг. в Новгороде//СА. — 1958, №2. — С.232; А.Л.Хорошкевич. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой. — Л., 1963. — С.141.
- ⁷ В.Л.Янин. Печать из Новгородских раскопок 1955 г. // МИА. — М.: Изд-во АН СССР, 1959. — Вып.65. — Рис.1,9.
- ⁸ А.А.Лапшин. Костяная печать-матрица из раскопок в Твери//Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Памяти В.Д.Белецкого (1919-1997). — СПб. — Псков, 1997. — Т.1. — С.400, 401.
- ⁹ М.Д.Полубояринова. Русские люди в Золотой Орде. М.: Наука, 1978. — С.95-102.
- ¹⁰ М.Д.Полубояринова. Русские люди в Золотой Орде. М.: Наука, 1978. — С.95-102; Л.Ф.Недашковский. Некоторые древнерусские материалы из Увека и его округи // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. — Этногенез и этнокультурные контакты славян. — М., 1997. — Т.3. — С.227-241.
- ¹¹ А.Н.Насонов. Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). — М.-Л., 1940.
- ¹² G.R.Davidson. Corinth. Results of excavations conducted by the American school of classical studies at Athens. Vol. 12: The minor objects. Princeton, New Jersey. 1952. pl.128, 677, 2678, 2679, 2680, 2681, 2683; G.Schlumberger. Monuments buzantins inédits // Extrait de la Gazette Archeologique de

- 1883, 15; Константин Тотев. Метални печатчета (конусовидни и пирамидални) от Първото българско царство // Проблеми на прабългарската история и култура, 3. Шумен, 1997. — С.367-397.
- ¹³ М.Г.Крамаровский. Редка матрица-печать с эмблемой профессии кузнеца из средневекового Солхата (Крым) // VI Международен симпозиум по византийска сфрагистика. Аулата на Университета във Велики Преслав, 1998. — С.29-31.
- ¹⁴ А.В.Рындина. Сузdalский змеевик. Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. — М., 1972. — С.255, примеч.52.
- ¹⁵ В.Н.Залесская. К вопросу об атрибуции сузальского змеевика (в связи со статьей А.В.Рындинои «Сузальский змеевик») // Византийский временник. — М., 1974. — Т.36. — С.184-189
- ¹⁶ Г.К.Вагнер. О первоначальной форме композиции «Семь спящих отроков» на фасаде Георгиевского собора в г.Юрьеве-Польском // СА. — 1960, №2. — С.264, 265.
- ¹⁷ А.Крымский. Семь спящих отроков Эфесских. Общий историко-литературный очерк сказания // Труды по Восточниковедению, издаваемые Лазаревским Институтом Восточных языков. — М.,1914. — Вып.41. — С.III, XI.
- ¹⁸ Коран, перевод Крачковского, ст.21(22), 1986 — С.243.
- ¹⁹ Н.Катанов. Татарские сказания о семи спящих отроках // ЗВОРАО. — 1894. — СПб. — Т.VIII. — С.223-245.
- ²⁰ М.А.Сперанский. О змеевиках с семью отроками // Археологические известия и заметки при Московском археологическом обществе. — М., 1893, №4; В.Н.Залесская. К вопросу об атрибуции сузальского змеевика (в связи со статьей А.В.Рындинои «Сузальский змеевик») // Византийский временник. — М., 1974. — Т.36. — С.184-189; E.Dermenghem, L.Mahfoud, S.Unver, N.De Witt. Les sept dormants d'Epheze en islam et en chretiente // Resueil documentaire et iconographique. Addenda a «Revue des etudes islamiques». Paris, 1954.
- ²¹ А.В.Рындина. Сузальский змеевик. Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. — М., 1972. — С.217-234.
- ²² Сказание по Рубгузи — см. Катанов Н. Татарские сказания о семи спящих отроках // ЗВОРАО. — СПб., 1894. — Т.VIII. — С.243.
- ²³ М.Аттая и А.Крымский. Семь спящих отроков Эфесских. Переводы арабских версий VII-XIII вв. // Труды по Востоковедению, издаваемые Лазаревским Институтом Восточных языков. — М., 1914. — Вып.41. — С.38.
- ²⁴ М.Аттая и А.Крымский. Семь спящих отроков Эфесских. Переводы арабских версий VII-XIII вв. // Труды по Востоковедению, издаваемые Лазаревским Институтом Восточных языков. — М., 1914. — Вып.41. — С.11, 18.
- ²⁵ Коран, сура 18, ст.8(9).
- ²⁶ Н.Катанов. Татарские сказания о семи спящих отроках // ЗВОРАО. — 1894. — СПб. — Т.VIII. — С.224, 225; А.Крымский. Семь спящих отроков Эфесских. Общий историко-литературный очерк сказания // Труды по Восточниковедению, издаваемые Лазаревским Институтом Восточных языков. — М.,1914. — Вып.41. — С.IV.
- ²⁷ Н.Катанов. Татарские сказания о семи спящих отроках // ЗВОРАО. — 1894. — СПб. — Т.VIII. — С.234.
- ²⁸ Н.Катанов. Киргизская и казанско-татарская версия христианского сказания о семи спящих отроках // ИОАИЭ. — Казань, 1905. — С.386, 387.

- ²⁹ Ник.Высоцкий. О некоторых новых типах русских оберегов и об одном татарском амулете // ИОАИЭ. — Казань, 1909. — Т.25, вып.6. — С.160, 161.
- ³⁰ М.Аттая и А.Крымский. Семь спящих отроков Эфесских. Переводы арабских версий VII—XIII вв. // Труды по Востоковедению, издаваемые Лазаревским Институтом Восточных языков. — М., 1914. — Вып.41. — С.23.
- ³¹ М.Аттая и А.Крымский. Семь спящих отроков Эфесских. Переводы арабских версий VII—XIII вв. // Труды по Востоковедению, издаваемые Лазаревским Институтом Восточных языков. — М., 1914. — Вып.41. — С.41.
- ³² Н.Катанов. Татарские сказания о семи спящих отроках // ЗВОРАО. — 1894. — СПб. — Т.VIII. — С.244.
- ³³ В.В.Бартольд. Болгары // Сочинения, т.V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. — М.: Изд-во восточн. лит-ры, 1968. — С.517.
- ³⁴ Р.Г.Фахрутдинов. О столице домонгольской Булгарии // СА. — 1974, №2. — С.131; о культуре Биляра — см.: А.Х.Халиков (ред). Культура Биляра. М.: Наука, 1985.
- ³⁵ Р.Г.Фахрутдинов. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территории. — Казань: Татарск. книжн. изд-во, 1975. — С.51, 52; В.Л.Егоров. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М.: Наука, 1985. — С.96.
- ³⁶ Д.Г.Мухаметшин. Топонимы «Биляр» и «Сувар» на материалах нумизматики и эпиграфики. Конференция «Биляр и Волжская Булгария» (изложение доклада П.Н.Старостина) // ТА. — №1(2), 1998. — С.124.
- ³⁷ А.И.Ракушин. Подкурганные кирпичные сооружения золотоордынского времени в Нижнем Поволжье // Археологические вести. — Саратов, 1993. — Вып.1. — С.170-175.
- ³⁸ В.И.Мамонтов. Курганный могильник Зубовка // Древности Волгодонских степей. Сборник научных статей. — Волгоград, 1992. — Вып.2. — С.17-49.
- ³⁹ А.Н.Дьяченко, В.Г.Блохин, А.О.Шинкарь. Археологические исследования у с.Абганерово Октябрьского района Волгоградской области // Археолого-этнографические исследования в Волгоградской области. — Волгоград, 1995. — С.83-90, 120, 121, 124.
- ⁴⁰ В.А.Ларенок. Об этнической принадлежности погребенных в средневековых курганах у хутора Семенкина // Донские древности. — Азов, 1992. — Вып.1. — С.159, 183, рис.1, 4.

Рис.1. Билярская печать; а — таблица с оттисками печати.

Рис.1. б — «правитель»; в — « всадник»; г — «олень».

Рис.1. д — «грифон»; е — «пять отроков».

Рис.2. Увекская печать. а — общий вид; б — печатающая площадка с надписью.

Хусейн Фейзханов Три надгробных булгарских надписи*

Отправляясь летом 1862 года по Волге в киргизские степи, я узнал от некоторых местных жителей, что на горной стороне Волги уцелели до сих пор булгарские надгробные памятники.

На возвратном пути я отправился нарочно для того, чтобы проверить на месте полученное мною известие.

И в самом деле, поездка моя не была бесполезна: я нашел три древних надгробных камня с арабско-татарскими надписями:

I.

Первый камень находится в Симбирском уезде, в 50-ти верстах к северу от Симбирска, и верстах в 9-ти от Волги, в Тархане или Тарханлар, татарском селении с тремя мечетями. Камень стоит на старом кладбище, в нижней части селения, и называется татарами *Tash-bilgii* (каменный знак).

Высота *tash-bilgii* — два аршина, ширина — около трех четвертей. Вырезанная на нем надпись составляет смесь куфического почерка с насхом; точек при буквах нет ни одной. Верхняя часть камня, на которой находится надпись, сильно пострадала от времени. Многие места на ней отломлены, вероятно по мягкости камня; другия же источены. Не мало есть и таких мест, где буквы слились, вследствие прилипшаго к ним мела. Не подводили ли когда-нибудь под памятник фундамента из других камней? Во время работ, мел мог пристать, по неосторожности.

Я снял с надписи точный снимок по способу Меллина (см. табл.1). Надпись я читаю, и перевожу следующим образом:

Он (Бог) живой, который не умирает;	(ه) و الحى الـزـ(ى) لا يموت
все же живущее, кроме него, умирает.	(و) كل حى سواه سيموت
Оказывавший благодеяния ученым,	عالـم لارقا بـرش قـيلـفـان هـم
и их любивший, мечети	(ا) لـارـ(نـى) سـوكـان مـسـجـد لـار
воздвигавший, добрыми делами	(ع) مـارت قـيلـفـاـ(نـ) وـكـوش خـير
отличавшийся, любимый бед-	(ص) اـحـبـى مـسـكـين لـارـنـك
ными, Ходжам-Али,	(س) وـكان خـوجـمـ على

* Печатается по: Известия Императорского археологического общества. — СПб., 1863. — Т. IV. — С. 396—404, табл. III (прилож.). Особенности орографии и пунктуации оставлены в авторском варианте. — Ред.

сын Османа, Тамгачи
и воин, скончался.

Сего лета 71
4-го, месяца джюмади-ль-у-
ля, в 16-ый
день случилось это.

(ع) مثما ب وغلی (ة) مفاصی
هم الشواری وفات بو
(ل) فان (در) بو تا ریخ یتی یوز اون
(ب) ورنجید ا جمادی (ا) لاو
لی آبی ننک اون آلطنج
كون اردى

Укажу путь, которому я следовал при чтении и объяснении надписи.

На 1-й строке **ه** в слове **هو** исчезло; **ى** в слове **الزى** также исчезло, или же вовсе не было вырезано, потому что буква **ى** в письме подразумевается, при чем буква за которой она должна была бы следовать, читается с *кесрой*.

На второй строке буква **و** в выражении **وكل** стерта, а буква **مو** слова **سيموت** вырезана между строками над слогом **مو**.

На 3-й строке слова **برش ش** также между строками.

На 4-й строке в слове **الارنى** буквы **ا** и **ل** в сложной букве **لا** слиты вместе, а слог **نى** совершенно отломлен.

На 5-й строке слова **عمارت ع** стерто; также не видно буквы **ن** слова **قيلفان**: она или была вырезана над слогом **غا** и впоследствии стерлась, или же совсем ее не было. В последнем случае букву **ن** слова **سوكان** в четвертой строке, написанную несколько ниже этого слова, должно относить к обоим словам, т.е. к **قيلفان سوكان** и к **سوكان**. Подобные случаи в мусульманских надписях не редкость. В 5-ой же строке в слове **اوکوش** (правильнее **وكوش**) звук **ع** выражен одним **و**.

На 6-й строке буква **ص** при слове **صاحبى** стерта. В конце этой строки камень обломлен, и вследствие этого вероятно исчезло какое-либо целое слово. Тоже самое можно сказать и о начале 7-й строки, потому что причастие **سورغان** или **سوجان** согласуется не с родительным падежом, а с винительным. На этом основании не следует ли конец 6-й и начало 7-й строки читать так: **مسكين لارنك حالن سورغان** или **مسكين لارنك جماعتن سوغان** т.е. заботившийся о бедных?

На 8-й строке слово **وَغْلِي** (правильнее **اوغلی**) выражено без **ا**. В слове **تَمَعَّجَى** буква **ت** исчезла; по всей вероятности здесь было **ط**, которое бы здесь не уместилось, потому что оно в этом почерке пишется в большом виде. Выражение **السواري** я принимаю за **الشُوَارِي** (военный муж) имя отглагольное от глагола **الشَّمَقَ**, который до сих пор употребляется в смысле: схватиться с кем, напасть друг на друга. Схожее выражение встречается и в других Булгарских надгробных надписях, а именно **يوارى**, которое я читаю: **يُوَارِي** и перевожу также военный муж. (См. Ученые записки казанского универ. за 1852 г. Книжка III, статья *Булгар на Волге*, стр.103.).

На 10-й строке **بُولفان** стерто.

На 11-й строке слово **لَأُولِي** (правильнее **الْأَوْلِي**) вырезано без **ا**. Это же самое заставляет меня предполагать, что в прежнее время без этой же буквы (т.е. элифа) писались и слова: **(اوکوش) وکوش** и **(اوغلی) وغلی**.

В продолжении четырех дней, которые я провел в Тархане, я жил у тамошняго муллы. Так как я был его *кунаком* т.е. гостем, и притом еще и гостем из-далека, то он честил меня как нельзя лучше и водил по всем своим знакомым. Благодаря этому слушаю я видел многих лиц и от них я узнал о деревне Тархан следующее:

Вследствие каких-то потрясений в Булгаре Мемедали (правильнее Мухаммед-Али), Мурад-Али и Ураз-Али, все трое очень уважаемые на своей родине, переправились со своими последователями на эту сторону Волги и поселились на месте нынешнего Тархана. «Мы», говорили мне жители деревни, «происходим от них». Когда я стал допрашивать: отчего их деревня так названа, то получил ответ, что все их предки были благородного происхождения, и тарханы.* В доказательство этих слов, один мулла показал мне даже свою родословную, по которой родоначальник его, какой-то Булаир-хан, владел некогда берегами реки Зай** и имел потомков, перешедших на этот берег Волги, и поселившихся в деревне Тархане. Показывали мне еще копии с грамоты царя Алексея Михайловича, которыми последний по представлению казанского воеводы утверждал за Тарханцами их старинное право владения населеною ими землею, со всеми угодьями.

Местность, занимаемая деревнею Тархан, заслуживает внимания:

Небольшая река, текущая по Тархану, идет от своего верховья двумя ветвями, которые в версте выше деревни сливаются, образуя

* Т.е. освобождены от государственных повинностей.

** Смотри об этой реке Ученые записки казан. универ. 1832 г. кн.III, стр.149.

таким образом одну реку. Промежуток, ближайший к соединению обеих ветвей, называется тамошними Татарами *Кала-урну* (место города).^{*} Жители Тархана утверждают, что они, во время летних работ, находят в этом промежутке горшки, сковороды, и жернова от ручных мельниц. Они думают что тут было некогда поселение. Бугристая местность, и вал, идущий вплоть до Волги, по-видимому подтверждают это мнение. Важным доводом в его пользу служит и старое тарханское кладбище, расположенное в нижней части селения. Нам известно, что у прежних Татар было в обычае отводить места для кладбищ на довольно большом расстоянии, иногда в версте от поселенного места. Очевидно, что нынешнее Тархан — селение не древнее, и что в прежнее время, недалеко от него, быть может в ближайшем к соединению ветвей речки Тархани промежутке (то есть в том самом месте, на которое указывают Тарханцы нашего времени), жило некогда население, более сильное и имевшее более важное значение в татарском государстве, чем теперешние его потомки в русском царстве.

II.

Второй камень находится на вершине горы, стоящей над Волгой, среди тарханского леса, верстах в десяти к востоку от Тархана. Местность, где он лежит, называется туземцами *мант-баши* (مانط باشى), и камень слывет за памятник над могилой какого-то святаго, который в большом уважении у всех мусульман этого края. Мусульмане собираются сюда из дальних мест, чтобы приносить жертвы. Много рассказывают чудес, совершившихся на этом месте. Но самое достоверное, самое неопровергимое чудо — это есть явление в недавнее время источника,^{**} который по рассказам жителей показался в то время, когда какой-то Мордвинрыл себе землянку. Ключ этот находится саженях в 60-ти от камня, на самой крутой части берега. Мусульмане воде его приписывают целебную силу от всевозможных недугов, и не только приезжают сюда сами лечиться, но и берут ее с собой для тех больных, которых нельзя привести.

В ста саженях к северу от этого места находится овраг, который идет вплоть до Волги и оканчивается лугом, окаймляющим ея берег; жителями Тархана, он называется *چاچ یلفعه سى* (волосянной овраг). В $1\frac{1}{2}$ верстах к югу встречается другой овраг, который оканчивается волжским затоном, образуя с ним острый угол. И так *мант-баши* защищен самой природой почти со всех сторон. Местность *мант-*

^{*} Слово *قلعة* (от арабского *قلمہ*), в нынешнем татарском языке значит «город», а не «крепость».

^{**} Вообще должен заметить, что Татары считают чудом источник, явившийся или всегда бывший близ могил их Азизов.

бashi, расположенного среди густого исключительно дубового леса, и защищенного самой природою от нападения врагов, заставляет предполагать, что и тут было некогда население. Подтверждают это как находимые здесь разные предметы домашнего хозяйства, так и существование пахотной земли на пространстве только пяти или шести десятин вокруг камня.

На мои распросы у Татар о значении слова *мантъ* (مانط), и о причинах, заставивших называть самое место мантъ-бashi (مانط باشى), я не получил удовлетворительного ответа. *Мантъ* (مانط) у жителей деревни Тархана значит *пчельник*. Тарханцы уверяли меня, что и камень назван *мантъ-бashi* (مانط باشى) потому что под горой, где он стоит, расположены пчельники. Едва ли подобное объяснение может быть справедливо. По моему мнению слово *мантъ* первоначально было имя собственное места, ничего незначившее; впоследствии завели тут пчельники и Татары произвольно перенесли на них имя места, быть может желая осмыслить непонятное для них слово *мантъ*. Еслибы это было иначе, еслибы слово *мантъ* в самом деле означало пчельник, то его бы можно было встретить в том же смысле и в говоре Татар других местностей, чего мы не находим. Уже неискаженное ли это مانفت — название известного турецкаго* племени?

Высота камня 7 четвертей, ширина 3 четверти, толщина 6 вершков. Верхний угол правой стороны отломлен; на лицевой стороне в верху камня вырезана фигура ♀ (эта же самая фигура находится и на 3-м камне).

Надпись я читаю следующим образом (см. снимок приложенный на табл. II):

Власть (принадлежит) Богу высокому, великому	الْحُكْمُ لِلَّهِ الْعَلِيِّ الْكَبِيرِ
Мир Ибрагим сын Инала, мученик	مِير ابراهيم اناں اول شہیل
(по возвращении?) из Мекки,	حاج بلوب (.....) رحمۃ
да помилует его	
Господь своею великою милостью.	اللَّهُ عَلَيْهِ رَحْمَةً وَاسِعَةً
Смерть его лета	وفات یاطویی تاریخ

* Туркского. — Ред.

720-го
году, месяца мухаррема
во 2-ой день
приключилась.

جِيَاتِ جُورْ جِيَارِ مِنِشْ
جَالْ مُحَرَّمَ أَيْخى
إِيْكَنْجِ كُوَانْ
أَتِ

В 3-й строке выдолблено довольно глубоко, как будто железным орудием хотели сделать дыру. Здесь могли быть слова **کيلکاچ, قايتقاچ**, **کيلکاندہ, قايتقادنہ** и т.п.

В начале 4-й строки слово **الله** отломлено.

На 5-й строке при слове **وفات** буква **و** также отломлена.

В 6-й строке можно читать **جياريتش**, если только не обратить внимания на точки.

На 8-й строке при слове **ايكنج** не видно буквы элиф; может быть она не была и вырезана, и звук *и* был выражен одним *ى*; в этом же слове верхнюю часть буквы **ك** ясно разсмотреть нельзя; заметны только следы этой буквы. На этой же самой строке слово **کوان** (день) вырезано с элифом после **و** (тоже самое встречаем и на 3-м камне).

В 9-й строке (**ايتى, ايدى** (т.е. **ات**) употреблено сокращенно: без **ى** после **ا** и **ت**). Такое же сокращение **ايدى, ايدى** или **ايتى** находим мы и на 3-м камне.

III.

Третий камень находится в тетюшском уезде казанской губернии, верстах 20-ти от города Тетюш, в 6-ти верстах от Волги, вниз по я течению, в $1\frac{1}{2}$ версте от мордовского села **Урюмъ**, которое принадлежит Колунецкой волости, и саженях в 60-ти от так называемой в том краю *тетюшской дороги*. От упомянутого мною селения Тархана камень отстоит версть на 15-ть и лежит среди поля, засеянного хлебом.

Высота камня около двух аршин, а ширина 15-ть вершков. Близ него много других маленьких камней, на которых нет следов надписей; стоит же он на фундаменте, сложенном из нескольких камней. Самый памятник сохранился очень хорошо.

Надпись на нем следующая (см. снимок, приложенный на табл.III).

Власть (принадлежит) Богу
высокому, великому

Ахмед Аган Эльгыхис
Ютей. Это его могила.
Да помилует его

Господь своею великою милостью.

Смерть его

лета 7

25-го году, мухаррема

в 28-й день приключилась.

الحكم لله العلي الكبير

احمد آغانِ الفَحْسِ اٹیٰ زیارۃ بو رَحْمَہُ

الله علیه رحمہ و
سعة وفات ياطوی
تاریخ حیات جور
حیرم بیالم حال محرم
حیرم سکر کوان ات

Надпись читается легко, даже поставлены знаки. Но трудность состоит в объяснении некоторых слов. Что значат слова: اغازْ или اغانْ ؟ Пожалуй можно допустить, что ничто иное, как ايدى, и что такая же измененная форма от اغا, как форма ات, которую мы встречаем в последних строках надписей на камнях 2-м или 3-м. Но трудно допустить, чтобы الشو الغسْ, как на надписи 1-го камня, происходило от الشمقْ, потому что знак и точки под س не позволяют подобного предположения.

Как на камне 2-м и 3-м (см. 5-ю строку в обоих), так и на многих других булгарских надгробных камнях есть слово, мне не вполне понятное; можно его читать: ياطويى باطويى ياطويى بيلكوسى. И.Н.Березин (см. Ученые записки казанского универс. за 1852 г. кн.III, статья: *Булгар на Волге*) принимает это слово везде за (знак его). Подобное объяснение мне кажется не совсем верным. Во-первых потому, что на моих камнях над 1-й буквой этого слова поставлен знак *фатха*. Во-вторых потому, что 3-я буква не ك, а совершенно правильное ط куфического почерка. Она вовсе несходна с *кяфом* слов كوان سكر الكبير الحكم в моих снимках, и с *кяфом* слов كل الحكم اكنش и في снимке 1-й эпитафии у

г.Березина*; а очерк всех этих эпитафий один и тот же. В снимке г.Березина есть слово, в котором одна буква совершенно похожа на нашу букву; автор статьи «*Булгар на Волге*», принимая ее за **ك**, читает **جَكْل مُشْرِن** (см.стр.118). Вот как я читаю всю 1-ю эпитафию, помещенную у г.Березина:

هو الحى اللى لا يموت
 وكل حى سيموت
 سويارل (سوريار لول?) اجنب (?) لول
 صطلمش زيار
 ت در رحمة الله
 عليه رحمة وا
 سعة وفات ياطو...
 تاريخ جيات جور
 جرم اكنش (**ايكنچ т.e.) حال ربیع
 الاول آینخی (آیی) و
 کوان ات

Согласно или **صطلمش** **جَكْل مُشْرِن** звучит довольно странно, а встречается часто.

Особенное внимание обращает на себя во многих булгарских надгробных надписях выражение **جيات جور**. В моих снимках эта фраза очень ясна, так что даже при ней и знаки поставлены так: **جيـاتـ جـورـ**. Обыкновенно принимают эту фразу за арабскую, переводят ее словами: *пришествие угнетения*, и придавая ей смысл особой эры, выводят из числового значения букв год 623. По моему мнению, подобное объяснение едва ли может быть верно. Если принимать фразу за арабскую, то читать ее должно: **جيـاتـ جـورـ**, между тем на

* К статье *Булгар на Волге* приложены снимки только с двух камней, остальные списаны; во втором этого слова нет.

** В статье Березина читаем **الش** см.стр.119.

камне вырезано весьма ясно: **جيات جور**. К тому же, как скоро фраза анаграмма, то куда девать следующия за нею числительныя слова **جيـارـمنـش** в табл.II, **جيـرـمـ بـيـالـم** в III, **جرـمـ اـكـنـش** в снимке Березина и **جيـرـمـ توـاـت** (см. ниже). Не следует ли, не вдаваясь ни в какие гадательные предположения, читать просто **جيـاتـ جـور** т.е. **يـاتـ يـوزـ**? В пользу моего чтения говорит и обыкновение Татар начальное **ى** произносить и писать как **ج**; подобную перемену **ى** на **ج**, мы встречаем и в словах **جيـرـمـ (يـكـرمـيـ) جـالـ (يـيلـ)**, в моих камнях 2-м и 3-м, а у г. Березина в 1-м, и в некоторых других. Что касается до буквы **ر**, употребленной вместо **ز** в слове **جـورـ**, то это можно объяснить отчасти ясностию (как и в слове **سـكـرـ** т.е. **سـكـرـ**) смысла и без точки, отчасти употреблением чувашских числительных слов в эпитафиях этого времени; Чуваши же семь называют: *чюръ*. Примеры употребления чувашских числительных слов находим в эпитафии, приведенной г.Березиным на стр.133 и 134-й его статьи: «*Булгар на Волге*», где встречается слово **توـاـتـ**, чувашское *туатта* (четыре), и на стр.129-й, (24-й день был*), и в моем камне 3-м: в словах **جيـرـمـ توـاـتـ كـوـانـ اـتـ** (пять), по чувашски *пиликъ*; **سـكـرـ**, по чувашски *сакхиръ* (восемь).

* В статье: «*Булгар на Волге*» эта фраза напечатана так: **جيـرـمـ توـاـتـ كـوـانـ اـتـ** и не переведена.

Табл.I.

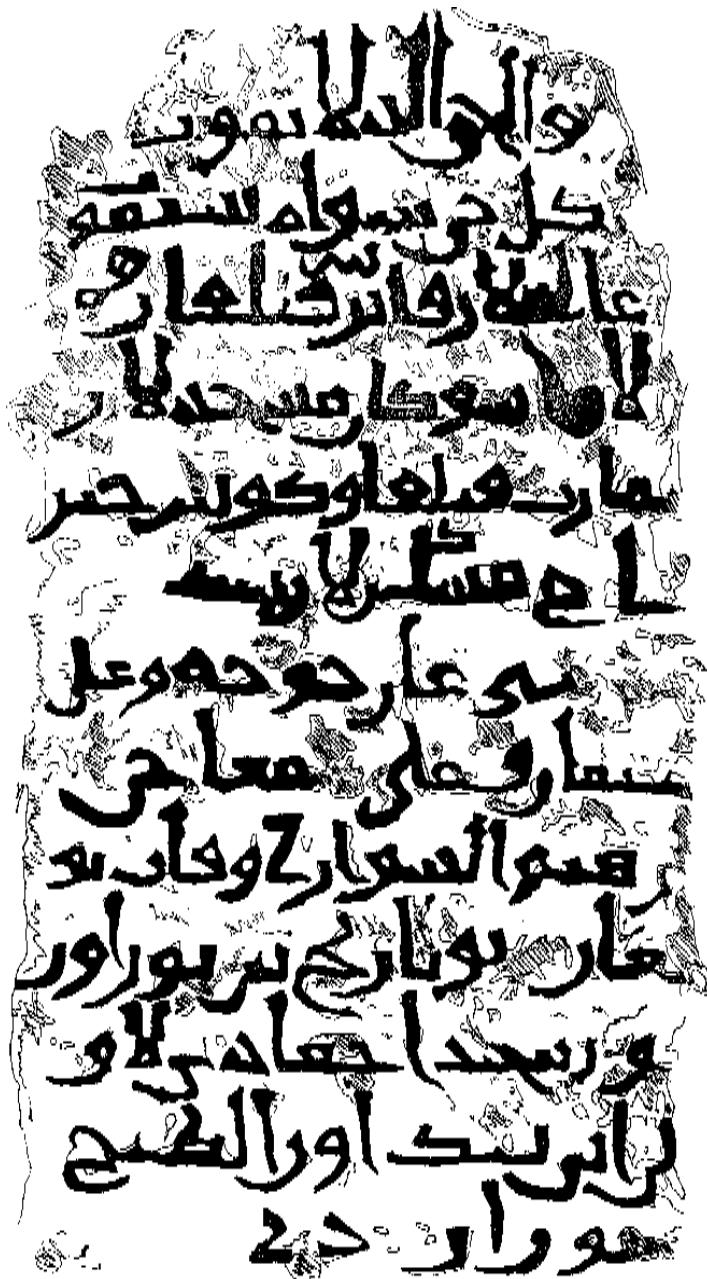

Табл. II.

الحَكْمُ لِلَّهِ الْعَلِيِّ الْكَبِيرِ
 مَنْزِلَةُ إِبْرَاهِيمَ الْأَوَّلِ وَالثَّانِي
 حَاجَ لِهِ بَرِيْجٌ مُّسْكُنٌ
 عَلَيْهِ رَحْمَةً وَالْيَسْعَةُ
 وَقَاتَ بِالصَّوْبَانِ تَانِيْجَيْ
 دَيْنَاتِ بُورِيْجَيْرَهِيْلَيْ
 كَالْمَهْرَمَارَتَخْ
 بَلْشَ كَوَافَانْ
 آتَيْ

Табл. III.

الْحَمْدُ لِلّٰهِ الْعَظِيْمِ
 اَخْمَدْنَا عَنْا زَلْزَالَ
 السَّمَوَاتِ بُورَ حَمَدَةَ
 الْمَوْلَى عَلَيْهِ حَمَدَةً وَوَاهِي
 سَعَهُ وَوَقَاتَتْ مَلَائِكَةَ
 شَرَبَتْ حَمَادَةَ حَمَادَةَ
 شَيْرَ مَرْسَالَهِ جَالَ مَدَدَه
 تَهْيَرَ مَلَكَ بَرْ كَوَازَاتَه

Константин Руденко
Могильник на острове «Песчаный»

Золотоординская проблема в последнее время привлекает пристальное внимание исследователей. В этой связи интерес представляет новый могильник этого времени, исследованный в 1992—1994 гг. Материал его частично опубликован.¹

Памятник расположен на песчаном останце надлуговой террасы правого берега реки Курналинка, правого притока р. Архаровка, правого притока р. Кама, подтопленного Куйбышевским водохранилищем, в Алексеевском районе Татарстана (рис.1). В настоящее время островок засыпан намытой дамбой строящегося мостового перехода Сорочьи горы — Мурзиха, через реку Кама. Могильник находится на месте средневекового селища конца XIII — первой трети XIV в. и поселения эпохи поздней бронзы.²

За три сезона раскопок исследовано 15 погребений (рис.1-В). Четыре погребения изучено на раскопе I, три — на раскопе II, семь — на раскопе III и одно — на раскопе VIII. Поскольку могильник такого рода, изученный полностью, на территории Татарстана пока один, я привожу описание каждого погребения, чтобы было четкое представление обо всем памятнике. Определение пола и возраста захоронений № 1—5 проведено И.Р.Газимзяновым.

Погребение №1 (рис.2-1). Глубина — 50 см. Остатки его зафиксированы у берегового обрыва на глубине 35—40 см. Сохранились кости правой руки, часть позвоночника и тазовых костей, а также ног. Погребенный, ориентированный головой на запад, лежал вытянуто на спине. Череп находился на левом боку. Лицевая часть его обращена к северу. Погребение мужское, 30—40 лет.

Погребение №2 (рис.2-9). Глубина — 75 см. Следы могильной ямы (55 x 160 см.), вероятно, прямоугольной формы, отмечены на глубине 60 см. Костяк, ориентированный головой на запад-северо-запад, лежал вытянуто на спине. Череп обращен лицевой частью вверх с небольшим поворотом к западу. Левая рука расположена вдоль туловища, правая согнута в локте и положена кистью на таз. Кости голени соединены вместе и находились на 8—10 см. ниже остальных костей скелета. Слева у таза расчищен железный нож. В засыпи погребения встречались фрагменты круговой керамики. Погребение женское, 18—35 лет.

Погребение №3 (рис.2-2). Глубина — 65 см. Могильная яма (200 x 70—80 см.) прямоугольных очертаний выявлена на глубине 45 см. Костяк, ориентированный головой на запад, лежал вытянуто на спине. Череп, немного запрокинутый назад, обращен лицевой частью вверх. Кости рук находятся вдоль туловища и немного в стороны от самого скелета. Погребение мужское, 18—35 лет.

Погребение № 4 (рис.2-10). Глубина — 75 см. Контуры могильной ямы (190 x 80 см.), зафиксированы на глубине 60 см. Погребенный, ориентированный головой на восток-северо-восток, лежал

на правом боку. Череп находился на правом боку, лицевой частью на северо-запад. Ноги чуть согнуты в коленях, руки сложены на пояс. Погребение мужское 18—35 лет.

Погребение №5 (рис.2-3). Глубина — 35 см. Костяк выявлен на глубине 25 см. Могильная яма не прослеживалась. Погребенный, ориентированный головой на запад, лежал вытянуто на спине. Череп располагался лицевой частью вверх. Руки согнуты в локтях и, видимо, скрещены на поясе. У правого плеча расчищены: металлическое зеркало (рис.3-10), костяная игольница со спекшимися в сплошную массу железными иголочками внутри (рис.3-9) и две бусины (бисер). Несколько ниже лежал железный нож (рис.3-7) и железное шило с деревянной рукоятью (рис.3-8). На груди находилась бронзовая штампованные накладка с отверстиями (рис.3-11). Зеркало было завернуто в кусок тонкого полотна и вложено в кожаный (?) чехольчик. Края последнего были прошиты тонкими нитками. Под чехлом зафиксированы остатки грубой материи и клок черных густых волос. Остатки ткани выявлены и на лезвии ножа. Погребение женское, 18—35 лет.

Погребение №6 (рис.2-5). Глубина — 75 см. Могильная яма прямоугольной формы (163 x 50 см.), выявлена в виде темного гуммированного пятна на глубине 53 см. На глубине 60 см., размеры котлована составили 150 x 45 см. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад. Череп располагался на затылке, лицевой частью вверх. Руки чуть согнуты в локтях. Ноги сведены в коленных суставах. Стопы, скорее всего, лежали одна на другой.

Под черепом найдена бронзовая штампованные накладка (рис.3-12), аналогичная из погребения № 5. Бронзовый тлен от украшения зафиксирован у правого предплечья. В засыпи встречаются мелкие угольки (скопление их отмечено в районе груди) а так же фрагменты керамики эпохи бронзы и средневековья.

Погребение № 7 (рис.2-4). Глубина — 50 см. Могильная яма прямоугольной формы (131 x 50 см.) была выявлена на глубине 40—45 см. в виде гуммированного пятна. Погребенный, ориентированный головой на запад, лежал вытянуто на спине. Череп располагался на затылке, чуть завалившись на правый бок, лицевой частью вверх, с отклонением к югу (положение его из за плохой сохранности костей точно определить трудно). Руки сложены на поясе. Ноги плотно прижаты друг к другу, стопы перекрывают друг друга. Левая бедренная кость находилась на 5 см. ниже правой. Над погребением фиксировались угольки и кусочки расколотых костей животных. Угольки и фрагменты керамики были найдены при расчистке в районе груди.

Захоронения № 5, 6, 7 составляют единый комплекс, поскольку котлованы погребений № 6 и 7 в восточной части соединялись небольшой канавкой (рис.2-4, 5), в которой находился зуб животного (лошади?); а одинаковые штампованные накладки (рис.3-11, 12) обнаружены в погребениях № 5 и 6.

Погребение №8 (рис.2-8). Глубина — 65 см. Могильное пятно неправильной формы (210 x 80 см.) выявлено на глубине 40—45 см. В нем встречались линзы глинистого пестроцвета, угли и углистые скопления. В западной части котлована сделана небольшая ниша (подбой). Погребенный, ориентированный головой на север, лежал вытянуто на спине. Череп располагался на затылке, лицевой частью вверх. Лицо слабопрофилированное (рис.4-1). Руки находились вдоль туловища, ноги параллельно друг другу. Стопы раскинуты в разные стороны.

Вдоль левого плеча, с внутренней стороны, лежал длинный железный нож, острием на север (рис.3-6). Обломок железного предмета (рис.3-4) найден в районе груди (правая сторона). Еще один нож (рис.3-5) расчищен у правого предплечья. В нише у правого бедра, лежало железное стремя (рис.3-1), чуть южнее — кольчатые удила (рис.3-3). Второе стремя (рис.3-2) обнаружено между голенными костями.

Дно могильной ямы плоское и имеет следы прокала, особенно в центре котлована, где материковый песок приобрел кирпично-красный цвет. В засыпи погребения встречены угольки и кремневые сколы, последние четко соотносятся с норами мелких грызунов.

Погребение №9 (рис.2-6). Глубина — 85 см. Выявлено над ямой № 18, на глубине 80 см. Гуммированное заполнение могильной ямы прямоугольной формы (160 x 47 см.), было насыщено угольками; здесь же встречались фрагменты керамики эпохи бронзы и средневековья. Выше всех костей скелета находился череп (- 65 см.), ниже всех — тазовые кости (- 95 см.), «заплывшие» в яму, отчего, кстати, почти не фиксировался северный край могилы. Костяк сильно нарушен.

Погребенный, ориентированный головой на запад, лежал вытянуто на спине. Череп разрушен, а сохранившиеся остатки располагались на правом «боку», лицевой частью на юг. Разломанная нижняя челюсть обнаружена в области тазовых костей. Руки были, вероятно, вытянуты вдоль туловища. Под затылком и у правого бедра отмечен небольшой прокал. В засыпи встречались мелкие угольки.

Погребение № 10 (рис.2-11). Глубина — 65 см. Нечеткие следы котлована могилы отмечены на глубине — 60 см. Южная часть погребения приходилась на край ямы эпохи бронзы. Погребенный, ориентированный головой на запад, лежал вытянуто на спине. Череп (рис.4-2) располагался на затылке, лицевой частью вверх. Руки сложены на животе, стопы ног разведены в разные стороны, пятками вместе. Правая часть костяка «просела» в древнюю яму, отчего правое плечо зафиксировано на 15 см. ниже левого. В засыпи могильной ямы встречались отдельные угольки и кусочки кирпичной крошки от постройки средневековой усадьбы.

Погребение № 11 (рис.2-14). Глубина — 50 см. Могильная яма не прослеживалась. На глубине — 45 см. в слое темного гуммированного песка расчищены остатки черепа ребенка. Судя по немногочисленным костям, погребенный был ориентирован головой на

запад. Над захоронением, на глубине — 23 см., найден бронзовый пластинчатый браслет (рис.3-13).

Погребение № 12 (рис.2-7). Глубина — 95 см. Первоначальные контуры могильной ямы отмечены на глубине 65—70 см., в слое серо-коричневой супеси. На глубине 70 см. выявились прямоугольные очертания (210 x 55 см.) котлована с закругленными углами, чуть суженного в северной части.

Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на юго-запад. Череп располагался на затылке, лицевой частью вверх. На нем сильно выделяются носовые косточки (рис.4-3). Из-за норы, череп немного «завалился» в западном направлении. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая положена на тазовые кости, на низ живота. Ноги вытянуты, колени плотно сдвинуты (расстояние между костями 4 см). пальцы стопы правой ноги повернуты вправо, у левой — вытянуты вправо. Костяк, особенно ноги, чуть сдвинут к западному краю могильной ямы.

У правого предплечья отмечен тлен от бронзового украшения (?), на левой половине грудной клетки расчищена верхняя челюсть собаки (определение А.Г. Петренко). Дно котлована на 10 — 12 см. глубже в районе ног. В засыпи встречались угольки, фрагменты средневековой керамики и кирпичной крошки. Заполнение сильно гуммировано.

Погребение № 13 (рис.2-13). Глубина — 68 см. Контуры могильной ямы в виде продолговатого пятна (160 x 50 см.) серо-коричневого цвета, зафиксированы на глубине — 40 см., на глубине — 63 см. они приняли четкие квадратные очертания (110 x 100 см). В центре его выделялось овальное гуммированное пятно длиной около 60 см, ориентированное по линии запад-восток. Стенки могильной ямы вертикальные, высотой 5—8 см., дно плоское.

Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад. Череп располагался на правом боку, лицевой частью на юг. Правая рука вытянута вдоль (?) туловища. Кисть левой руки лежала на тазовых костях. Ноги согнуты в коленях. Судя по не прорезавшимся зубам, скелет принадлежал ребенку в возрасте до 6—8 месяцев. Расположение костей, видимо, в данном случае зависит от возраста погребенного. Засыпь ямы — серо-коричневый песок с гумусными включениями.

Погребение № 14 (рис.2-11). Глубина — 78 см. Признаки захоронения в виде четкого пятна серо-коричневой и пестроцветной супеси прослежены на глубине — 43 см. На этом уровне здесь был найден обломок лезвия железного ножа, а так же развал верхней части кругового глиняного сосуда. Темное, гуммированное пятно прямоугольной формы (250 x 75 см.) прослежено на глубине — 65 см. При зачистке, на глубине 70 см., пятно сократилось до размеров — 160 x 100 см. Стенки котлована ямы вертикальные, дно плоское с углублением (нора?) в западной части.

Костяк лежал вытянуто на спине, головой на запад. Череп находился на затылке, лицевой частью вверх. Верхняя часть тулови-

ща несколько сдвинута к северу, хотя общий анатомический порядок костей не нарушен. Руки вытянуты вдоль туловища. Ноги параллельны друг другу. Из-за норы часть ребер, низ позвоночника и крестец отсутствуют, и эта часть погребения на 10 см. глубже остального дна котлована. В засыпи найдены фрагменты керамики средневекового времени и эпохи бронзы.

Погребения № 10, 13, 14 составляют единую группу (рис.1-В), судя по их расположению и ориентировке.

Погребение № 15. Признаки погребения отмечены в слое темного гуммированного песка на глубине 30—35 см. Судя по гумусным пятнам, котлован имел прямоугольную форму (110 x 20—50 см.) в направлении север — юг. По сохранившимся остаткам черепа, ребер, части плечевой кости и мелким позвонкам, можно предположить, что погребенный лежал головой на север. Может быть, лицевая часть черепа была обращена к западу.

Захоронение было нарушено поздним перекопом (XX в.), из которого в погребение попал железный гвоздь. Судя по костям черепа и зубам, это было детское захоронение. На нижней челюсти сохранилось 10 зубов, причем несколько коренных еще не прорезались, следовательно возраст умершего был от 1 до 3 лет.

В восточной части острова, там где культурный слой был уничтожен при укладке труб для земснаряда (рис.1-В), были найдены 3 черепа из разрушенных погребений. Сохранился только один (рис.4-4), принадлежавший мужчине 35—55 лет, с выступающими носовыми косточками, как и на черепе из погребения № 8. В этом месте был найден плоскодонный лепной сосудик, высотой 8,5 см.³ Близкий в некоторых деталях орнамента и по форме сосуд обнаружен в детском погребении № 3 кургана 9, Новинковского I курганного могильника.⁴

Отметим, что на некоторых черепах зафиксирована стертость коренных зубов.

Датировка погребений по стратиграфии. В засыпи почти всех погребений встречаются находки из культурного слоя, второго его горизонта, относящегося к концу XIII — первой трети XIV в. Стратиграфические разрезы⁵ показывают, что погребения относятся к самым верхним отложениям культурного слоя, позднейшим на памятнике, прорезая нижележащие слои. Следовательно, данные захоронения не могут датироваться ранее чем предшествующий им поселок, то есть не ранее первой трети XIV столетия.

Датировка по планиграфии (рис.1-В). Ряд погребений четко связан между собой (погребения № 5—7, 10, 13, 14), причем сюда входят как захоронения с вещами так и без них. Таким образом, можно утверждать, что все выявленные захоронения близки по времени и совершены в какой-то один хронологический промежуток, не ранее первой трети XIV столетия.

Датировка по инвентарю погребений. Украшения (накладки из погребений № 5 и 6 — рис.3-11, 12) имеют аналогии в

материалах Царевского городища (Сарай ал-Джадид): близкие им изделия найдены на усадьбе, существовавшей в конце 50-х, до начала 60-х гг. XIV в. Зеркало (рис.3-10) датируется первой половиной — серединой XIV в.⁶ В материалах с Булгарского городища имеется один фрагмент от такого же зеркала.⁷

Анализ изделий из железа: ножей, стремян и удил, предметов имеющих довольно широкие рамки бытования, не противоречит этой датировке. Так, ножи с широким лезвием (2—2,5 см.) и длиной выше 16 см (рис.3-6, 7) типичны для золотоордынского времени.⁸ Тоже можно сказать и о железных стременах арочной формы (рис.3-Б, 1, 2), причем аналогичные им (рис.5-1, 2) найдены на соседнем с могильником поселении Дамба I, датированном монетами концом 90-х гг. XIII в. — 1361 г., с преобладанием чекана Сарай ал-Джадид, времени Узбека и Хызыра.⁹ Близкие по форме стремена встречены в кочевнических захоронениях с монетами Токты и Узбека (712—741 г.х.).¹⁰ В целом, погребения по инвентарю датируются не ранее середины, третьей четверти XIV в.¹¹

Особенности топографии и обрядовых ритуалов. Расположение могильника на песчаном останце характерно, кроме песчаноостровного могильника также и для кочевнических погребений этого времени Самарского Поволжья.¹² Захоронение человека и собаки (погребение № 12) встречается в могилах тюркоязычных кочевников VIII—IX вв. кимако-кипчакского круга,¹³ а также в отдельных случаях в кочевнических погребениях XIII—XIV вв.¹⁴ Следы культа огня зафиксированы в кочевнических захоронениях золотоордынского времени.¹⁵

Место могильника «Песчаный остров» среди булгарских памятников золотоордынского времени. Наибольшую близость данному памятнику обнаруживает погребение, выявленное в 1963 г. на песчаной дюне у поселка Лебедино, при раскопках стоянки эпохи неолита-бронзы,¹⁶ расположенное в 15 км. к юго-западу от могильника Песчаный остров. Это подтверждается и материалом находящегося рядом поселения этого же времени.

Косвенно, с данным памятником связано и одиночное захоронение на Рождественском IV могильнике, расположенным в 45 км. к северо — востоку от могильника Песчаный остров. Датировано оно монетой 1357 г.¹⁷ Интересно, что в инвентаре этого погребения имеются предметы вооружения, чего нет на Песчаном острове.

В отдельных чертах погребального культа («огненный ритуал») имеется сходство данного памятника и Балымерских курганов,¹⁸ хотя материалы их существенно разнятся (данний вопрос будет рассмотрен в отдельной статье). Поздние могильники, расположенные поблизости, в частности Лайшевский II, III, кроме следов культа огня и неустойчивой ориентировки, каких либо общих черт с песчаноостровным могильником не обнаруживают. По крайней мере, атрибуция их как мусульманских (за исключением, Лайшевского III) сомнения не вызывает. Таким образом, могильник Песчаный остров не имеет

полных аналогов в булгарских памятниках региона. Близость вещевого инвентаря с этого памятника нижневолжским материалам (Царевское городище) не исключает возможность связывать население оставившее его именно с тем районом.

Другой особенностью могильника Песчаный остров является наличие серии оседлых поселений синхронных с могильником. Это селища Дамба I, II, III, местонахождения на острове Восточном и Разбойничьем.¹⁹ На всех этих памятниках найдены золотоордынские монеты. Возникли они в начале XIV в., на новом месте, не связанном с предшествующими поселениями, жизнь на которых (VI Алексеевское селище) прекратилась значительно раньше. Это показали результаты шурфовки проведенной на селище Дамба II. Здесь мощность культурного слоя достигала 60 см., хотя насыщенным находками оказался только верхний горизонт (до 40 см.). Расположенный около него грунтовой могильник также находился на незастроенном в домонгольское время участке территории. В шурфе на этом месте на первом штыке был найден фрагмент чугунного котла.

Только в одном случае такое поселение заняло пустошь домонгольского селища — это местонахождение Разбойничий остров. Здесь найдены: бронзовая пуговица конца X в., обрезок дирхема X в., стержневидная псалия (рис.6-11) и шиферное пряслице (рис.6-10). Весь остальной материал: замки (рис.6-1, 2), кресало (рис.6-8), наконечники стрел (рис.6-3, 4), части двусоставных кольчатых удил (рис.6-12), а также многочисленные обломки чугунных котлов (рис.6-2) — относится к золотоордынскому времени.

Особенностью данных поселений является своеобразное сочетание черт материальной культуры. В керамике это присутствие круговых форм красноглиняной посуды: корчажек (рис.6-13, 14), горшковидных сосудов (рис.5-28), кувшинов с широким сливом (рис.5-31, так и «славяноидных» изделий в виде горшков, с примесью в тесте толченой раковины (рис.5-23, 30; 6-15, 18, 19, 20). Широко использовались чугунные котлы (рис.6-24-26). Кроме многочисленных бытовых предметов — ножей, гвоздей, здесь найден железный ключ от навесного замка позднего облика (рис.6-23) и бронзовый миниатюрный замочек в виде лошадки (рис.6-22).

Обслуживала эти поселения кузница, находившаяся на селище Дамба I. От нее остались полуразмытые остатки деревянного наземного дома, с печью, в котором было найдено более десятка серебряных и медных золотоордынских монет, скопления шлаков и криц, в том числе и со специфическим вырезом (рис.5-35), а также многочисленные железные и бронзовые изделия. В кузнице изготавливались разнообразная продукция — от бытовых изделий — ножей (рис.5-7-9) и гвоздей, до достаточно сложных предметов — удил (рис.5-11-13), стремян (рис.5-1, 2), наконечников пик (рис.5-10), стрел (рис.5-5) и гарпунов (рис.5-6). Здесь же производился ремонт сломавшихся предметов — топоров (рис.5-22), серпов (рис.5-16), ножниц (рис.5-21), ключей (рис.5-4) и замков (рис.5-3). Жители усадьбы кузнеца

пользовались чугунными котлами (рис.5-17-19), а так же занимались домашними промыслами, в частности прядением. Об этом свидетельствуют глиняные пряслица (рис.5-27, 32, 33). Найдки орудий для обработки земли типа мотыжки (рис.6-7), говорят о занятиях жителей огородничеством.

Скорее всего, население, оставившее песчаностровной могильник, было тесно связано с жителями данных сел, о чем говорят находки однотипных вещей. Вместе с тем, учитывая тот факт, что у населения этих поселков был собственный могильник, следует признать, что они не считали тех людей своими, по крайней мере хоронили своих умерших обособленно по своим традициям и обрядам. Не исключено, что эти памятники, включая и песчаностровной могильник, относятся к определенной области, именовавшейся в русских летописях «татарской землей».²⁰

В целом, могильник на острове Песчаный характеризуется следующими чертами. Это отсутствие единой системы захоронений, хотя встречаются погребения как одиночные, так и составляющие как бы одну группу. Невыдержанность погребальной обрядности: захоронения имеют разную ориентировку (преобладает западная), положение рук не устойчиво, хотя в целом, положение костяка (вытянуто на спине), за исключением одного случая, общее для всех захоронений. Неаккуратностью могильных котлованов — как правило прямоугольной или близкой к ней формы, с вертикальными стенками, хотя встречены подбой (погребение №8) и небольшой уступчик (погребение №6). Использование при погребении «огненного» ритуала, а так же помещение в могилу жертвенного (?) животного (погребение №12). Не исключено, что после захоронения над могилой совершилась тризна и какие-то другие обряды (разбитый сосуд и сломанный нож над погребениями 13, 14; обломанный браслет в засыпи погребения №11). Наличие инвентаря в захоронениях, который характерен для погребений поздних кочевников.

Проведенный анализ показал, что все захоронения могильника синхронны и относятся ко второй половине XIV в. Особенности погребального обряда не позволяют считать этот могильник мусульманским, но отсутствие инвентаря в большей части погребений, говорит о влиянии канонов мусульманской религии. Необычность этого памятника проявляется и в том, что он хотя и был связан с поселениями ближайшей округи, но сохранял свою специфику и обособленность.

Имеющиеся вещи в погребениях имеют аналогии в находках из Царевского городища, причем некоторые предметы (зеркало, накладки) в материалах синхронных памятников в Булгарии не встречаются или представлены единичными фрагментами. Разнообразие антропологического материала свидетельствует о неоднородности этого этнического объединения. Определенная близость по расположению, чертам погребального обряда и инвентарю данного могильника с погребениями в могильниках царевской группы Заволжья и западной группы курганов Южного Урала,²¹ а так же с погребениям в Самарском

Заволжье, позволяет предположить о принадлежности его к кимако-кипчакам.

Таким образом, исследования могильника на Песчаном острове дают новые материалы в исследовании золотоордынских древностей Среднего Поволжья.

Примечания:

- ¹ Руденко К.А. Алексеевское селище и могильник (у дамбы) в Татарии // Проблемы средневековой археологии волжских финнов / АЭМК, вып.23. Йошкар-Ола, 1994.
- ² Руденко К.А. Исследования селища и могильника Песчаный остров (Алексеевского у дамбы) в Татарии в 1993—94 гг. // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып.1. Йошкар-Ола, 1998.
- ³ Руденко К.А. Алексеевское селище и могильник (у дамбы) в Татарии // Проблемы средневековой археологии волжских финнов / АЭМК, вып.23. Йошкар-Ола, 1994. — Рис.7-6.
- ⁴ Сташенков Д.А. Новые детали погребального обряда памятников раннеболгарского времени в Самарском Поволжье // Средневековые памятники Поволжья. Самара, 1995. — С.35.
- ⁵ Руденко К.А. Алексеевское селище и могильник (у дамбы) в Татарии // Проблемы средневековой археологии волжских финнов / АЭМК, вып.23. Йошкар-Ола, 1994. — Рис.1-А; Руденко К.А. Исследования селища и могильника Песчаный остров (Алексеевского у дамбы) в Татарии в 1993—94 гг. // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып.1. Йошкар-Ола, 1998. — Рис.4-2.
- ⁶ Руденко К.А. Алексеевское селище и могильник (у дамбы) в Татарии // Проблемы средневековой археологии волжских финнов / АЭМК, вып.23. Йошкар-Ола, 1994. — С.124.
- ⁷ Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996. — Рис.71-12.
- ⁸ Руденко К.А. Материальная культура булгарских селищ низовий р. Кама в XII—XIV вв. Канд. дисс. М., 1995.
- ⁹ Руденко К.А. Алексеевское селище и могильник (у дамбы) в Татарии // Проблемы средневековой археологии волжских финнов / АЭМК, вып.23. Йошкар-Ола, 1994. — С.128.
- ¹⁰ Кадырбаев М.К., Бурнашева Р.З. Погребение кыпчака первой половины XIV в. из могильника Тасмола // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970. — С.50.
- ¹¹ Руденко К.А. Алексеевское селище и могильник (у дамбы) в Татарии // Проблемы средневековой археологии волжских финнов / АЭМК, вып.23. Йошкар-Ола, 1994. — С.124, 125.
- ¹² Васильева И.Н. Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья // Древняя история Поволжья. Труды. Том 230. Куйбышев, 1979. — С.204.
- ¹³ Арсланова Ф.Х. Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969. — С.45—57.
- ¹⁴ Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. — С.123, 130.
- ¹⁵ Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. — С.123, 161.

- ¹⁶ АК. Археологические памятники Центрального Закамья. Казань, 1988. — №80.
- ¹⁷ Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., Казаков Е.П., Хлебникова Т.А., Валеев Р.К. Археологические памятники у с. Рождествено. Казань, 1962. — С.83.
- ¹⁸ Халикова Е.А. Археологические исследования в Куйбышевском районе ТАССР // КСИА, № 104. М., 1965.
- ¹⁹ Руденко К.А. Исследования селища и могильника Песчаный остров (Алексеевского у дамбы) в Татарии в 1993—94 гг. // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып.1. Йошкар-Ола, 1998. — Рис.18.
- ²⁰ Руденко К.А. «Татары» и «Татарская земля» в конце XIV — начале XV в. (по русским летописям) // История и культура Волго-Вятского края. Тезисы. Киров, 1994.
- ²¹ Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII—XIV вв.). М.: Наука, 1988. — С.60, 65, 66.

K.A.Rudenko

The burial ground on «Sandy Island».

The author analyses the materials of the 15 graves of burial grounds «Sandy Island», which is situated in Alekseevskiy district of the Republic Tatarstan. This burial grounds was examined in 1992-1994.

The burial ground dates back to the 2-nd half of the 14-th century. Several graves have got some rich inventory. The author supposes, that this burial ground and some other monuments belong to so called «Tatar Land», which was described in Russian chronicles.

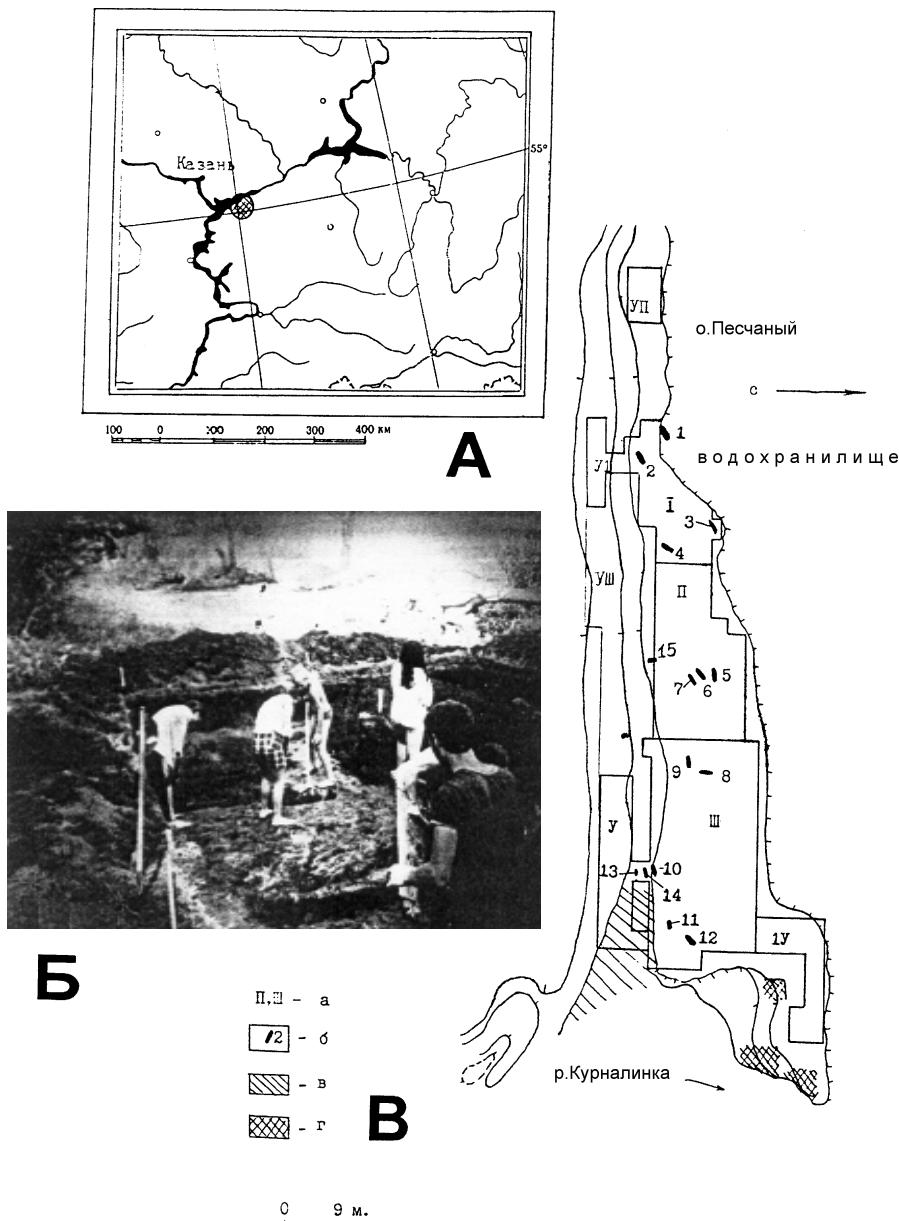

Рис.1. А — схема расположения могильника Песчаный остров; Б — раскопки могильника в 1993 году. В — схема раскопов на могильнике и расположение погребений; а — номера раскопов, б — погребения, в — разрушенная часть памятника, г — постройки XX века.

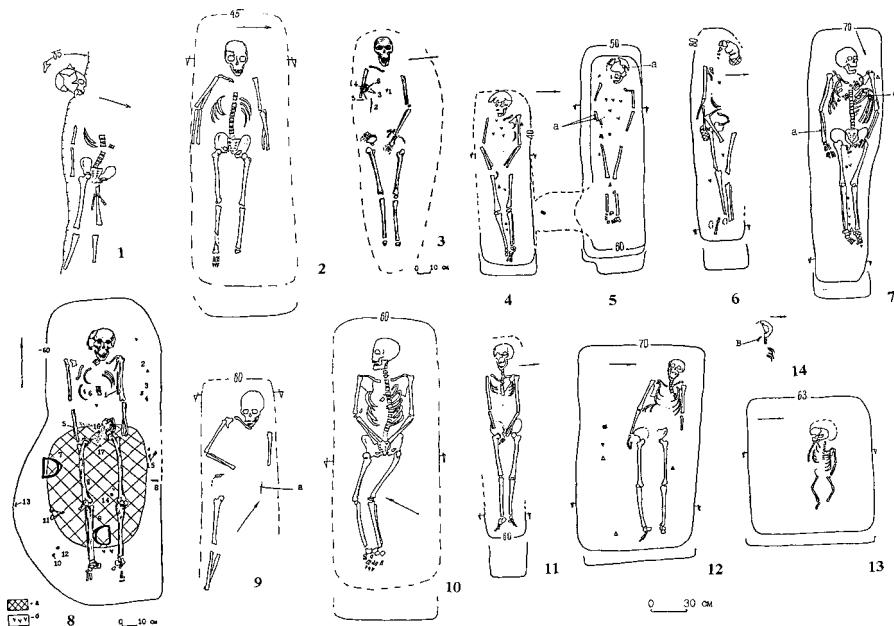

Рис.2. Планы погребений. 1 — погр. №1, 2 — погр. №3, 3 — погр. №5, 4 — погр. №7, 5 — погр. №6 (а — бронзовыe украшения), 6 — погр. №9, 7 — погр. №12, 8 — погр. №8 (а — прокал, б — уголь), 9 — погр. №2 (а — нож), 10 — погр. №4, 11 — погр. №10, 12 — погр. № 14, 13 — погр. №13, 14 — погр. №11.

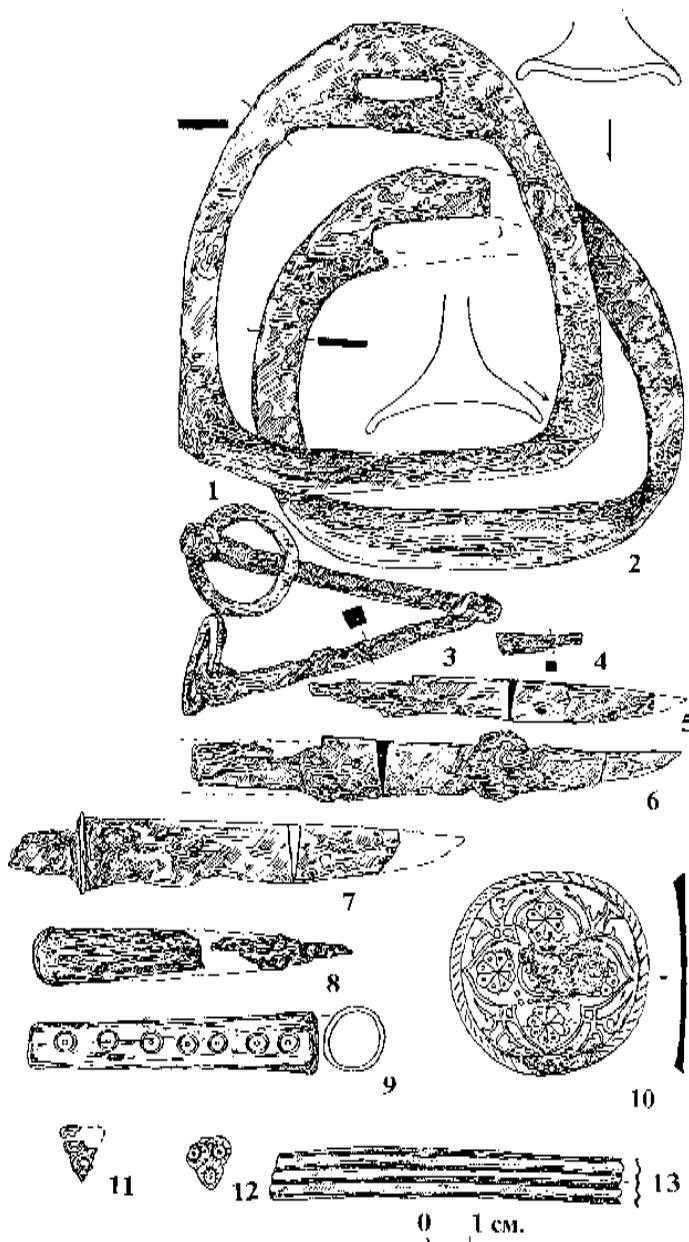

Рис.3. Инвентарь погребений. 1—6: погребение №8; 7—11: погребение №5; 12 — погребение №6; 13 — находка над погребением №11. 9 — кость, 10—12 — бронза, 13 — латунь, 8 — дерево и железо. Остальное — железо.

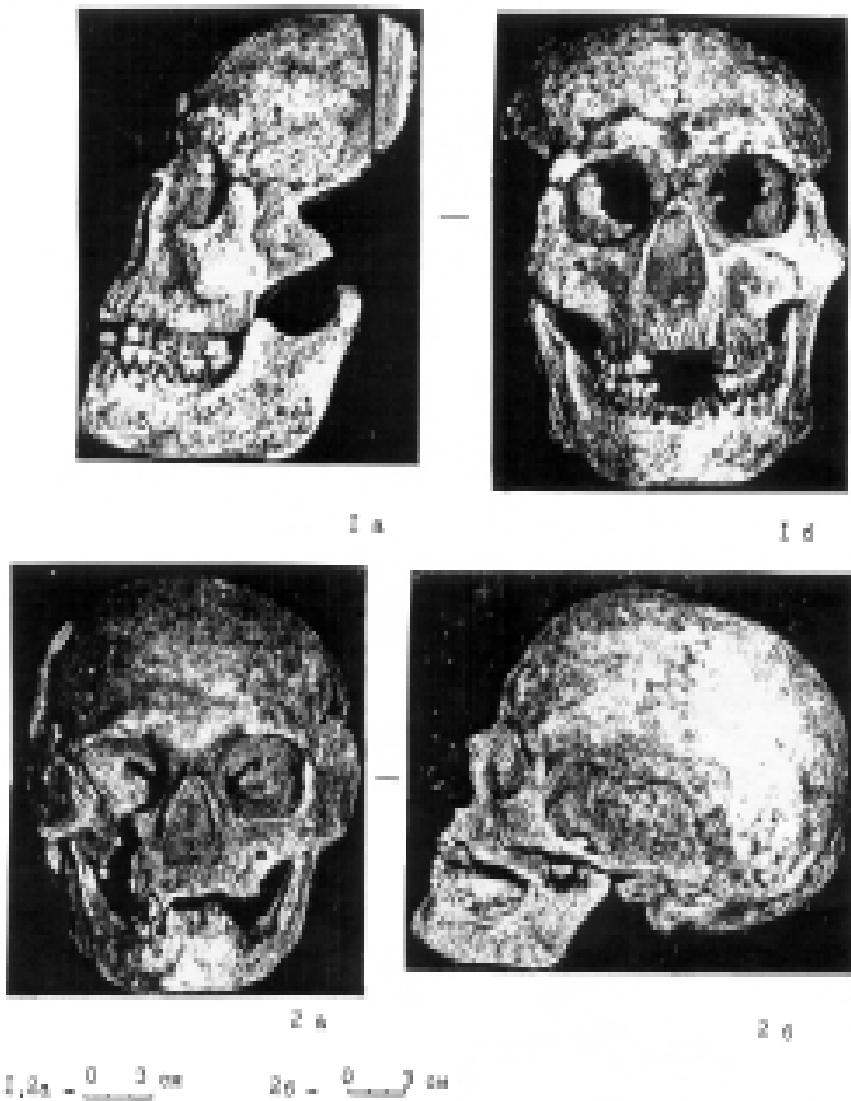

Рис.4. Черепа из погребений. 1 — погребение №8; 2 — погребение №10.

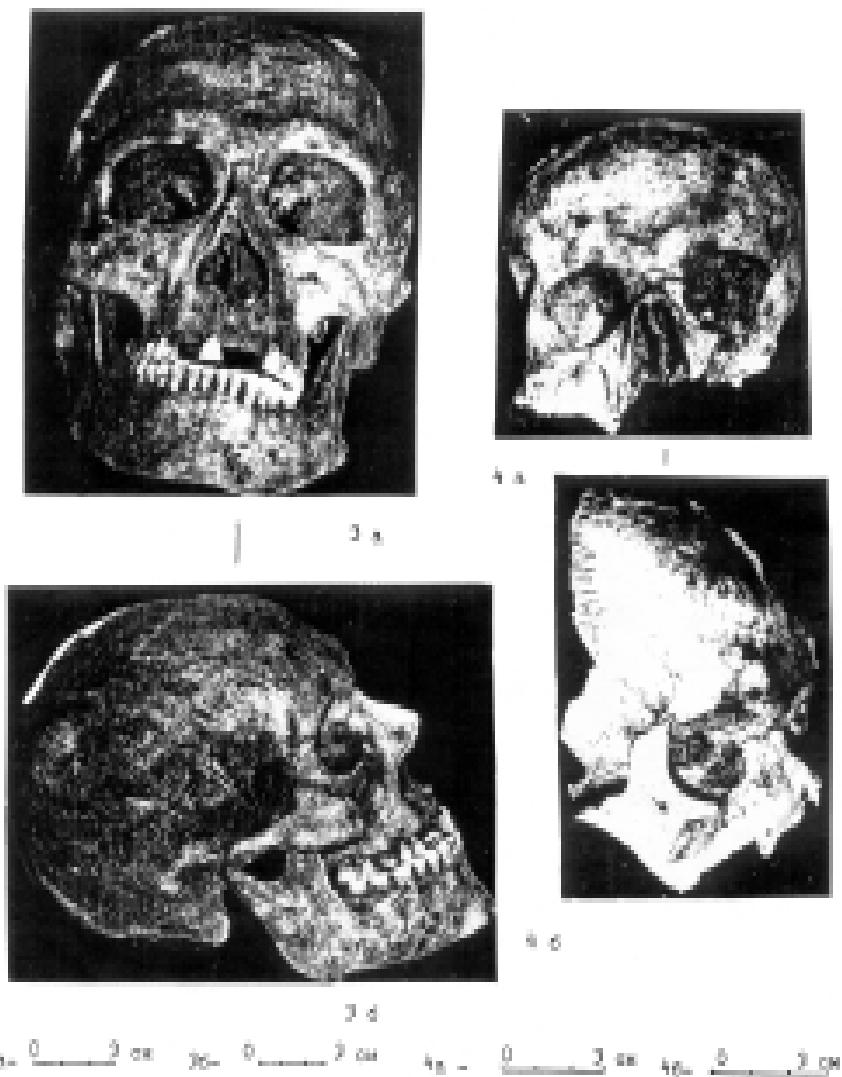

Рис.4. 3 — погребение №12, 4 — подъемный материал.

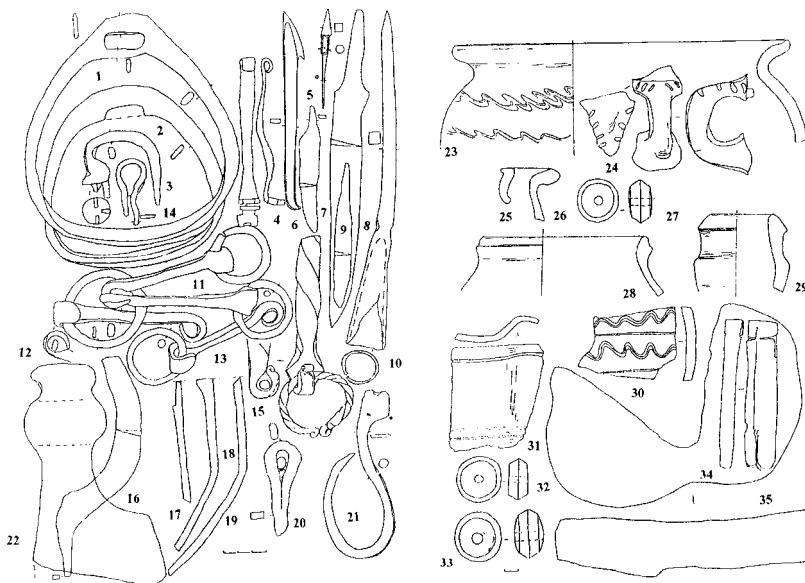

Рис.5. Подъемный материал с селища Дамба I. 23—33 — глина, 34 — камень; 17—19 — чугун; остальное — железо.

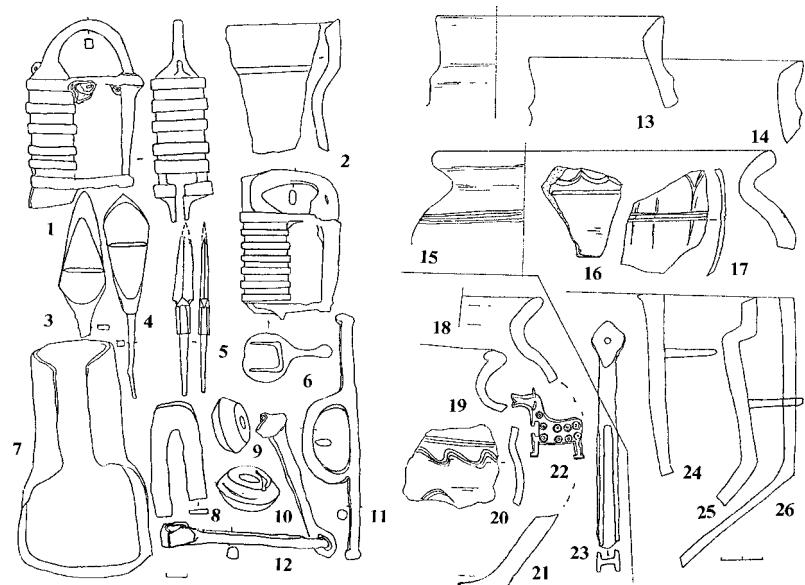

Рис.6. Подъемный материал с местонахождения «Разбойничий остров» (1—12), селища Дамба II (18—23) и Дамба I (рис.6.13—17, 24—26). 2, 24—26 — чугун; 22 — бронза, 1, 3—8, 11, 12, 23 — железо, 10 — камень (шифер), остальное — глина.

Нина Кокорина

Керамика усадьбы гончара из Иски Казани

В 1983 г. Иски-Казанской экспедицией исследованы остатки усадьбы гончара на Русско-Урматском селище.¹ Раскопом VI изучены сооружения трех строительных периодов, соответствующих трем слоям: раннезолотоордынскому (III), позднезолотоордынскому (II) и эпохи Казанского ханства (I). Остатки сооружений реконструированы как дом-усадьба гончара с мастерской, существовавшей в течение этих трех периодов. От усадьбы раннезолотоордынского времени сохранилось около трех десятков общебулгарской (I группа) и некоторого количества «славяноидной» (XVI) посуды. Столь незначительное количество керамики раннего горизонта объясняется недолгим сроком функционирования мастерской (третья четверть XIII в.), гибелью от пожара всех строений усадьбы, очисткой площади от пожарища и нивелировкой поверхности под застройку II периода.

Основная масса посуды (около 9500 фрагментов) получена из II (штык 2) и I (штык 1 и дерн) слоев, связанных со вторым и третьим — последним — периодами функционирования мастерской. Распределение керамики I группы по штыкам следующее: в нижнем горизонте поздней мастерской и дома — 47,2%, в верхнем — 49,5% и в последний период — 3,2 % (табл. 1). Среди сопровождающих булгарскую и татарскую керамику этнокультурных групп наблюдается примерно один и тот же состав во всех горизонтах (слоях), но с некоторыми различиями в их количестве. В последний период, кроме I, встречается посуда XVI, XXI и XX групп. Наиболее заметна количественно керамика XVI и XX групп, в меньшей степени представлена посуда XIII и XXI групп (см. их описание ниже). В единичных и мелких фрагментах встречена за пределами мастерской керамика VI, XVIII и XXII групп (табл. I).

I группа керамики — с примесью мелкого песка с заметными, особенно в позднем горизонте, добавками растительности, известняковой дресвы; тесто, как правило, хорошо отмученное; черепок в нижнем горизонте II слоя толще и рыхлее, нежели в верхнем. Анализ керамики по цвету, обжигу и лощению выявил следующие особенности (табл. II). Во всех слоях преобладает керамика коричневого цвета — от 80% в нижнем и до 77 % в верхнем, затем идет кирпично-красная. В верхнем слое встречается бурая, серая, редко черная лощеная; в нижнем — после коричневой — серая, желто-красная, бурая, изредка черная и желтая, т.е. в соотношении, характерном для конца XIV — начала XV в. В дерновом слое (последний период мастерской) преобладает кирпично-красная — 60%, коричневая — 30% и небольшое количество керамики других оттенков, т.е. в цветовом соотношении конца эпохи Казанского ханства. Во II слое (верхний горизонт) посуда красного и коричневого цвета встречается с малиновым оттенком. Эта же особенность наблюдалась в комплексе керамики XIII раскопа Камаевского

городища, сооружения которого датировались монетами местной чеканки и вещами XV в.² Для булгаро-татарской керамики из дернового слоя Русско-Урматского селища, как и для посуды Камаевского городища финала эпохи Казанского ханства характерны: наличие грубых примесей, иногда прослойка неполного обжига, редкое полосчатое (но встречается и сплошное) лощение тонкими линиями (36%) наряду с отсутствием лощения.* Эти признаки связаны с ухудшением положения булгарского гончарства и особенно с конца XV в.

Керамика из раннего горизонта дома гончара (слой III) — фрагменты нескольких сосудов серого и буро-коричневого цвета (рис. 1, 18, 19, 23, 24, 27—29). Один из них, найденный около подпечной ямы 27, принадлежал придонной части и венчику кувшина с припухлым краем, другие — нижней части кружечки с тонкими стенками (рис. 1,13), а также венчику горшка с подцилиндрической горловиной серого, стального цвета из канала горна 2 (рис. 1,3). Два днища от кувшинов с «А»-образными клеймами найдены в пределах помещения II с печью-чувалом (рис. 1, 20, 22). Оба клейма — варианты одной тамги — выполнены одним резчиком нечеткими линиями, что и отличает от более ранних с характерной четкой графикой (рис. 1, 18, 19). Округлой нечеткой графикой и манерой резьбы они близки клеймам из мастерской конца XIII — начала XIV в., раскопанной Н.Ф.Калининым в 1956 г.,³ и могут относиться к третьей четверти XIII в. С более четкой, но иной графикой «А»-образное клеймо из горна домонгольского периода, исследованного Р.Г. Фахрутдиновым в 1976 г.⁴ Поскольку сосуд с «А»-образной тамгой и перекладиной сверху знака (рис. 1, 22) был прижат камнем под основанием дома позднезолотоордынского периода, это может являться фактом преемственности ранней и поздней усадьбы.⁵ О преемственности гончарных мастерских ранне- и позднезолотоордынского слоев свидетельствует находка донца кувшина коричневого цвета с «А»-образным клеймом четких очертаний с перекрещенной перекладиной в помещении II, рядом с печью-чувалом (рис. 1, 18). Аналогичная тамга — близких очертаний, без перекрестья, но с навершием в виде круга на кружечке с коричневым черепком — происходит из основания культурного слоя, но, к сожалению, в обрыве берега рядом с раскопом (рис. 1, 19).

Несколько мелких фрагментов булгарской керамики и около десятка «славяноидной» найдены в ямах 5 (туалет) и 27 (подпечная). «Славяноидная» посуда из III слоя в виде горшков будет описана ниже (рис. 10, 23—25). Булгаро-татарская керамика из II и I слоев представлена двумя последовательными хронологическими комплексами из дома гончара и мастерской. Они — ввиду их различия — описываются отдельно.

* Сравним % лощеной посуды в мастерской позднезолотоордынского времени — 42%, полное отсутствие посуды плохого и среднего обжига (Табл. II).

Комплекс из дома II периода (II слой)

Изделия имеют коричневый тонкостенный черепок, хороший обжиг, все столовые формы посуды — с полосчатым лощением. Орнаментация — однообразна и вполне традиционна для посуды Русско-Урматского селища, начиная с XIII в. Посуда представлена бывшими в употреблении кувшинами (рис. 2, 13—16), кринками (рис. 2, 11, 17), и горшками трех типов (рис. 2, 1, 3, 4, 12), корчажками — двух (рис. 2, 5—7), кружками, тарелкой (рис. 2, 9, 10) — в формах, присущих как домонгольской, так и золотоордынской керамике. Однако кувшины со скошенным наружу венчиком и зонным узором (рис. 2, 13), тарелка с широким краем (рис. 2, 9), туvak с широким туловом (рис. 2, 10) указывают на вторую половину XIV в. Аналогичные формы в Булгаре бытуют в позднезолотоордынский период⁶ и распространяются из южных центров Золотой Орды и Хорезма.⁷

Обращает на себя внимание своеобразный набор широкогорлых кувшинов цилиндрошайбных форм из дома и мастерской (рис. 2, 13—16). Прототипы их известны в песочной посуде XIII и XXI групп из Джукетау и Биляра,⁸ принадлежавших булгарам-сакетимам и кипчакам Приуралья.

Большая часть посуды, судя по планиграфическим наблюдениям, найдена на месте их использования, а небольшая — в соседних помещениях дома. Это же относится и к изделиям из мастерской, часть которых найдена в помещениях IV (пристрой к мастерской) и II (задняя половина дома). Трубы из этого комплекса — дымогарные, диаметром 24 см (рис. 1, 72) — найдены рядом с печью в передней и задней половинах дома, рядом с чувалом (рис. 1, 10—12). Среди них есть экземпляры с соединительной муфтой и раструбом; все они — со следами копоти. В последнем помещении, но в верхнем слое, связанном с разрушением дома, встречались трубы меньшего диаметра (9 см) — водоотводные (рис. 1, 14). Сам водоотвод канализация, вероятно, относится ко времени сооружения дома, т.е. ко II периоду.

Об изделиях мастерской II периода можно, вероятно, судить отчасти по тем же находкам, что найдены в доме, поскольку вряд ли что-то сохранялось в самой мастерской. Отходы и керамический бой использовались лишь для забутовок во время перестроек, происходивших после пожара или каких-то других разрушений.

Верхний горизонт дома и мастерской представлены наибольшим количеством керамического боя и остатков.

Верхний горизонт дома (помещения I, II, V, VI)

Керамический комплекс отличается большим разнообразием форм: кувшины — восьми типов (рис. 3, 1—15), кринкообразные — шести (рис. 4, 16, 19, 22—24, 26, 28), горшки — пяти (рис. 4, 1, 4, 6, 8, 13), корчаги (рис. 4, 5, 7, 9, 27) и миски — четырех (рис. 4, 10, 11, 14, 31), кружки (рис. 3, 25—28) и блюда — трех (рис. 4, 15, 33—38), чашки — двух (рис. 4, 12, 30), туvak (рис. 4, 13).

Комплекс из поздней части дома гончара представлен, с одной стороны, традиционными типами булгарской посуды, а с другой - позднезолотоордынскими и эпохи Казанского ханства, отразившими влияние керамики Хорезма и южных золотоордынских центров. Так, серия типов кувшинов с припухлым и округлым венчиком, отделанных волнистой линией или округлыми наколами (рис. 3, 9, 14, 15), и сосуды со скошенным вовнутрь венчиком и поясом из мелкого рифления (рис. 3, 1) характерны для состава посуды Биляра с XI в.⁹ Кувшины с горловиной раструбом и единичнообразным венчиком (рис. 3, 6, 7), сосуды с воронкообразным уступом по краю (рис. 3, 10), часто с широким рифлением по горлу, встречаются в Казанском кремле в слое Казанского ханства, начиная с середины XV в. В слое Камаевского городища они идут в верхнем горизонте (вторая половина XV — первая половина XVI в.). К сожалению, керамика этих форм Казанского ханства совсем не опубликована.¹⁰

Своебразен набор посуды из помещения с печью-чувалом. Это фрагменты тулова широкогорлых кувшинов типа 18 (рис. 3, 2, 3) с узором в виде волнистых линий («джукетау») и отпечатками «гусеничек» (Табл. V, 17, 45, 47), чаши с уточненным краем и широким рифлением вдоль края (рис. 4, 31, 32), мисочка с биконическим туловом и зауженным притупленным краем, отделенная узкой врезной линией по плечику (рис. 4, 10). Аналогии последней редкой форме есть среди неопубликованной посуды Сарайчика.¹¹ Эта форма мисочек встречается среди изделий верхнего горизонта мастерской.

Описанная посуда из помещения с чувалом (задняя часть дома) несет черты посуды населения башкирского и пермского Приуралья (караякуповская группа памятников, неволинская культура), булгар-сакетимов и кипчаков (керамика XIII, XXI групп). Часть посуды этих форм найдена в пределах и передней части дома, среди них фрагмент донца кружечки серого цвета с остатками клейма округлых очертаний (рис. 1, 25). Полное клеймо аналогичной графики обнаружено на одном из кувшинов из верхнего заполнения ямы 44 (рис. 1, 26). Этот вид клейма является новым типом на местной посуде. На уровне глиняной вымостки в задней части дома найдены фрагменты чаши с серым кашинным черепком с двухсторонней бирюзовой поливой, а под ней черной росписью в виде растительных побегов на фоне крестообразных фигур (рис. 8, 6). Данный тип поливных изделий, по мнению Н.М. Булатова, являются поздним и относится к концу XIV—XV в.¹²

Комплекс керамики из мастерской II периода (735 фрагментов) относится к нижнему и верхнему горизонтам заполнения. Нижнее — более раннее — представляет собой засыпь горна 2 и основание ямы 44 (рис. 5, 2—6, 7—9, 12—13). Часть кувшинов из этого заполнения имеет у основания горла орнаментальный поясок из прямых линий, наколов гребенки, насечек разных форм (рис. 5, 2—4, 6). Большая часть реконструируемых сосудов (около 60 экз.) представляла собой склад посуды из верхнего заполнения ямы 44.

Отделке большей части кувшинов из этого склада присущее мелкое рифление по верху горла, ограниченное под венчиком валиком (рис. 6, 1, 2, 4, 6, 8).

Кувшины десяти типов (рис. 5, 1—3, 6; 6, 1—9). Среди них два вида — сосуды-водоносы с горловиной диаметром 12—14 см и столовые сосуды диаметром 6—10 см; венчики: закругленный и отогнутый (рис. 5, 1, 2), скошенный вовнутрь (рис. 5, 3), единичнообразный (рис. 5, 6), уточненный с валиком (рис. 6, 1, 4), с воронковидным изгибом (рис. 3, 1, 6, 7), приостренный наружу цилиндрический (рис. 6, 9), приостренный вовнутрь (рис. 6, 4, 6), уступчатый (рис. 6, 3), скошенный наружу (рис. 6, 8) и Г-образной формы (рис. 7, 14). Формы кувшинов вполне традиционны. Редким, но характерным для слоя Казанского ханства является кувшинчик с широкой горловиной раструбом, единичнообразным краем и подшаровидным туловом (рис. 5, 6). В отделке кувшинов преобладает волнистое лощение, характерное для завершения IV позднего слоя (т.е. первая треть — до середины XV в.). На ряде сосудов лощение выполнено в виде редких полос, прерывающихся порой поясами резных тонких линий, образующих «штриховатый» узор (рис. 5, 1, 3, 6). Этот прием, редкий для декора основной массы булгарской посуды (исключение — Мало-Пальцинское селище X-XI вв.¹³), возрождается в материалах конца позднезолотоордынского периода Булгара,¹⁴ Чаллынского городища¹⁵ и синхронных им поселений. На крупных кувшинах из верхнего заполнения ямы 44 также встречаются нанесенные концом гребенки расчесы-штрихи на горле, ручках (рис. 7, 23, 24) и тулове (рис. 1, 26), характерные посуде Дагестанской Хазарии VII-VIII вв.¹⁶ и напоминающие также тамги-метки золотоордынских кувшинов.¹⁷ Среди них появляются клейма «стремя» двух новых типов: в виде овала с петлей и ломаной линии (рис. 1, 15, 26).

Для кумганов (3 экз.) характерно воронковидное завершение горловины с уплощенным горизонтальным или скошенным вовнутрь краем (рис. 5, 3; 8, 14, 15). Прототипы им известны среди кувшинов Дербента XIII-XVI вв.¹⁸

Горшки (8 экз.). Их типы, наличие примесей и распределение по слоям приводятся в табл. IV. Обращает на себя внимание горшок с биконическим туловом (рис. 2, 10; 4, 13) — редкая в Иски Казани форма. Аналогичная известна из позднезолотоордынского слоя Булгара. Ее истоки Т.А.Хлебниковой видятся на южных золотоордынских поселениях.¹⁹ Новым типом для конца позднезолотоордынского периода (Табл. IV, тип 11) являются широкогорлые горшки с примесью известняка и отогнутым наружу уточненным краем (рис. 4, 16, 17). Близкие формы известны на ряде позднезолотоордынских поселений Дагестана (Исти-Су, Акташское, Бараганчинское).²⁰ Особенностью данного комплекса посуды (мастерской и дома гончара) являются горшки с подцилиндрической широкой горловиной, скошенным вовнутрь краем (диаметр 15—20 см), без орнамента или с резными линиями (рис. 3, 17, 18, 21, 24, 27, 29). Своими признаками они

блики горшкам типа 5 из Булгара²¹ и ряда поселений восточных окраин булгарских земель.

К горшкообразным известных в золотоордынский период типов относятся корчажки (8 экз.) — столовые цилиндрошайные сосуды с округлым туловом (рис. 4, 6). Корчаги 4 типов: с утолщенным округлым краем (рис. 4, 9), подтреугольным (рис. 4, 7), прямым (рис. 4, 29) и подцилиндрическим (рис. 4, 26—28). Своеобразие горшков и корчажек из мастерской проявилось в заметном числе сосудов со скосенным вовнутрь подцилиндрическим венчиком, характерным для VII (угры) и VIII (туркизированные угры) групп керамики (рис. 4, 26—28).

Чашевидные сосуды (22 экз.) в виде пиал с уточненным краем на кольцевом поддоне, отделанных редкими, глубокими полосами лощения (рис. 5, 12) и, реже, со скосенным вовнутрь краем (рис. 4, 15, 30). Пиалы из красной глины являются также редкой и своеобразной чертой данного комплекса.

Необычной формы единственный **светильник** из мастерской — закрытая плошка, подобная восточнокавказским и хорезмийским образцам (рис. 5, 10). Верхняя часть его, к сожалению, не сохранилась, а нижняя имела уплощенное дно с углублением по центру. Отделка светильника выполнена в манере, характерной посуде этого комплекса. Индивидуален по форме и отделке также **кувшин-водолей** из мастерской, хранившийся, как и светильник, на специальной полке (рис. 5, 1). Форма его со сливом «свиное рыльце», характерная болгаро-аланским кувшинам, сочетается с многоzonным орнаментом из волны «джукетау» и гирлянд наколов по горловине, свойственных отделке посуды позднезолотоордынского времени. Прототипы этого сосуда известны среди некоторых кувшинов Биляра X-XIII вв.,²² сложившихся под влиянием традиций посуды Западного Прикаспия, в частности, Дагестанской Хазарии.²³ Связи с этой областью прослеживаются с раннебулгарского времени и находят выразительное продолжение в ряде форм из нижнего горизонта данной мастерской — это кумганы, кувшины с косым и волнистым лощением и «штрихованным» узором (рис. 5, 3, 6), а также другие формы посуды.

Верхний горизонт мастерской (ямы 42, отчасти 44, 46, 48, заполнение пола) представлен более широким ассортиментом изделий. Кроме перечисленных форм из нижнего горизонта, это кружки, блюда, чашки, тарелки, пряслица, шары, трубы, переносной очаг (рис. 1, 1—14, 17; 6, 7, 9, 11, 14).

Кувшины — двенадцати типов. Они вполне традиционны, но более стандартны по форме и отделке (рис. 7, 1—16). Варьируют лишь размеры, формы венчиков и ручек, декор в соответствии с развитием тех или иных традиций. Но при этом состав типов изменяется. Наиболее распространными являются венчики со скосом наружу (рис. 7, 3—7), реже — приплющенный и Г-образный (рис. 7, 2, 14), единичнообразный и воротничковый (рис. 7, 9, 12), округленный и раздвоенный (рис. 7, 8, 10), скосенный вовнутрь,

приостренный и закругленный (рис. 7, 11, 13), уступчатый (рис. 7, 15), овальный (рис. 7, 16), уточненный с валиком (рис. 7, 17), округло загнутый вовнутрь (рис. 7, 18). Суммарно преобладают сосуды с горловинами в виде раstruba и воронки (диаметр 10—12 см). Значительное число этих сосудов, иногда жбаноподобной формы со скосенным вовнутрь краем, отражают своеобразие состава кувшинов верхнего горизонта (рис. 7, 8—13). Аналогичной формы и размеров кувшины встречаются в верхнем слое раскопа VI (рис. 3, 4, 5, 10), а также в слое периода Казанского ханства Камаевского городища и Казанского кремля. К этому же периоду относятся и кувшины с узкой графинообразной горловиной (рис. 7, 1) и воротничковым венчиком (рис. 7, 12), подражающие образцам стеклянной и металлической посуды. В традициях, вероятно, финно-угорской цилиндрошайной посуды изготовлены широкогорлые кувшины со скосенным краем, отделанные резными линиями и отпечатками гребенки вдоль венчика (рис. 7, 11, 13).

Кринки (3 экз.) — подцилиндрической и усеченно-конической формы — отличаются от подобных же из раннезолотоордынского слоя большими размерами. Аналогичные экземпляры известны из задней части дома гончара (помещение с чувалом) (рис. 3, 16, 17).

Кружки (12 экз.) — традиционных форм с подцилиндрической или раstrубом горловиной, редко с орнаментом (рис. 3, 22, 23, 25, 26). Одна из них — круглодонной формы и с отделкой из резных линий и волн, свойственных для сосудов VIII группы (рис. 5, 5) — выполнена в традициях неволинской и отчасти кушнаренковско-караякуповской группы населения Башкирского Приуралья.²⁴

Корчажки повторяют типы позднего горизонта дома гончара (рис. 4, 5, 7, 9, 25—29).

Котлы (рис. 9, 8) — экземпляр из верхнего горизонта с примесью известняка, округло-подцилиндрическим туловом и ручкой в виде овальных горизонтальных выступов — напоминает своей формой котлы XXI группы (с песком) из Биляра²⁵ и слоя XIII в. Русско-Урматского селища.²⁶ Примесь известняка, более низкий технический уровень исполнения и отсутствие орнаментации отличают его от известных ранних котлов этого типа.

Миски (рис. 4, 10, 11; 5, 13) характеризуются тремя новыми типами по сравнению с раннезолотоордынскими формами. Им характерны закрытое устье, прямой притупленный (тип 1) или отогнутый приостренный (тип 2) края. Необычна цилиндрошайная миска (тип 3), прежде всего формой биконического турова, креплением ручки на боку и отделкой треугольными наколами (рис. 5, 13). Аналоги миске типа 1 есть в Сарайчике,²⁷ а типа 2 — среди посуды XXI группы Биляра,²⁸ связываемой нами с кипчаками-шарами и формированием булгар-сакетимов.²⁹

Чашки питьевые (рис. 5, 7, 9; 4, 12), редкие для золотоордынского времени, имеют приостренный наружу край и отличаются более округлыми формами и зонным узором от чашек XIII в., известных в Биляре и Иски Казани.

Блюдообразные повторяют ранее известные в Иски Казани типы XIII в. (рис. 4, 15, 33—38).

Тарелкообразные формы с широкими дном и бортиком, отделаны полосчатым и перекрестным лощением в виде сетки по бортику (рис. 5, 11). Одна из них имела на широком дне гравированный по сырому орнамент из листьев и цветов на фоне отпечатков мелкого пуансона (рис. 5, 14).

Среди **редких форм** следует отметить сосудик биконической формы с рифлением верхней части тулона — возможно, чернильница (рис. 5, 8), а также узкогорлый бокастый сосудик туалетного (?) назначения, украшенный под шейкой «ожерельем» из зубчиков (рис. 5, 4).

Пряслица верхнего горизонта мастерской отличаются светлосерым цветом и частичной ошлакованностью (рис. 1, 1, 3) от остальных пряслиц из дома гончара.

Очаг керамический из мастерской, от которого сохранился лишь край верхнего отверстия (диаметр — 46 см, толщина стенок — 2, 5 см), найден впервые в памятниках Волжской Булгарии и Казанского ханства. По форме он относится к переносным сборным очагам сферической формы (рис. 1, 8).

К позднему горизонту относятся так называемые **зажигательные снаряды** диаметром 10 см (рис. 1, 17). Они известны в материалах Камаевского городища³⁰ и широко распространены в южных позднезолотоордынских памятниках (Сарайчик, Азак и др.).³¹

К эпохе Казанского ханства — последнему периоду эксплуатации данного горна — относится небольшое количество мелкофрагментированной керамики из слоя I, засыпи и предгорновой ямы и отчасти из помещения с печью-чувалом. Среди них кувшины, кринки, кружки, горшки, блюда и тарелки, трубы, повторяющие отчасти типы из предшествующего II слоя, но в меньшем количестве и ассортименте. Среди форм, характерных для эпохи Казанского ханства, наиболее выразительны кувшины (рис. 3). От сосудов предшествующего горизонта они отличаются более толстым грубым черепком с пятнисто-красной иногда до темно-серого поверхностью.

По форме венчиков выделяется двенадцать типов. Ряд из них повторяет формы верхнего горизонта предшествующего слоя, отличаясь пропорциями и более широкими горловинами (рис. 3, 1—3, 5, 6, 10—11, 13—15). Сосуды — с уточненным венчиком и конической горловиной (рис. 3, 8), воротничковым венчиком от бутылеообразного кувшина (рис. 3, 12) — встречались также и в золотоордынских материалах Булгара,³² отличаясь, однако, формой венчиков и, возможно, тулона.

Значительная часть кувшинов из слоя эпохи Казанского ханства имеет широкое желобчатое или рифленое оформление горла, приостренный округленный вверху венчик, уплощенную в сечении ручку с характерным желобком на внутренней поверхности. По этим признакам кувшины последнего периода мастерской близки экземпля-

рам с Камаевского городища, сосудам с поселений Сухореченское и Большой Шихан.³³

Кувшины из нижнего горизонта II слоя мастерской, по своим признакам, соответствуют кувшинам из горнов Булгара (близ Голландского озера)³⁴ и отчасти — новинковского типа Сухореченского поселения.³⁵ Кувшины верхнего горизонта мастерской находят параллели в сосудах с желобчатым оформлением горловин с поселений Сухореченское и Большой Шихан.³⁶

Иски-казанская мастерская, как и названные поселения, вероятно, отражают два этапа развития культуры: конец золотоордынского периода — время Казанского княжества и эпохи Казанского ханства. С этими этапами связаны новые типы клейм из рассматриваемой мастерской. Клеймо в виде ломаной линии — знак «стремя» — впервые встреченное на посуде местного производства, известно как тамга кипчакского рода (гэрэй).³⁷ С материалами первой половины XV в. связаны часть и целое клеймо округлой формы с петлей (рис. 1, 25, 26), напоминающие своей графикой видоизмененный знак «стремя». Видоизменение одной и той же тамги в условиях приспособления этого знака к клеймению посуды, что было несвойственно в условиях кочевого быта, кажется вполне возможным в связи с переселением и оседанием кочевого населения. Второй знак — клеймо «ветка» (рис. 1, 16, 21) — широко известен в материалах Хазарии, Большетарханском могильнике, Биляре, а также на монетах Х в.³⁸ Примечательно, что тамги — знаки «ветка» и «стремя», как и «А»-образные клейма из нижнего горизонта дома гончара относятся исследователями к разряду царских и ханских тамг.

Завершая обзор неполивной посуды из мастерской, следует остановиться на некоторых сосудах с белым ангобом внутри или с двух сторон (рис. 8, 1—4). Среди них фрагменты тарелки-блюда с растительным орнаментом (рис. 5, 14), тарелки с сетчатым бортиком (рис. 5, 11) и чашки (рис. 9, 5). В красноглиняном тесте одного из них содержались дресва и известняк. Ангоб явно был нанесен на эти сосуды как основа для поливы.

Найдки в I слое фрагментов посуды с сероватым черепком, пятнистой глазурью и заметной примесью песка (рис. 8, 5), наряду с ангобированной и гравированным растительным узором, дают основание предполагать изготовление ангобированных полуфабрикатов под поливу в данной мастерской. Косвенно на это указывают находки в помещении V (амбар) обломка чугунного котла (рис. 8, 7) и свинца, необходимых для производства поливы.³⁹ Аналогичные обломки поливных изделий встречались на Камаевском городище,⁴⁰ в Булгаре,⁴¹ ханском слое Казанского кремля,⁴² а также среди образцов из старых коллекций с этих памятников.⁴³

Красноглиняные изделия с пятнистой поливой желто-зеленых тонов с гравированным орнаментом известны в Дербенте,⁴⁴ на Селитренном городище и в других центрах Золотой Орды с середины XIII — XV вв. По данным Г.А.Федорова-Давыдова, они

распространены также в Азербайджане и Прикаспийской Туркмении.⁴⁵ Нахodka ангобированной под поливу тарелки, подобной рассмотренным Н.М.Булатовым образцам из Булгара,⁴⁶ подкрепляет вероятность их производства в Иски Казани, возможно, приезжими мастерами из Восточного Закавказья.

Наблюдение за развитием орнаментации посуды трех горизонтов дома гончара показало, что каждому периоду свойственны свои орнаментальные композиции, слагаемые в основном из традиционных приемов (табл.V). Композиции эпохи Казанского ханства не уступают золотоордынским по численности. Отличие пролегает в количестве орнаментированной посуды (табл.VI): в золотоордынский период ее существенно больше.

Несмотря на попытки освоения новых приемов, производство в целом — качественно и количественно — сокращается в верхнем горизонте. Горшки (в небольшом количестве) в объектах этого слоя раскопа VI сопровождаются примитивно-круговой кухонной посудой XX группы (горшки, миски) грубого теста красно-бура-черного и черного цветов с примесью шамота, растительности, дресвы и без орнамента (рис. 9, 1—3). Последние повторяют форму некоторой части красноглиняных горшков группы XVI-2 с примесью известняка иногда раковины из II слоя раскопа и мастерской. Отсутствие орнамента (в данном случае как этнического признака), неустойчивость в выборе примесей, примитивность изготовления, небольшие размеры (1—1,5 л) указывают на принадлежность этой посуды пленникам из русских земель. Горшки аналогичных признаков были выделены в Казанском кремле и Л.С.Шавохиным (тип II).⁴⁷

XVI-1 группа (рис. 10) представлена тонкостенными круговыми горшками с толченой раковиной, серого цвета, редкой орнаментацией, т.н. славяноидного облика. Найдены во всех горизонтах раскопа и дома гончара. Некоторые из них с клеймами (рис. 10, 13). Эта посуда имеет близкие аналоги в формах древнерусских горшков XIV-XV вв. типов (по М.Д.Полубояриновой) I, III в нижнем и среднем горизонтах слоя (рис. 10, 20, 23, 25), V, IX и X — в среднем и верхнем (рис. 10, 1—3, 19, 27, 31, 33, 35), а также типов IV, V и VII — из верхнего (ямы 48 и 5). В яме 5, сооруженной с началом застройки этого участка, найдены горшки с Т-образными и Г-образными венчиками, характерными для XIII-XIV вв. (рис. 10, 4, 6, 7). Горшки типов VII и VIII встречены как в позднем горизонте мастерской, так и в дерновом слое (рис. 10, 5,6). По материалам Новгорода, Москвы, подмосковных городищ, посуда этих типов датируется М.Д.Полубояриновой XIV-XV вв.⁴⁸

XVI-2 группа (рис. 10, 1—3, 8, 11, 12, 14—17, 20—26, 28—32). Для последнего периода мастерской характерны красноглиняные горшки с примесью раковины и известняка, более толстым черепком, отогнутым и прямо срезанным краем с крутыми боками (диаметр 13 см), а также и приостренным вверху (диаметр 24 см). В них явно заметны традиции поздних русских горшков (рис. 10, 1, 12, 31, 33). В верхнем

слое найдены, кроме того, и миски с аналогичными признаками (рис. 11, 2, 12, 22, 28, 29, 32). «Славяноидная» посуда XIII-XIV вв. отличается крупными размерами (рис. 10, 3–6), достигая в диаметре 20, 22, 26, 28 см. «Славяноидная» XV в. и близкая ей красноглиняная посуда группы XVI-2 — меньших размеров: 10, 13, 18, 20 см. Красноглиняные сосуды группы XX в основном не орнаментированы. Исключение — горшки типа XII (вторая половина XIV — начало XV в.) с аналогиями на Водянском городище (рис. 10, 16, 17).

Примечательно, что для русских горшков этого типа характерны признаки XIII и XXI групп: округлые формы, загнутый вовнутрь край и орнамент в виде волны «джукетау».⁴⁹ Отметим, что эти же признаки и орнамент в виде «скользящей» волны, встречаемый на древнерусской и славяноидной посуде, свойственны посуде XIII, XVI и XXI групп Восточного Закамья в XIV в.⁵⁰ Примечательно, что среди сосудов с этими примесями имеются плошки с загнутым вовнутрь краем подобно сосудам общебулгарской группы (рис. 10, 29, 30). Все сосуды группы XVI-2 происходят из верхнего горизонта II слоя (середина XV в.).

О распространении этой группы керамики среди финно-угорского и русского населения марийско-чувашского Поволжья уже отмечалось в литературе.⁵¹

Среди керамики верхнего горизонта встречено небольшое количество лепных slaboprofilirovannykh горшков с примесью шамота, невысоким отогнутым краем и округленным переходом к донцу (рис. 9, 4–6). Этот тип выделен в XXII группу и относится к населению Поволжья и Предкамья с преобладанием финно-угорского компонента (мари, северные удмурты и т.д.).⁵²

Результаты относительной датировки керамики описанного гончарного комплекса представлены в таблице VII. Четыре выделенных хронологических отрезка (1 — третья четверть XIII в.; 2 — 60-е гг. XIV — первая треть XV в.; 3 — вторая четверть — середина XV в.; 4 — конец XV — первая половина XVI в.) отражают сложные этапы развития булгарского и татарского ремесел с присущими каждому из них особенностями.

Для керамики раннего горизонта (слой III) и первой мастерской характерны черты булгарской посуды, сложившиеся к XIII в., и соответственно клеймение «царской» «А»-образной тамгой. Для второго слоя (ранний горизонт — до 30-х гг. XV в.) следует отметить — наряду с реминисценциями типов керамики Хазарского каганата (Прикаспийская Хазария) — преобладание типов юго-восточных вариантов, возникших как симбиоз посуды башкирского Приуралья и Прикамья, принадлежавшей приуральским кипчакам (XXI группа), отчасти тюркизированным уграм и булгарам-сакетимам (XIII). В соответствии с включением новых групп кипчакского населения из этих районов наблюдаются новые типы в составе керамики мастерской этого периода, а также новые клейма («стремя»). Культурный импульс из районов Западного Прикаспия выразился в этот период в

технологических новшествах в устройстве мастерской,⁵³ возвращении к забытым в XIV в. формам и освоении новых видов поливных изделий. Вероятно, он связан с переселением ремесленников из районов Дагестана, разоренного в конце XIV в. Тамерланом. С этим периодом вероятно связано и появление в изученной мастерской тамги «ветка».

Для второй четверти — середины XV в. характерно уже полное преобладание типов посуды юго-восточных истоков наряду с новациями этих же истоков из Восточного Прикаспия (Сарайчик) и Хорезма. Черты керамики, сложившейся в это время на основе посуды указанных истоков, характеризуют иски-казанскую керамику периода Казанского ханства. Для последнего периода гончарства (I слой) присущи упадок и сворачивание производства ремесленной посуды, известной в весьма ограниченном ассортименте, а также использование сосудов домашнего производства — лепной и примитивно-круговой техники изготовления.

Хронологический диапазон данного керамического комплекса (XIII — первая половина XVI вв.) и его уникальная сохранность представляют несомненную ценность в изучении малоосвещенного периода булгаро-татарского гончарного ремесла и этногенетических проблем.

Полный анализ керамики данного комплекса по этнокультурным или археолого-этническим группам позволит сделать выводы более обстоятельными и полными. Но уже на базе рассмотренных материалов можно отметить активное включение финно-угорского населения — мари и удмуртов (XXII), древнерусского, наследников поволжских (XIV-2) и вятских (XIV-1) земель. Древнерусское население вятских и марийский земель (в значительной мере смешанное с финно-уграми), по-видимому, мирно уживалось с тюркоязычным и вступало с ним в браки. Иное положение — у носителей группы XVI-2 (без этнических признаков), являвшихся, вероятно, невольниками.

Традиции тюркоязычного населения домонгольского периода Волжской Булгарии — булгар, булгар-сакетимов, башкир и кипчаков проявились в формировании ремесленной посуды рассмотренного комплекса.

О включении кипчакско-половецкого компонента в XV-XVI вв. могут свидетельствовать традиционные группы керамики Камаевского городища (XXI-1, XXI-2). Признаки этих групп проявились и в комплексе гончарной посуды иски-казанской мастерской в первой половине — середине XV в., наложившись скорее всего в 40-е гг. XV в.

Примечания:

¹ Фахрутдинов Р.Г., Кокорина Н.А. Исследование Старой Казани // АО 1983 г. — М., 1985. — С.181—182; Кокорина Н.А., Фахрутдинов Р.Г. Гончарный комплекс золотоордынского периода Иски Казани // см. в этом же номере.

² Кокорина Н.А. Керамика Камаевского городища (культурно-хронологическое соотношение) // Заказанье: Проблемы истории и культуры. — Казань, 1995. — С.31.

- ³ Коллекция АКУ; Р.4, уч. А-2, шт. 2. № АКУ-123—113.
- ⁴ Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. — М.: Наука, 1984. — Рис.29.
- ⁵ Кокорина Н.А. Об одной группе знаков на керамике Волжской Булгарии // Ранние булгары в Восточной Европе. — Казань, 1989. — С.89—97.
- ⁶ Хлебникова Т.А. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. — М.: Наука, 1988. — Рис.66, 10—11, 39.
- ⁷ Вактурская Н.И. Классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.) // ТХАЭЭ. — 1959. — Т.IV. — С.262—342.
- ⁸ Кокорина Н.А., Хлебникова Т.А. Керамика тюркоязычного населения Волжской Булгарии X—XIII вв. // Археология Волжской Булгарии: Проблемы, поиски, решения. — Казань, 1993. — Рис.3, 22; 4, 8, 9. — С.108—111.
- ⁹ Григорьева Г.В., Терехина Л.С., Терехина Н.А., Халиков А.Х. Гончарная керамика Билярского городища (по материалам раскопок 1967—1972 гг.) // Исследования Великого города. — М.: Наука, 1976. — Рис.35, 7—5; 92, 11—14; 94, 8—10.
- ¹⁰ См. отчеты Л.С.Шавохина, 1975г., №№ Р-9-4521, 4522, 4797, 7020; Ф.Ш.Хузина, 1996 г., № КК-96-11-874 и др.
- ¹¹ Раскопки Л.Л.Галкина, 1995—1997 гг.
- ¹² Булатов Н.М. Опыт классификации поливной керамики Болгарского городища // Рукопись.
- ¹³ Хлебникова Т.А. Гончарное производство волжских болгар X — начала XIII в. // МИА. — М., 1962, №111. — Рис.11, 5, 18.
- ¹⁴ Кокорина Н.А. Новые материалы в изучении керамики III слоя Болгара // Болгар и проблемы исторического развития Закамья (60 лет археологического изучения. Итоги и перспективы): Тез. науч. конф. — Болгар, 1998. — С.34—35.
- ¹⁵ Кокорина Н.А., Останина Т.И. Исследование Чаллынского городка (раскопки 1983, 1989 гг.) // Рукопись.
- ¹⁶ Гмыря Л.Б. Столовая керамика Андреяульского городища // Средневековые древности евразийских степей. — М., 1980. — Рис.5, 9, 10; 8 и др. Она же. Из истории ремесленного производства в раннесредневековом Дагестане: (По материалам раскопок Агачкалинского поселения) // Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане. — Махачкала, 1984. — Рис.8, 6; 9, 1—11.
- ¹⁷ Полубояринова М.Д. Знаки на золотоордынской керамике // Средневековые древности евразийских степей. — М., 1980. — Рис.4, 10—12.
- ¹⁸ Гамзатов Г.Г. Неполивная керамика Дербента XIII—XVI веков // Древние промыслы... — Табл.III, 5, 11, №8, 13.
- ¹⁹ Хлебникова Т.А. Неполивная... — Рис.53, 7—9.
- ²⁰ Гамзатов Г.Г. Неполивная ... — Табл.XIV, 7, XV, 10.
- ²¹ Хлебникова Т.А. Неполивная... — Рис.53, 7—9.
- ²² Кокорина Н.А. О ранних кувшинах Биляра (по материалам ямы 5) // Биляр и Волжская Булгария. Изучение и охрана археологических памятников: Тез. научн. конф. — Казань, 1997. — С.46—47.
- ²³ Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата. — М.: Наука, 1983. — Рис.31, 1, 31.
- ²⁴ Кокорина Н.А. О финно-угорском компоненте в булгарской и булгаротатарской культуре (по материалам керамики) // Проблемы средневеко-

- вой археологии волжских финнов. — Йошкар-Ола, 1994. — С.188—191.
- ²⁵ Кокорина Н.А. Керамика Биляра и Иски Казани: (К вопросу преемственности булгарской и булгаро-татарской культур) // Культура, искусство татарского народа: Истоки, традиции и взаимосвязи. — Казань, 1993. — С.58.
- ²⁶ Раскоп IV Н.Ф.Калинина, 1956 г.
- ²⁷ Раскопки Л.Л.Галкина.
- ²⁸ Кокорина Н.А. Керамика Биляра и Иски Казани... — С.108—111, рис.3, 17.
- ²⁹ Фахрутдинов Р.Г., Кокорина Н.А. Исследование... — С.181—182; Кокорина Нина, Фахрутдинов Равиль. Гончарный комплекс...
- ³⁰ Фахрутдинов Р. Мелодия камней. — Казань: Татарск. книжн. изд-во, 1986. — С.142.
- ³¹ Раскопки Л.Л.Галкина 1995 г. и Г.А.Федорова-Давыдова 1984 г.
- ³² Хлебникова Т.А. Неполивная... — Рис.39, 1, 4.
- ³³ Васильева И.Н. Гончарство Волжской Болгарии в X—XIV вв. Екатеринбург, 1993. — Рис.8, 9—11.
- ³⁴ Раскопки И.Н.Васильевой 1982 г.
- ³⁵ Васильева И.Н. Гончарство... — Рис.6—7.
- ³⁶ Васильева И.Н. Гончарство... — Рис.8—11.
- ³⁷ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: (Этнический состав, история расселения). — М.: Наука, 1974. — С.177—185, табл. 9, 4.
- ³⁸ Кокорина Н.А. Керамика Волжской Болгарии... — С.21—22.
- ³⁹ Пещерова Е.М. Гончарное производство Средней Азии. — М.-Л., 1959. — С.213.
- ⁴⁰ Раскопки Р.Г.Фахрутдина 1983, 1987 гг.
- ⁴¹ Р.СХVIII, яма 28 — первая треть XV в.
- ⁴² Р.П. И.К.20-21, сооружение 1, К-96-II, №985.
- ⁴³ ГОМРТ, 5363-40, 1164-АА-211-1868.
- ⁴⁴ Гамзатов Г.Г. Поливная керамика Дербента XIII—XVI веков (по материалам раскопок 1980 г.) // Керамика древнего и средневекового Дагестана-Махачкала, 1981. — С.117—119.
- ⁴⁵ Федоров-Давыдов Г.А. Четверть века изучения средневековых городов Нижнего Поволжья // СА. — 1984, № 3. — С.90—91; Он же. Золотоордынские города Поволжья. — М.: Изд-во Москвск. ун-та, 1994. — С.136—137.
- ⁴⁶ Булатов Н.М. Опыт классификации... Рукопись.
- ⁴⁷ Шавохин Л.С. Средневековая Казань дорусского времени в историко-археологическом отношении: Автореф. дисс... канд. ист. наук. — М., 1988.
- ⁴⁸ Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. — М., 1978. — С.105—109.
- ⁴⁹ Полубояринова М.Д. Древнерусская керамика Болгара // Древнерусская керамика. — М., 1992. — Рис.6.
- ⁵⁰ Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. — М.: Наука, 1978. — С.36—39, рис. 12, 3—6; 13, 10—11.
- ⁵¹ Хлебникова Т.А. Неполивная...; Кокорина Н.А. О финно-угорском компоненте...
- ⁵² Кокорина Н.А. О финно-угорском компоненте... — С.194—196, рис.14, 1—10.
- ⁵³ Кокорина Нина, Фахрутдинов Равиль. Гончарный комплекс...

Таблица I
Состав АЭГ керамики р.VI Русско-Урматского селища.

Техника		круговая		примитивно-круговая					лепная					ИТОГО
Примеси		1-3		4-5	6	6-7	1-3	3-5	2, 6, 8	2, 3, 6	6	7	9	
АЭГ		I		XIII	XVI-I	XVI-II	XX	XXI-I	VI-I	VI-II	XVIII	XXII-I	XXII-II	
1 слой	Дерн	287			8	4	6							305
		94,0			2,6	1,3	2,0							3,3
2 слой	втор. пол.XV –	4437	54	14	125	14	6	2	2		8	10		4672
	перв. пол.XVI в.	94,9	1,15	0,3	2,6	0,3	0,1	0,04	0,04		0,2	0,21		49
ИТОГО	втор. пол.XIV –	4231	3	60	118	96	15	2	1	10				4536
	перв. пол.XV в.	93,3	0,06	1,3	2,6	2,1	0,3	0,04	0,02	0,22				47,7
ИТОГО		8955	57	74	251	114	21	4	3	10	8	10	9513	
%		94,4	0,6	0,8	2,6	1,2	0,3	0,03	0,02	0,22	0,04	0,05	100	

Примечание: В графе примеси цифрами обозначены: 1 — мелкий песок; 2 — растительные остатки; 3 — известняк; 4 — крупный песок; 5 — красная древа; 6 — раковина; 7 — дресва; 8 — заметный песок; 9 — шамот. Цифровые данные: курсивом обозначен процент в табл. I—III.

Таблица II
Статистика керамики I группы (обжиг, лощение).

Слои	красная		коричневая		серая		желтая		черная		Кол-во
	л	н/л	л	н/л	л	н/л	л	н/л	л	н/л	
дерн и I	1554	158	1037	1136	119	60	24	7	103	121	4319
	35,0	3,5	23,0	25,6	2,6	1,0	0,4	0,1	2,0	2,7	100,0
слой II	39,6		50,3		4,0		0,7		5,1		
	1897	1457	472	299	56	19		1	10	10	4281
слой	44,8	34,0	11,0	7,0	1,3	0,4			0,2	0,2	100,0
	79,4		18,0		1,8		0,5				
Итого	3451	1615	1509	1435	175	79	24	8	113	131	
	5066		2944		254		32		244		8540
	59,3		34,5		3,0		0,4		2,8		100,0

Примечания: л — лощеная, н/л — нелощеная.

64% лощеной керамики эпохи Казанского ханства, 58% — IV поздний слой или мастерская дома гончара.

Таблица III
Распределение форм керамики I группы по слоям.

		ФОРМЫ																																	
		Слои		Горшки		Котлы		Горшковидные корчажки		Кувшины		Кринки, кружки		Миски		Блюда		Плоскими		Чашки		Тарелки		Светильники		Туваки		Трубы		Пряница		Чернильницы		ВСЕГО	
дерн	I																																		
	1							1	5					1				1	4	2	2	1	1			2	13	3	1	14					
		35	1	2	29	2/14	2	4																						126					
2	II	23/15	1	11	39	4/16	9	1										3	2	1	6									131					
3	III				2	1																								3					

Примечание: в таблицу не входят горшки традиционных групп посуды.

Таблица IV
Хронологическое распределение типов горшков I группы.

примеси	тип	слой/горизонт		
		нижний	II верхний	I
I	1	 16 18		 16 10 12
I	2	 14 18	 14-18 14	 16 18 16
II	3	 14 18	 12	 18 12
IV V	4			 16
II	6	 18 17		
IV	9	 17,5		
V	10		 16	 18 16
IV	11			 12 18 24
IV	12			 18 22
IV	13			 24 14

Примечание: I — мелкий песок; II — мелкий и крупный песок; III — мелкий песок + раковина; IV — известняк; V — раковина + известняк; VI — раковина.

Таблица V
Виды орнамента трех горизонтов дома гончара.

раннезолото-ордынский			позднезолото-ордынский			Казан. ханство		
1	7		20	33	47			
	8							
2	9			34	48			
3	10		21			49		
4	11		22	36		50		
5	12		23	37		51		
6	13		24	38		52		
			25	39		53		
	14		26	40		54		
	15		27	41		55		
	16		28			56		
	17		29	42		57		
	18		30	43		58		
	19		31	44		59		
			32	45		60		
				46				

Примечание: в таблицу не входят горшки традиционных групп посуды.

Таблица VI

**Процентное соотношение орнаментов
по трем периодам дома гончара**

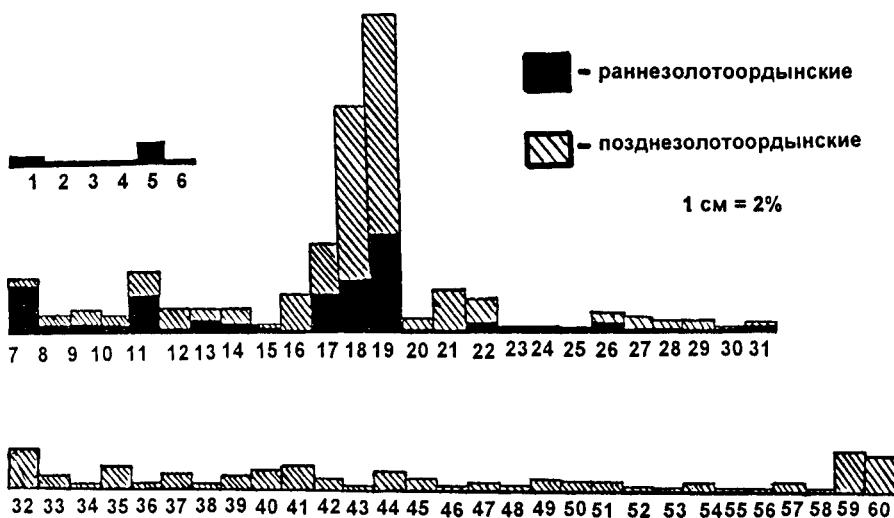

Таблица VII

**Хронологическое распределение
комплексов керамики из объектов и слоев р.VI**

Дата	Слой	Комплексы керамики
первая половина XVI в.	I	последний период функционирования горна 1 и керамики из I слоя
втор. пол. XV в.	II	дом (верхний горизонт 2 штыка)
перв. пол. XV в.		верхний горизонт мастерской
втор. пол. XIV в.		яма 44 и нижний горизонт мастерской
XIII в.	III	ранний комплекс из дома и мастерской (3 штык)

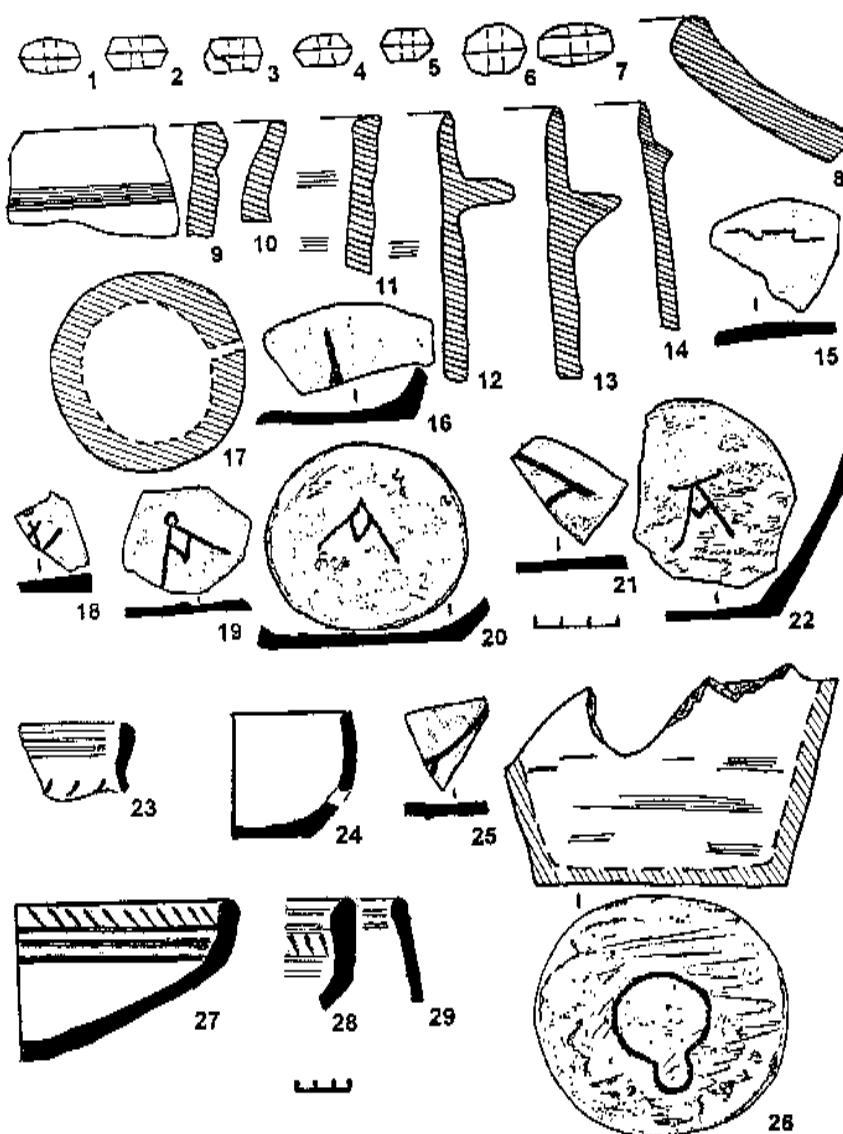

Рис.1. Керамические изделия дома гончара из раннего (I период) — 18—20, 23, 24, 27—29; среднего и верхнего горизонтов — 1—17, 21.

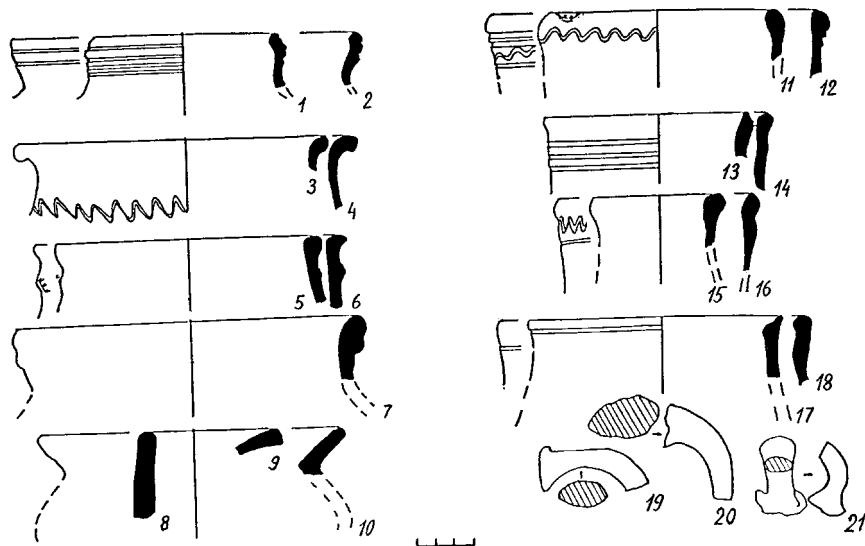

Рис.2. Керамика из среднего горизонта дома и мастерской (начало II периода) — 1—21.

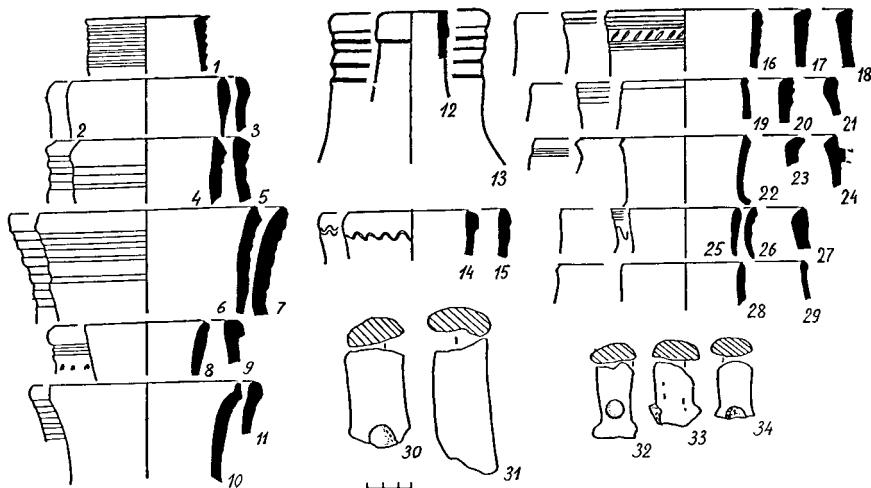

Рис.3. Керамика из дома, помещения с чувалом; верхний горизонт (I слой) — 1—34.

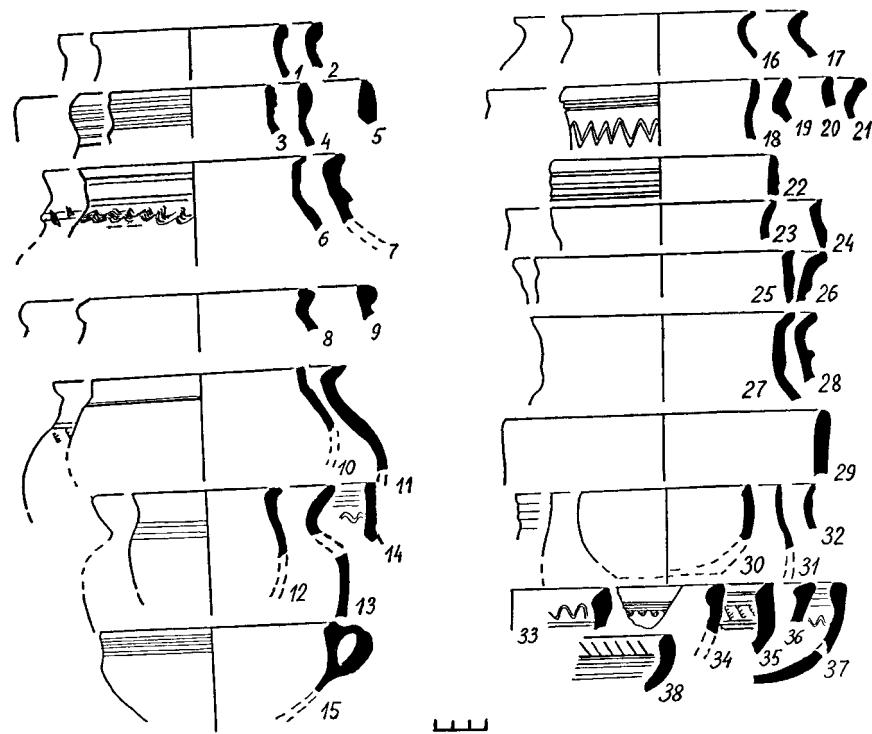

Рис.4. Керамика последнего периода мастерской и дома (I слой) — 1—37.

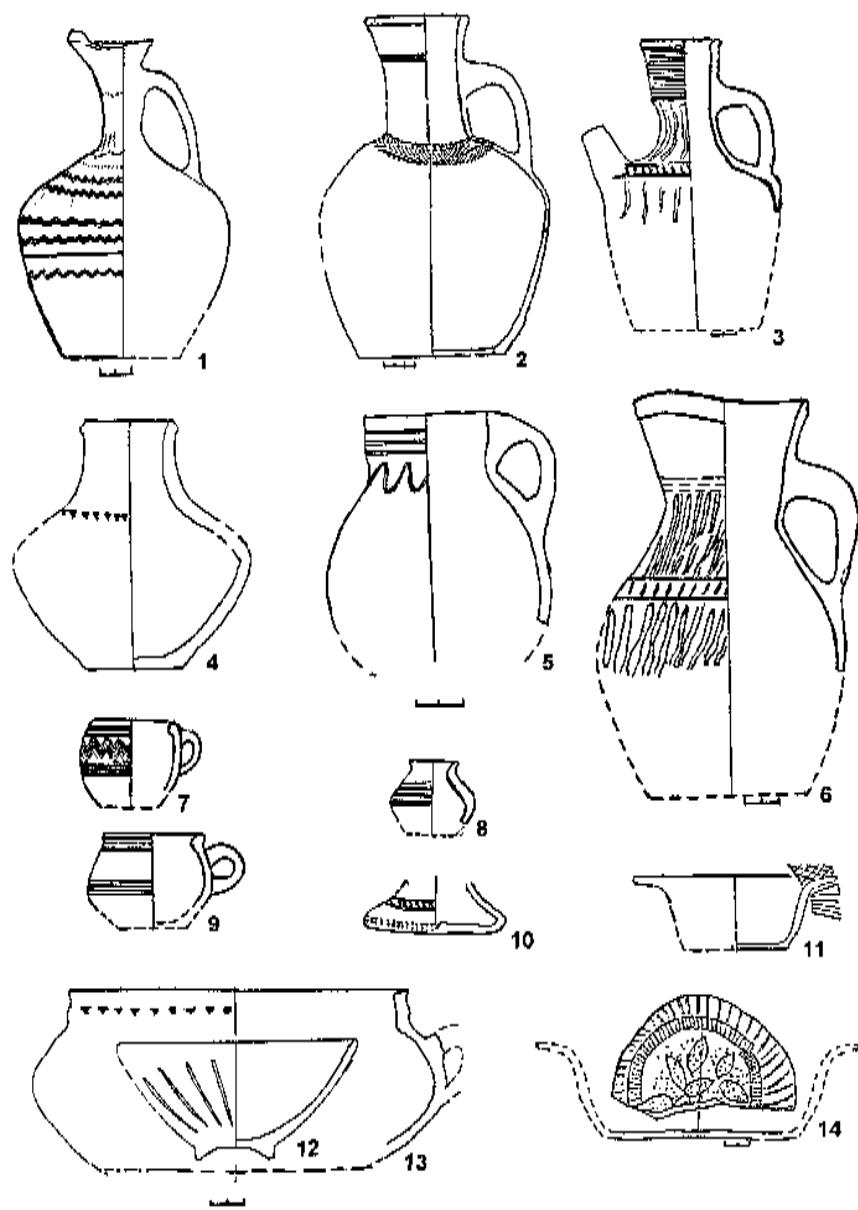

Рис.5. Изделия начала II периода мастерской (1—9, 12, 13) и его конца (10, 11, 14).

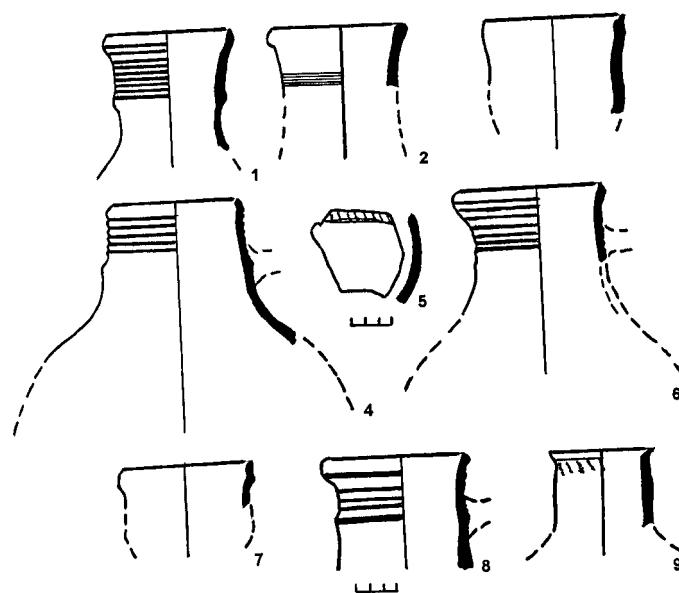

Рис.6. Фрагменты кувшинов из верхнего горизонта ямы 44 (1—9).

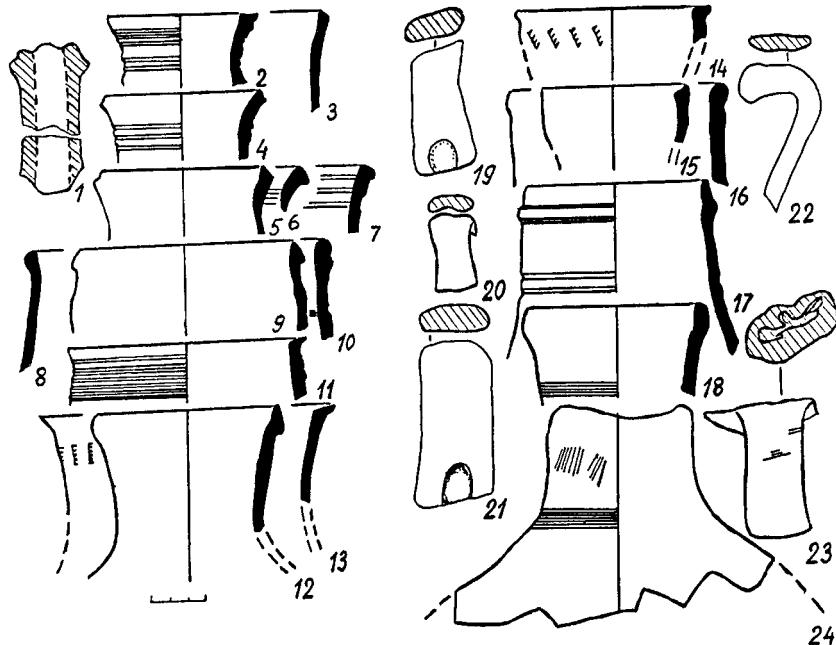

Рис.7. Кувшины конца II периода мастерской (1—24).

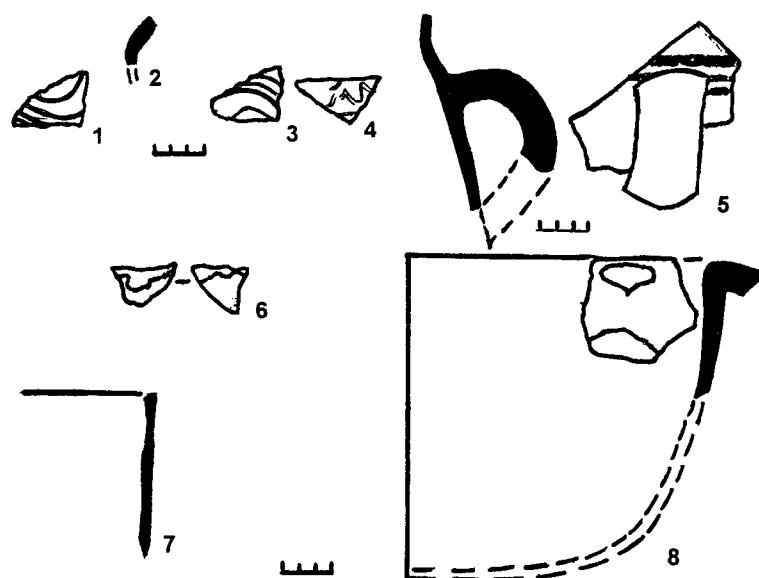

Рис.8. Поливная ангобированная керамика (1—6), фрагменты керамического (8) и чугунного (7) котлов из дома гончара.

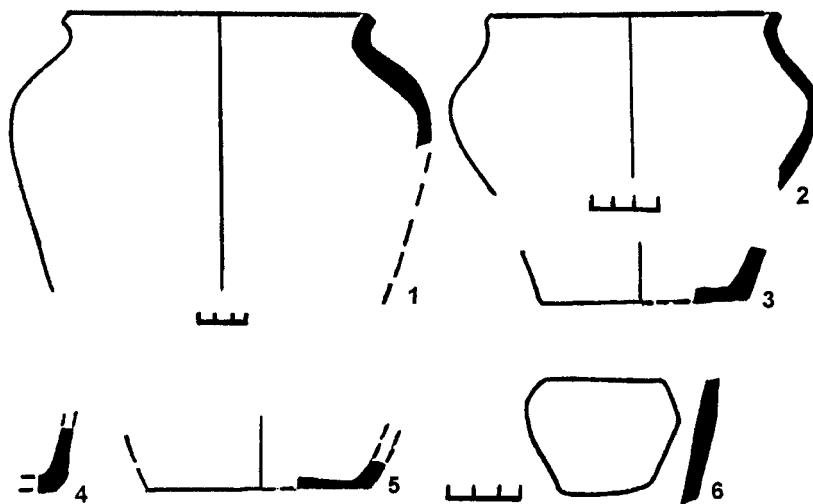

Рис.9. Фрагменты посуды с примесью известняка (группа I-3) — 1—3; шамота (XXII группа) — 4—6.

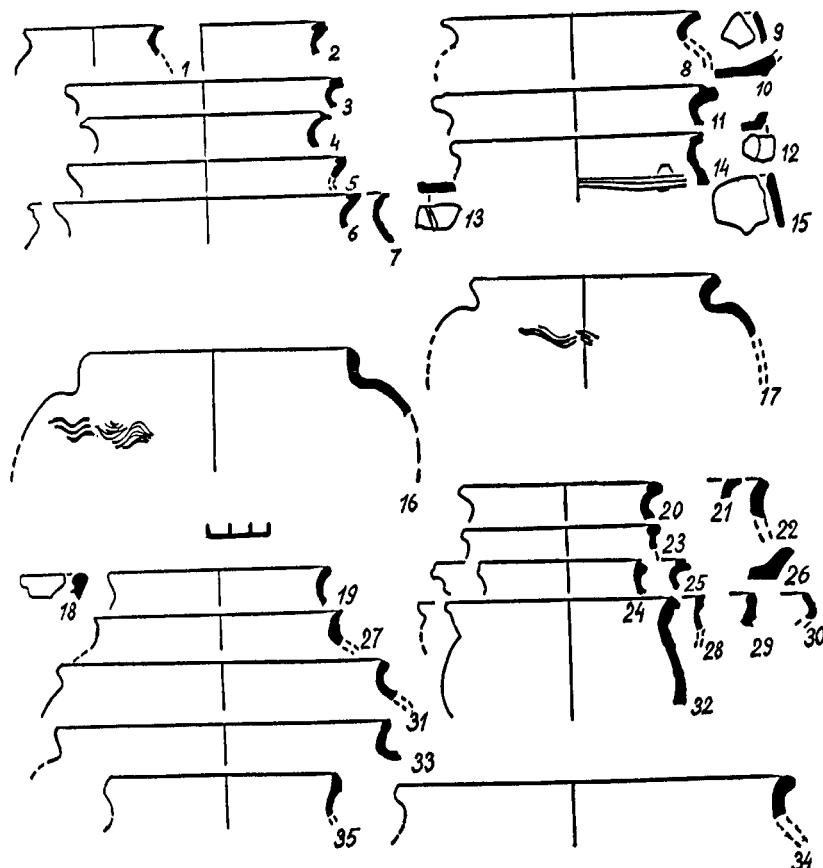

Рис.10. Керамика группы XVI-1: 1—7 — I слой; 9, 10, 13, 15, 18—35 — II слой; 23—25 — III слой; группы XVI-2: 8, 11, 14, 20, 21, 26 — II слой; 16, 17, 28—32 — III слой.

Нина Кокорина, Равиль Фахрутдинов

Гончарный комплекс золотоордынского периода из Иски Казани

С именем Иски Казани татарское население связывает два памятника — Камаевское городище и Русско-Урматское селище, расположенные в 45 км вверх по течению Казанки от современной Казани и лежащие на двух противоположных ее берегах при впадении речки Урматки. Данный памятник достаточно хорошо известен в научной литературе.¹ Не вдаваясь здесь в вопросы датировки, политического статуса, взаимосвязи селища и городища, авторы излагают результаты исследования одного из гончарных комплексов, изученных Иски-Казанской экспедицией в 1983 г. на Русско-Урматском селище.²

Исследованный участок расположен на северной половине селища на краю террасы правого берега Урматки (рис.1). На задернованном участке террасы было заметно углубление, а в обрыве найдены обломки гончарных труб и куски обожженной глины. В этом месте у подошвы берега бьет большой родник, питая речку Урматку с незапамятных времен.

Площадь раскопа VI (по нумерации раскопок Иски-Казанской экспедиции 1972—1988 гг.) составила 140 м². Культурный слой начинался по дернам, составляя 50—55 см. Стратиграфия его следующая: I слой — дерн (3—5 см) и темно-серая супесь (15—20 см) с разнообразным составом керамики (гончарная, примитивно-круговая, поливная тимуридского времени); II слой — коричневатый суглинок (30—45 см) с обилием материалов позднезолотоордынского периода, включая монету с чеканом Хызыра³; III слой — желто-серый суглинок (до 10 см), погребенная почва, предметы с единичными находками обмазки, костей животных и керамики переходного — от домонгольской к золотоордынской эпохе — облика. В верхней части III слоя найдена монета Насир лид-Дина (60-е гг. XIII в.), а также сосуды с «А»-образным клеймом (рис.3).

На площади раскопа наблюдались следы двух пожарищ. Следы раннего пожарища прослежены в верхнем горизонте III слоя и лишь в восточной части изученных сооружений. Более заметное позднее пожарище зафиксировано в завершении формирования II слоя. Исследованные гончарные мастерские относятся к трем напластованиям культурного слоя и составляют три строительных горизонта этого участка.

Сооружения первого строительного горизонта выявлены в желто-сером суглинке III слоя на глубине 50—60 см. К нему относятся: яма 3 с горном 2 (ранняя мастерская), ямы 1, 2, 4, 5, 27, «канал» и ряд столбовых ям — в совокупности определенные как «дом гончара» (рис.4).

Сооружения второго строительного горизонта прослежены на глубине 40 см. К ним относятся: яма 3-а с горном 1, ямы на дне

котлована, поздний горизонт ям 1, 2, 4, 5, 27, 50 и ряд столбовых ям, связанных со вторым строительным периодом (рис.5).

Сооружения третьего горизонта — это ряд столбовых ям вокруг полузаасыпанного котлована мастерской, два очага открытого типа из известняка и песчаника (соор. 1 и 2 в кв. Б-7 и Д-2), несколько скоплений из плиточного известняка «в виде столиков», остатки глиняного сырья рядом с ними и обломки большемерных глиняных труб. От наземной постройки этого периода сохранились два камня (известняк) от основания дома (рис.6).

Большая часть ям использовалась на протяжении нескольких периодов. Описание их приводится по наиболее хорошо сохранившимся среднему горизонту.

Мастерская первого периода размещалась в котловане (5,4 х 3,4 х 0,8 м), вырытом в материковой глине (яма 3). Северо-западная часть его еще в древности была разрушена обрывом. Новое русло речки обмелело и располагается сейчас значительно западнее кромки береговой террасы.

Горн 2 занимал северо-восточный угол котлована; его дневной уровень уходит в основание III слоя (рис.3). Большая часть ямы разрушена обрывом: сохранились лишь часть топочной камеры и основание топочного канала.

Судя по отложениям в профиле, горн был разобран и забутован пестроцветным грунтом, кусками обожженной глины и керамики из конструкции этой печи. В диаметре топка достигала около 150 см и глубины около 50 см. Длина канала, ориентированного на юг, — 120 см, ширина у истока — 70 см, у устья — 43 см. Дно канала возвышалось над полом котлована на 10—14 см и имело наклон к устью в 10 см. В приусьевой части наблюдался поперечный желобок шириной 8 и глубиной 9 см (рис.2).

Значительная прокалленность дна канала, слой угля и золы указывают на достаточно большой срок действия этого горна. Горны с топочным каналом были распространены в Булляре^{*} X-XIII вв.⁴ и Булгаре середины XIV в.⁵ Как правило, горны этого типа делались из специальных маломерных кирпичей. Вероятно, этому горну принадлежали несколько обломков таких кирпичей, вмонтированных в стенку позднего горна 1. Аналогичной конструкции горны были универсальными и отличались экономичностью топлива.⁶ Как установлено, истоки их в Средней Азии и Казахстане.⁷

Помещение мастерской раннего периода представляло собой в наземной части сруб, в подземной — стены из толстых досок, следы которых в виде угля и кусков обмазки сохранились вдоль восточной стены. Вдоль западной стены в профиле раскопа (стенка № 2) сохранилось углубление от доски толщиной 7—8 см. На срубное устройство верхней части мастерской указывает форма котлована, имевшего закругленные углы, и отсутствие несущих кровлю столбов.

* Так в исторических источниках (подлинно — Бүләр). Поздняя, русская форма — Биляр.

Слева от горна на земляном останце вкопан был столб (яма 9), вероятно, являвшийся опорой для глиняного дымохода. Аналогичные столбы с находками труб зафиксированы в мастерских Буляра.⁸ В центре восточной стенки следы двух парных столбов (№№40 и 43)⁹ обозначали вход в мастерскую. Основания этих столбов, как и столб № 35 восточнее, с внешней стороны котлована, имели плоский срез. Последний столб мог служить опорой навеса. У основания этого столба на дневном уровне котлована мастерской рядом с входом найдена серебряная монета Насир лид-Дина (60-е гг. XIII в.).

Слой III со следами пожарища прослежен лишь вдоль восточной стенки котлована ранней мастерской и на дневном уровне, а также частично в ямах 1, 4, 5. Пространство между ямами и ямы раннего горизонта дома гончара были очищены от остатков культурного слоя вместе со слоем пожарища и снивелированы под застройку второго периода, о чем свидетельствуют профили раскопа и почти полное отсутствие раннего материала. Исключением является небольшое количество мелких фрагментов булгарской посуды (ямы 1-а, 27, 5), включая донца с клеймами в виде «А»-образной тамги (рис.14, 18, 20, 22).

Одно из них принадлежало кувшину, лежавшему у подпечной ямы (№ 27) и придавленному сверху камнем (известняк). Остатки сосуда как бы намеренно оставлены в слое пожарища на фоне вычищенной почти до материка и снивелированной поверхности. Условия находки сосуда с тамгой можно объяснить актом обезвреживания сил предка, известном в верованиях булгар.¹⁰ Предка в данном случае олицетворял кувшин с тамгой, вероятно, принадлежавший хозяину погибшей от пожара мастерской (рис.14, 22). Вероятнее всего, этой же причиной можно объяснить также и большой хронологический разрыв до строительства следующей мастерской в позднезолотоордынский период и переориентацию горна 1 с подветренной стороны и входа в новую мастерскую со стороны реки.

Хронологически ранней мастерской предшествует горн XII-XIII вв., исследованный Р. Г. Фахрутдиновым в ста метрах южнее по берегу Урматки.¹¹ В них наряду с неполивной и поливной посудой монета каана Мунке (40-е гг. XIII в.). Близкий материал (медный пул Насир лид-Дина) происходит из другой гончарной мастерской с южной окраины Русско-Урматского селища, датированной Н.Ф. Калининым последней четвертью XIII — началом XIV в. Посуда из этой мастерской без следов использования — также имела во множестве «А»-образные клейма, но в иной графике. Вероятно, описанная нами мастерская предшествовала последней и функционировала в середине — третьей четверти XIII в.

Сооружения второго периода (рис.5). Мастерская сооружена в том же котловане, но с учетом розы ветров и огнеопасности гончарного дела.

Горн 1 был заглублен в материковую глину на месте бывшего дверного проема, устьем на запад; вход перенесен в северную стенку, в проем от разобранного раннего горна. По осевой линии в центре

прямоугольного пола были врыты два столба и третий — в останце справа от входа (№№ 38, 45, 49). В центре пола в 17 см от центрального столба вырыта очажная яма (№ 48), в западном и восточном углах — ямы для сырья (№№ 42, 44), а в южном — яма для оси гончарного круга. Восточная стенка котлована сделана более отлого за счет насыпи грунта, и в ней слева от горна сооружена полка из кусков известняка, поверх которой лежал большой кирпичный блок. Справа от горна выявлены две ступени (30 x 40 см) для обслуживания печи. На каменной полке найден развал кувшина-водоноса (рис.15, 2). Левее — в стенке — устроена полукруглая земляная ниша (22 x 14 x 12 см), служившая, по всей вероятности, гнездом для светильника, обнаруженного здесь же на полу (рис.15, 8). Нижняя часть помещения была облицована горбылями, от которых остались следы на западной и южной стенках. Верхняя часть, вероятно, представляла собой сруб с обмазкой стен глиной, куски которой найдены на полу и в ямах мастерской. Над горном первоначально был сооружен навес (от которого остались ямы 28, 33—36 диаметром 17—19 см), а позднее — пристрой в виде сруба. Крыша — при наличии толстых несущих столбов — должна была быть в этой климатической зоне высокой, двускатной, как и показано на рисунке-реконструкции К.Нафикова (рис.10).

В засыпи котлована обнаружены кости животных, обмазка, угольки, обломки керамики и большемерных гончарных труб, куски известняка с плоско обработанной поверхностью (от жернова?), медная монета с именем Хызра (60-е гг. XIV в.), полихромная поливная посуда XIV в. К югу от очажной ямы был выявлен развал труб глиняного дымохода, покрытых изнутри копотью. Слева от входа, косвенно указывая на наличие с этой стороны входа, найдены замок и ключ, а также обломки железной шпоры и бронзовой чаши. На земляных ступенях справа от горна и под ними в восточном углу помещения выявлены развалы необожженных горшков с примесью известняка и толченых раковин.

Горн 1 (рис.7, 10) — в плане круглой формы, диаметром 170 см, двухкамерный. Примерно на две thirds высоты заглублен в материк. Выявлен на глубине 51—60 см. Обжигательная камера — бочкообразной в сечении формы — сохранилась на высоту 68 см. Стенки сооружены из обломков известнякового плитняка на глиняном растворе. Местами в них вмонтированы несколько обломков обожженных кирпичей (22 x 20 x 3 см). Топочная камера, вырубленная в глине и обмазанная изнутри ее же раствором, состояла из двух частей, разделенных продольной перегородкой (20 x 25 x 47 см). Нижняя камера отделялась от верхней горизонтальной перегородкой толщиной 15—22 см с девятью продухами диаметром 6—9 см. Обе половины топочной камеры имели еще по одному большому продуху неправильной формы (35 x 40 см). Диаметр пода — 150 см. Топочный канал — арочной формы — также сформован из глины; ширина его у истока — 76, в устье — 37, длина — 20, высота — 40—45 см.

Заполнение горна. Верхняя часть обжигательной камеры завалена грунтом, ниже — слой из обломков известняка и обмазки от верха горна. На кусках обмазки не прослежены следы свода. Фрагментированная керамика аналогична посуде с пола мастерской. Далее попадались обломки кувшинов, мисок и горшков. Среди них выделяется фрагмент красноглиняного блюда с растительно-цветочным орнаментом (рис.15, 9). Обломок от этого же блюда найден в I слое. На гл. 55—60 см посередине обжигательной камеры (почти на уровне пода) лежала прямоугольная известняковая плита с оббитыми по диагонали углами, приходившимися на жерла больших продухов. Под плитой и вокруг нее под был заложен слоем обожженной глины, черепков, кусков глиняных плиток (20 x 20 x 6—8 см). Уровень плиты из известняка, возможно, являлся уровнем пода более позднего использования горна 1 для обжига труб, требующих высоких температур.

Из обжигательной камеры извлечено 290 обломков известняка, 230 — обмазки, 245 — керамики, 70 — глиняных плиток. Из топочной камеры и канала — 150 керамики, 95 — шлаков, 12 — глиняных плиток (рис.14, 29, 30). Среди находок, позволяющих воссоздать конструкцию перекрытия обжигательной камеры, обращают на себя внимание обломки обмазки со следами прутьев (рис.14, 25), фрагмент керамической закраины сферической формы с диаметром отверстия около 50—60 см (рис.14, 8), найденный с восточной стороны от горна за пределами пола землянки между столбами №№ 31, 32, 34, 35 (являвшимися опорами позднего периода). Использование в горнах готовых керамических деталей известно в гончарной практике.¹² Большое число глиняных плиток с примесью растительности, навоза (?), найденных в горне и справа от устья топки рядом со ступеньками, предназначалось для заделки загрузочного лаза с этой стороны и, вероятно, устья печи. На это их назначение указывают и этнографические материалы по гончарству Средней Азии.¹³

Горн 1 отличается некоторыми признаками от известных до сих пор горнов Волжской Булгарии.¹⁴ Данная печь сочетает следующие признаки: 1) большую заглубленность — более чем на две трети высоты; 2) вырезку топки в глине; 3) продольную опору в виде «стенки», делящей топочную камеру пополам; 4) девять мелких продухов с двумя большими; 5) глиняно-керамическую забутовку пода и известняковую плиту для обжига труб; 6) формовку верха обжигательной камеры из известняка на глиняном растворе; 7) глиняные обожженные блоки для заделки лаза, верхнего и нижнего отверстий; 8) керамический верх сферической формы с отверстием для загрузки (для обжига посуды?). Сочетание перечисленных признаков отражает своеобразие данной печи. Полных аналогий ей, несмотря на удовлетворительное состояние изученности теплотехнических устройств Волжской Булгарии, мы не нашли.¹⁵

Остатки двухкамерного заглубленного горна XII — начала XIII в. с продольным расположением двух каналов в топке, образуемых перегородкой, были вскрыты в 1970 г. В.П. Гурлихиной в обрыве

берега Мещи близ с.Рождествено.¹⁶ Результаты этих раскопок, к сожалению, остались неопубликованными. Прототипом печей этой конструкции, вероятно, являлись горны Крыма X в.¹⁷ Горн этого типа близ с.Трудолюбовка использовался для обжига крупногабаритных изделий (амфоры, фляги, черепица) и только для сезонной работы.

Использование этой универсальной конструкции круглогодично и в условиях холодного климата требовало большого опыта и знаний теплотехники. Несомненно, что в первый период сооружение над такой печью в Иски Казани должно было быть срубным. В поздний период работа носила явно сезонный характер, и сооружение над горном могло быть более легким.

Яма 44 (рис.2) — Г-образной формы с уступом с внешней стороны — занимала северо-западный угол полуземлянки. Длина в пределах раскопа — 186, ширина — 160, глубина дна от уровня пола — 50—64 см; сечение — корытообразной формы (рис.8). Южная часть ямы оказалась более глубокой. Сверху она была заложена слоем чистой глины, который скрывал около двадцати раздавленных сосудов: кувшинов, кумганов, корчажек, горшков, чашек, мисок, а также глиняный шарик-«хлебец», миниатюрный сосудик и донца с тамгами нового типа в виде знаков «весы» или «стремя» (рис.14, 15, 26). Последние, являясь, вероятно, разновидностями одного знака, известны у кипчакских родов карагай-гэрэй-туркмен-кипчаков¹⁸ и сходны с ханскими тамгами Золотой Орды. Яма, судя по форме, предназначалась для замеса глиняного теста. Сосуды, оказавшиеся на ее дне, вероятно, были побиты во время одного из нападений.

Яма 42 (рис.2) в юго-восточном углу полуземлянки также имела подпрямоугольную корытообразную форму со ступенькой с запада (120 x 65 x 70 см) и, возможно, с крышкой, от которой в ступеньке прослежен след ямки от колышка. В заполнении — обломки известняка и раздавленные сырье горшки с примесью известняка. Предназначалась, как и яма 44, для замеса глиняного теста.

Яма 46 (рис.5) и связанные с ней парные столбовые ямки (№№ 36, 39, 41, 51) и пятна-следы от чурбаков (№№ 4 и 5) занимали юго-западный угол мастерской. Яма — подквадратной формы (74 x 68 x 44 см), стенки с наклоном наружу, дно несколько вогнутое (рис.8); в ее заполнении — обмазка, камни (известняк), угли, кости животных, обломки керамики. Парные следы в виде отпечатков чурбаков с восточной и западной сторон ямы 46 являлись следом от скамьи гончара. Парные ямки у южной стенки (№№ 39, 41) принадлежали опорам от полки прямоугольного сечения (6x9 см) со склоненным основанием. Ямка 39 — столбовая (18x21 x8—10 см) — находилась в 15 см от предполагаемой скамьи гончара; южнее ее в полу углубление ямы 56 от опоры брускатой формы (7 x 15 x 3,5 см).

Группа ямок вокруг ямы 46 может быть интерпретирована как следы гончарного стана. По традиции, зафиксированной Е.М. Пещеревой, гончар должен сидеть лицом к горну. Тогда брускатая опора

оказывалась слева от него. На ней держалась перекладина для левой ноги гончара. Наличие этой опоры косвенно подтверждает ножное устройство круга. Привод ножного устройства круга должен был размещаться в яме (№ 46) с опорой на камень-подпятник (обломки известняка). Поскольку ножной круг приводился в движение правой ногой, левая должна была упираться в специальную перекладину. Аналогичное устройство ножного гончарного станка известно в этнографических материалах Средней Азии.¹⁹ Использование ножного круга подтверждается следами на донцах посуды из мастерской. Среди них донца с бортиком и без бортиков со срезанным струной днищем и со следами прямоугольной оси (рис.14, 23, 24)

Яма 48 (рис.5) — овальная (110 x 90 x 28 см) — располагалась в центре пола, стенки пологие. В западной части ямы у дна имелась неглубокая ниша (рис.8). В заполнении ямы — зола, угли, обмазка, кость осетра, фрагменты керамики; некоторые из них использовались в качестве лощил (рис.14, 27). С южной стороны ямы выявлен развал дымогарных труб со следами копоти и куски обмазки от их крепления (рис.14, 10—12).

Поскольку яма 48 — очажная и находилась в 17 см от т.н. царь-столба (сгоревшие его остатки прослежены в яме 45), есть основания отнести яму 48, развал дымохода и предполагаемый царь-столб к очагам закрытого типа с дымоходом и опорой-столбом для него. Возможно, закраиной керамического очага сферической формы был фрагмент, найденный в яме 3 (рис.14, 8). Сборного, или переносного, типа очаги из керамики также известны в практике среднеазиатских гончаров.²⁰ Довольно мощные столбовые опоры (№№ 38, 45, 49) по центральной оси полуzemлянки оправданы, если они несут высокую крышу. Для отопления помещения в промежутке между обжигом нужен был небольшой, но эффективный очаг. Вариант реконструкции очага в мастерской универсального типа демонстрируется на рис.10.

Объекты за пределами мастерской (рис.8).

Яма 1 — прямоугольная (160 x 100 x 64—79 см); стенки отвесные, кроме северной, которая полого опускается ко дну; в заполнении — плотный желто-серый суглинок III слоя с угольками, обломки известняка, кости животных, обмазка, керамический шлак. Судя по заполнению и форме, яма была подпольной. На дневном уровне она перекрыта основанием печи второго периода. Общие уровни, ориентировка, заполнение III слоя позволяют отнести ямы 1 и 27 к раннему строительному горизонту.

Яма 27 — Г-образной формы с подпрямоугольными углами; ее длинная часть (А) ориентирована С-Ю (190 x 100 x 72 см); короткая (Б) — В-З (160 x 90 x 80 см), с земляной перемычкой между ними. Торцовые стенки части А являются пологими, боковые — отвесными, как и все стенки части Б, одна из которых — западная — с уступом у дна. В заполнении обеих частей — линзы обожженной глины, золы, угля; в части Б, кроме того, обломки

известняка, бывшей в употреблении булгарской посуды, горшков с толченой раковиной «славяноидного» облика. У северного края ямы прослежены остатки глинобитной стенки со следами обжига.

Яма 27 является, скорее всего, подпечной. Судя по выходу угля на южную сторону, именно сюда выходило устье печи; а в части Б, заполненной известняком и керамикой, вероятно, располагался подтопок. Глинобитные печи с использованием известняка для основания были распространены у пермских, казанских и других групп татар Поволжья и Приуралья.²¹ Этот традиционный для татар тип печей делался впоследствии из кирпича на деревянном основании.²²

Яма 2 (рис.8) выявила под остатками печи в виде раздвоенного овала (160 x 150 x 20 и 80 x 56 x 25 см). Обе части (А и Б) имели пологие стенки. На дне прослежены столбовые ямки. В заполнении — золистый рыхлый грунт с угольками. Остатки печи представляли собой скопление (толщиной 10—20 см) из обожженной глины с фрагментами обмазки по овальному абрису печи. С восточного края она была обложена кусками известняка и песчаника, а с южного к ней примыкало углистое скопление.

Эта печь может реконструироваться как печь-чуval с котлом в ее меньшей части. Выявленные остатки являлись лишь глинобитным основанием печи. Верхняя — каминная — часть с дымоходом и керамической трубой не сохранилась, и лишь обилие кусков глины и обмазки со следами прутьев, а также следы от выгоревших жердей в виде столбиков на дне ямы 2, фрагменты труб на соседних участках подтверждают наличие такой конструкции. Археологически печи-чуvalы выявлены впервые на поселениях именно этого периода. По данным Ю.Г. Мухаметшина и других исследователей, печи-чуvalы известны у северных алтайцев, хакасов, манси, хантов, кетов, селькупов, западносибирских татар и характерны для жилищ башкир и пермских татар.²³

Печи данного типа располагались, как правило, в углу помещения у входа. Поскольку остатки чуvalа и горна 1 были засыпаны чистой глиной и землей в последний период бытования мастерской (I слой), сооружение с чуvalом и гончарная мастерская являются одновременными. Остатки чуvalа находились в 40 см от стенки котлована горна, что подразумевает наличие между ними общей бревенчатой или двух стен, от которых сохранилась лишь обмазка от плоской и округлой (бревна?) поверхности.

В 80 см к юго-западу от чуvalа-печи находилась глиняная — со следами обожженности — вымостка (2,6 x 2 x 0,15—0,2 м) подпрямоугольных очертаний (рис.5), под которой шел слой сгоревшей деревянной конструкции. Под ними выявлены три — подквадратного сечения — ямки от столбов, а также желобообразный канал шириной 10 и глубиной 15—18 см. Конец его, уходящий в западную стенку, раздваивался, а второй, ориентированный на восток, проходил рядом с чуvalом на той же глубине и подходил к группе столбовых ям (№№ 6, 7, 12—14) с сечением, аналогичным столbam под

вымосткой (рис.5). Далее след канала уходил в юго-западный угол помещения 1 (рис.3). Сам канал оказался заполненным грунтом — гумусом с редкими кусками обмазки. На вымостке найдены обломки глиняных большемерных труб (рис.14, 13) и фрагменты посуды, включая поливную полихромную позднезолотоордынского и тимуридского времени.

Остатки вышеописанного сооружения из глины и дерева являлись, по-видимому, лежанкой. Четкие прямоугольные очертания вымостки с южной стороны свидетельствуют о том, что с этой стороны лежанка примыкала к стене помещения. Остатки канала трудно связать с подпольной системой отопления дома или канализацией, поскольку в нем не обнаружены трубы.

В 120 см от южного края лежанки находилась **яма 5**, уходившая в северную стенку раскопа (рис.5). Подпрямоугольные очертания (100 x 120 x 130—140 см) и специфической формы сечение свойственны ямам отхожего места (рис.8). В заполнении — фрагменты булгарской посуды, в том числе донца с «А»-образным клеймом, горшков славяноидного типа и бусины. Яма использовалась на протяжении двух периодов и, судя по профилю (рис.3), была засыпана в начале формирования I слоя.

Яма 4 (рис.5, 8) — прямоугольная (216 x 120 x 40—60 см), с уступом вверху вдоль северной стенки, с двумя боковыми нишами у дна в восточной половине (вероятно, для установки полки) и третьей — во всю ширину торцовой восточной части и на глубину до 80 см вместе с дном ямы. В самой нише найдены сломанные удила (рис.11, 15).

Судя по дневному уровню и заполнению, яма использовалась в течение I и II периодов как подполье-погреб. Найдки внутри нее связаны со II периодом. Сверху она закрывалась деревянной крышкой в раме, от которой сохранились обугленные плахи шириной 10—12 см (рис.2). Внутри ямы по углам лежали крупные камни (известняк), равно как и вдоль южной стенки у края ямы. У ее восточного края обнаружены пробой, накладка, цепь (от крышки погребка?) и ключ (рис.12, 6, 15, 17). В западной половине найдены кости животных (корова, овца), рыбы, птицы, дужка весов (рис.12, 9), нож с костяной обоймой (рис.13, 10), обуглившиеся фрагменты крышки от ларца (для весов?) и деревянного блюда. В обеих частях ямы встречались яичная скорлупа, кости и чешуя осетровых, обугленные деревянные пробки от кувшинов, а на дневном уровне с северной стороны ямы, в слое пожарища -развалы двух горшков (с толченой раковиной в тесте) с остатками пищи.

Яма 50 (рис.5) — прямоугольная (более 120 x 120 x 48 см), уходящая северным концом в стенку раскопа — появилась в конце II и засыпана в начале III периода (рис.3). В засыпи мелкие кусочки обмазки, кости животных и поливная пуговица бирюзового цвета (рис.12, 13). Являлась, как и яма 4, подпольной, если судить по ее параметрам и почти полному отсутствию находок.

Вокруг погреба и подпольной ямы выявлена большая группа ямок с остатками сгоревших столбов (рис.5), а также несколько крупных камней (известняк) на фоне интенсивного слоя пожарища по всей площади раскопа за пределами мастерской и особенно заметного в районе погребка (яма 4). Столь явные следы пожарища могли остаться от сгоревшего бревенчатого дома. Часть его над погребом и подпольной ямой имела высокий фундамент — подклет, от которого и остались столбовые ямы диаметром 30—40 см.

Реконструкция плана данного строения возможна в следующем виде. Дом гончара представлял собой многокамерную постройку, состоявшую не менее чем из семи помещений: первое — с глиnobитной печью — жилая передняя половина дома; второе — с печью-чувалом и лежанкой — задняя часть дома; к ней примыкало третье — мастерская-полуземлянка, соединенная с четвертым — срубным пристроем над горном; северная часть дома — пятое — сени на подклете с подполом-погребом; шестое — клеть на подклете с подпольной ямой (рис.11).

На месторасположение южной стены по линии Б -Б¹ указывает прямой южный край глиняной «лежанки», след от бревенчатого основания стены по линии А — А¹ в профиле раскопа (рис.3, кв. Д-5). Восточная линия стены отмечена опорой от основания дома (яма 64), парными столбовыми ямами с уплощенной внутренней стороной (№№ 62, 63), обозначившими вход в дом через сени (помещение V), а также понижением культурного слоя под постройкой и заметным в восточном профиле углублением от стены. Значительное накопление культурного слоя на участках по линии А свидетельствует об отсутствии первоначально там строения. И лишь в конце существования дома гончара (рис.3, стенка 1) появляется клеть с ямой 50.

Столбовые ямы (№№ 26, 37) в помещении I связаны с опорами полов. Канал, заглубленный на 15—18 см, предусматривал наличие полов и в помещении II. Он выходил из юго-западного угла передней части дома, шел через помещение II под лежанкой и, раздваиваясь, выходил за пределы дома. Поскольку канал имел наклон в сторону берега, он являлся, скорее всего, сточным. На наличие пола указывает также находка сакрального сосуда с тамгой, придавленного камнем в помещении II. Однако уровень пола в задней части дома был ниже, чем в передней, что следует из расположения других столбовых ям в юго-восточном углу помещения II (№№ 6, 7, 12, 15). Они, вероятно, остались от ступенчатого входа в переднюю половину дома. Согласно традиции татарского домостроительства предусматривался выход из задней части дома (столбовые ямки №№ 12, 13) через крытую галерею-сену с туалетом (яма 5) в глубине ее.

Между пристроем над горном и внутренними сенями дома существовал проход, который отмечен столбами (№№ 33, 34). Более крупные из них (№№ 25, 31) являлись опорами навеса над частью двора. Широкие неглубокие столбовые ямки (№№ 29, 30, 32, 47) и

фрагмент жернова остались, вероятно, от деревянного столика-основания мельницы, что используются в гончарстве.²⁴ В противоположном конце предполагаемого навеса размещалась куча чистой желтой глины, часть которой уходила в пределы сеней, т.е. хранилась под домом.

Дом описанного типа представлял собой своего рода усадьбу. Возникновение многокамерных домов-усадеб характерно, по мнению Г.А. Федорова-Давыдова, для городов Поволжья золотоордынского периода.²⁵ В основе жилой части исследованной нами постройки лежит, вероятно, распространенный в районах Предкамья — у русских, мари, чувашей, удмуртов — дом-пятистенок из трех камер: дома, сеней и клети. Этот же тип постройки, по данным Ю.Г.Мухаметшина, известен у соседствующих с этими народами татар, у зажиточной части которых он был описан в XVIII в. И.Лепехиным.²⁶ В данной усадьбе интересно появление задней половины, обычно женской, с печью-чувалом, свойственной пермским татарам и башкирам.

Распределение вещевых находок в пределах усадьбы дает дополнительные аргументы в пользу данной реконструкции. В слое пожарища на месте входа в переднюю часть дома найдены пробой (рис.13, 15), наконечник стрелы (рис.12, 1), в пределах «сеней» — ключ, а у входа в мастерскую — обломок цилиндрического замка (рис.12, 5). Второй — остролистной формы — наконечник стрелы и более крупный замок (рис.12, 2, 4) обнаружены в северной части пристроя (помещение V), где, вероятно, был вход со стороны реки в мастерскую. Два ключа (от мастерской?) найдены в засыпи мастерской (I слой, уч. Б-6), т.е. у входа в мастерскую последнего периода (рис.12, 17, 19). В слое этого же периода найден миниатюрный ключ (от ларца?) на месте разрушенного дома (рис.12, 20). Часть строения, возможно, сохранилась после трагических событий, на что указывает небольшое накопление культурного слоя на месте помещения VI (клеть) (рис.3, стенка 1) и в котловане мастерской к северо-востоку от нее (рис.3, стенка 2).

Последний период использования горна связан с завершением формирования слоя Казанского ханства (I слой). Северная часть котлована мастерской, ямы и пол были засыпаны пестроцветным грунтом с отходами производства — керамикой и гончарными трубами, встречающимися в I слое, а также костями животных (рис.6). С юго-западной и южной сторон котлована сохранились поздние столбовые ямы (№№ 16—19, табл.1), вероятно, от навеса. Под «навесом» найдены «столик» из плиты известняка, две «кучи» глиняного сырья и обломки готовых дымоходных труб (рис.14, 9—12). В западном углу котлована в остатках аналогичного «столика» обнаружена обработанная плита толщиной 10 см с округлым краем, возможно, от жернова. От сооружения над горном и мастерской сохранились полузысыпанный котлован и столбовые ямы последнего периода (№№ 17, 33—36, 40, 43, 49), оставшиеся от сооружения типа сарая с навесами над горном с восточной и южной сторон. К началу позднего периода все ямы и печь-чувал были засыпаны грунтом или

глиной (яма 50). После прекращения работы горн 2 в поздний период был засыпан отходами производства и чистой глиной. Находки только сломанных предметов в завершении культурного слоя свидетельствуют о переезде гончара на другое место.

Итак, по данным стратиграфии и планиграфии, гончарная мастерская существовала в течении трех периодов: сначала в составе дома-усадьбы гончара в качестве круглогодично действующей мастерской (периоды I и II), а в третьем периоде — как сезонная мастерская с ограниченным ассортиментом.

Вещевой материал.

К раннему периоду мастерской (горн 2) относятся медный пул, фрагменты чаши из «белой бронзы» и посуды с «А»-образным клеймом. Медный пул с именем Насир лид-Дина принадлежит к монетам середины XIII в., которые были перечеканены Мунке и существовали до времени Токты (1291—1312 гг.²⁷). Найден на дневном уровне котлована ранней мастерской. Два фрагмента от придонной части чаши из белой бронзы с фасчатой внешней поверхностью (рис.11, 11, 12) и толщиной стенок около 2 мм обнаружены на полу рядом с устьем горна 2. Чаши из «белой бронзы» известны в Среднем Поволжье в древнемарийских могильниках и селищах, например, I Мари-Луговском X-XI вв., булгарских — I Семеновском, I Измерском и др.²⁸ Последним стилистически близки чаши с угорских памятников Западной Сибири.²⁹ Однако все они не могут являться даже отдаленной аналогией урматской находке. Плоскодонная форма, строгая отделка узкими литыми фасками и высокое качество сплава указывают на импорт, вероятно, из Хорасана XII-XIV вв. или близких ему школ городов Средней Азии.³⁰ Сосуды с «А»-образной тамгой в массовом количестве изготавливались в Буляре X-XIII вв. в государственных мастерских, принадлежавших правящему роду в Волжской Булгарии. Появление в Иски Казани сосудов с этим клеймом в мастерских ХП-ХIII вв., вероятно, связано с переходом функций государственных мастерских из Буляра в Казань (Иски Казан).³¹

Учитывая данные относительной датировки гончарных мастерских в южной части селища (раскопки Н.Ф. Калинина и Р.Г. Фахрутдинова) и находку пула Насир лид-Дина в слое строительства изученной мастерской, следует отнести основание ранней усадьбы гончара к третьей четверти XIII в.

Второй период освоения участка (II слой) под дом гончара. Мастерская. К ее основанию, вероятно, относится серебряная монета Хызыра (60-е гг. XIV в.), найденная в засыпи. К середине второго периода мастерской относится наконечник стрелы остролистной формы, без упора, общей длиной 77мм (тип 61 по А.Ф. Медведеву³²) (рис.12, 2), который отличается от новгородских меньшими размерами, большим подромбическим сечением, асимметрично вогнутыми плечиками. Наконечники этого типа распространены в северной полосе Европейской России, по Медведеву, в XIII-XIV вв.

Фрагмент верхней части (одноцилиндрового) замка крупных размеров с высоким толстым гребнем и (рис.12, 5). Принадлежит к типу Д второй половины XIV — первой половины XV в.³³ Отличается от новгородских образцов более высокой и мощной дужкой. Аналогичный замок найден и в слое Камаевского городища.³⁴ Второй более крупный — двухцилиндровый замок (рис.12, 4) относится к типу В-1 XIII — первой половины XV вв.³⁵; входная часть — с четырьмя подквадратными отверстиями, подобными вырезу на ключе из мастерской (рис.11, 19).³⁶ Другой крупный ключ из засыпи — с прямоугольным отверстием в круглом бородке (рис.11, 17) — может относиться к концу второго периода мастерской.

Кроме этого, в пристрое мастерской найдены обломки дверного кольца и штыря (рис.13, 1) и предмет, напоминающий писало (120 x 2 мм); острый конец его притуплен, противоположный — расплощен в виде лопаточки и загнут в обратную сторону (рис.13, 9). Здесь же обнаружены миниатюрное долото с прямоугольным рабочим концом (30 x 3 x 2 мм), аналогичное долоту из гончарных мастерских XI-XIII вв. в Буляре, сломанный нож с горбатой спинкой и мощным черешком т.н. хозяйственного назначения, близкий экземпляру XIII-XIV вв. из Булгара.³⁷ Ножи этой формы использовались гончарами для вырезания клейм на деревянных подставках. Аналогичный нож также с обломанным концом (приспособленным?) найден в гончарной мастерской XII в. в Буляре.³⁸ Среди находок из мастерской следует упомянуть хозяйственный нож редкой формы — с коротким и широким лезвием (72 x 18 мм), скошенным на конце с двух сторон, коротким тонким черешком, слегка вогнутой спинкой. Аналогичные экземпляры вновь известны в Буляре.³⁹

В помещении II найдено два ножа, дверной крючок и обломок бусины-пронизки. Один из ножей — с прямой спинкой (16,6 x 14 мм) — близок к типу А XIV в. из Булгара,⁴⁰ но более совершенной формы (рис.13, 14), что соответствует его находке в слое XV в. Второй нож — с горбатой спинкой, с уступом, отделяющим клинок от черешка, и сломанным концом (рис.12, 11) — относится к ножам группы Б-II-1 — XIII—XIV вв. специального назначения. Сильная скошенность как раз присуща ножам гончаров. Рядом с чувалом на этом же уровне найден крючок дверной со сломанным основанием (рис.11, 8), а также обломок бусины-пронизки синего стекла с белым волнистым узором, в сечении овальной. Высота бусины — 15 мм, диаметр отверстия — 4 мм. С одного конца заметна шейка, что наряду с большим отверстием может указывать на то, что она входила не в состав ожерелья, а пронизок — украшений головного убора. По новгородским аналогиям, может датироваться XIII—XIV вв.⁴¹

Сени внутренние (помещение V)

Погребок (яма 4) датируется находкой удил с двумя подвижными кольцами диаметром 55 мм и звеньями грызел длиной 140 мм (рис.12, 15). Диаметр колец равен почти половине длины грызла — тип Г-II по Г.А. Федорову-Давыдову, IX-XIV вв.⁴² Там же найден нож с

длинным лезвием (190 x 155 x 21 x 5 мм) и кованым перекрестьем овальной формы (рис.13, 10; по параметрам, близок ножам III слоя Булгара XIII—XV вв.⁴³ Урматский экземпляр отличается от поздних из Булгара наличием перекрестья и более совершенной формой. Нож с аналогичным перекрестьем известен в кочевническом захоронении в могильнике «У дамбы» на Нижней Каме.⁴⁴ Орудия этого типа распространены у населения Саяно-Алтая в XIII-XIV вв.⁴⁵ Появление их в Среднем Поволжье в позднезолотоордынский период связано, вероятно, с кипчакским включением.

В северном углу погребка обнаружены складные весы в виде бронзового стержня длиной 60 мм и железного коромысла — 130 мм (рис.12, 9, 10). Вероятно, весы хранились в дубовом ларце, от которого в пожаре сохранились лишь обгоревшая крышка (160 x 70 x 16 мм). Аналогичная находка вместе с весами и разновесами известна из клада близ села Емелькино Чистопольского района из собрания ГОМРТ.

К помещению сеней (погреба) относятся большой ключ длиной 12,5 мм с округлым вырезом в одной из сторон подпрямоугольного основания (рис.12, 18) от двухцилиндрового замка середины — второй трети XV в. (типа В I по Б.А. Колчину⁴⁶), накладка и пробой (рис.13, 6, 15), бытование которых в Булгаре относится к XIV в.,⁴⁷ а также крючок железный от колчана плохой сохранности (рис.12, 16).

Клеть (помещение VI) датируется находками пуговицы кашина-го черепка XIV-XVI вв. из ямы 50 (рис.12, 13) и двухцилиндрового маленького (45 мм) замка с двумя прямоугольными входными отверстиями. Аналогии ему известны в Новом Сарае⁴⁸ и на Сауткинском селище XIII-XV вв.⁴⁹ В пределах клети найдены слиток свинца и фрагмент чугунного котла диаметром 26 см. Последние находки характерны для гончарных мастерских с производством поливных изделий.

К последнему периоду функционирования на этом участке мастерской относятся ключ от миниатюрного замка длиной 72 мм с выступающим бородком и парными Т-образной формы вырезами в нем (рис.12, 20), наконечник стрелы клиновидной формы с обломанными концами, линзовидным сечением, вогнутыми плечиками, плоским тонким черешком с едва заметным упором посередине. Этот тип сочетает признаки наконечников новгородского типа — плоских без черешка — и типа 44—2 с вогнутыми плечиками и намеченным упором в середине черешка. Последние датируются XIV в., по А.Ф. Медведеву.⁵⁰ Однако урматский отличается выраженной клиновидной формой и, по этим признакам, может быть отнесен к наконечникам XV-XVI вв., что соответствует его залеганию в I слое.

Среди индивидуальных находок было несколько предметов культового назначения. Среди них два альчица из дома и мастерской. У последнего был свинцовый вкладыш (рис. 12, 6, 7).

В мастерской найдены миниатюрный лепной сосудик с расплощенным дном в виде чашечки диаметром 23—25 мм и асимметрич-

ный шарообразный (25 мм) хорошего обжига «хлебец» с отпечатками пальцев (рис.13, 3, 4). Они обнаружены в яме 44 вместе с раздавленной посудой и заложенной сверху глиной. Относятся к середине II периода мастерской. В яме 47 (очаг в центре мастерской) в золе найдены жертвенные, вероятно, предметы: три лощила из стенок сосудов, каменный (известняк) шар неправильной формы диаметром 60 мм (рис.13, 5). С жертвенным ритуалом, возможно, связаны железная прокованная пластина (рис.13, 8), а также большая кость осетра. На полу мастерской, в засыпи, найден еще один оригинальный сосудик из теста с примесью раковины, серого цвета, ладьевидной формы с неровными бортиками-краями (длина его 94 мм) (рис.13, 7).

Вышеперечисленные находки, вероятно, являлись атрибутами жертвоприношения хозяина-гончара духам предков с целью умилостивить их и одновременно обезвредить с помощью раскаленного в огне камня.⁵¹ Ладьевидной формы сосуды в глине известны у западно-сибирских народов с эпохи бронзы вплоть до XVII в. (нарымские селькупы, томские тюрки) как культовые.⁵² Исследователи считают их вместилищем души покойного, лодкой шамана и т.д. Вероятно, они также связаны с культом поклонения предкам у тюркоязычных народов Сибири.

Исходя из датировок вещевого материала, хронологические рамки первого периода дома гончара можно отнести к третьей четверти XIII в. Второй период дома-усадьбы гончара следует ограничить отрезком с 60-х годов XIV до середины XV в. Сезонная мастерская последнего периода функционировала, вероятно, во второй половине XV — начале XVI в. Датировка трех периодов гончарных мастерских подтверждается и керамическим материалом.

Изученные материалы позволяют сделать следующие выводы.

1. Благодаря непотревоженности культурного слоя поздними перекопами, удалось проследить сооружения трех периодов, связанные с гончарным делом. Исследованный комплекс важен как для понимания развития гончарного ремесла в северном улусе Золотой Орды, так и для изучения этногенетических проблем.

2. Впервые в археологии Среднего Поволжья исследован дом-усадьба с мастерской гончара поздnezолотоордынского периода с характерными для татарской эпохи типом застройки, конструкцией дома, печей, вспомогательных хозяйственных и бытовых сооружений. Результаты изучения их остатков свидетельствуют о переплетении традиций финно-угорского населения в устройстве дома (дом, сени, клеть), булгарско-татарских — в планировке дома и усадьбы, тюркских групп Пермского Прикамья — хлебная печь и, вероятно, татаро-башкирских — в устройстве печи-чуvala на задней (женской?) половине.

3. Комплекс материалов гончарной мастерской поздnezолотоордынского периода позволяет проследить богатый опыт казанских гончаров, полученный из Средней Азии (керамический очаг, горн 2), Крыма

(горн 1), Восточного Кавказа (устройство ножного круга с подпятником в яме), а также воздействие культуры золотоордынских центров и вклад основного населения Дешт-и-Кипчак. Богатая коллекция керамики из мастерской отражает особенности развития местного гончарства в позднезолотоордынский период, включая и культово-магическую атрибутику, изучение которой — предмет специального исследования. И наконец, комплекс изученных материалов — основа для будущих музейных реконструкций.

Примечания:

- ¹ Историография (работы Н.П.Рычкова, П.С.Палласа, И.Г.Георги, Д.Зиновьева, М.С.Рыбушкина, П.Малова, В.Л.Борисова, И.Н.Смирнова, П.А.Пономарева, М.М.Хомякова, П.Е.Заринского, М.Н.Пинегина, Н.П. Загоскина, И.Н.Бороздина, Н.Ф.Калинина и А.Х.Халикова, А.П.Смирнова) дана в работах: *Фахрутдинов Р.Г.* Задачи археологического изучения Казанского ханства // СА. — 1973, №4. — С.113—115; *Он же.* Очерки по истории Волжской Булгарии. — М.: Наука, 1984. — С.125—166. См. также: *Мухамадиев А.Г., Фахрутдинов Р.Г.* Раскопки в Иски Казани. — АО 1976 г. — М.: Наука, 1977. — С.165—166; *Фахрутдинов Р.Г., Хазиев Р.М.* Раскопки Старой Казани. — АО 1977 г. — М.: Наука, 1978. — С.199; *Фахрутдинов Р.Г.* Исследования в Старой Казани. — АО 1979 г. — М.: Наука, 1980 . — С.175—176; *Фахрутдинов Р.Г.* Раскопки Иски-Казани. АО 1981 г. — М.: Наука, 1983. — С.177; *Фахрутдинов Р.Г.* Исследования Старой Казани (итоги раскопок 1970-х годов) // СА. — 1984, №4. — С.90—108; *Фахрутдинов Р.Г., Кокорина Н.А.* Исследования Старой Казани // АО 1983 г. — М.: Наука, 1985. — С.181—182; *Фахрутдинов Р.* Мелодия камней. — Казань: Татарск. книжн. изд-во, 1986. — С.141—156; *Он же.* История татарского народа и Татарстана. — Казань: Изд-во «Магариф», 1995. — С.154—160.
- ² Руководители экспедиции — Р.Г.Фахрутдинов, Н.А.Кокорина. Раскопки проведены силами Ямашурминской (Высокогорский р-н) и Тябердино-Челнинской (Рыбно-Слободский р-н) средних школ, отдельных школ и техникумов Казани, Набережных Челнов, Нижнекамска. В работе экспедиции приняли активное участие: С.В.Кузьминых (ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова КНЦ АН СССР), Ш.А.Бахтияров (г.Москва), Фахрутдинов Р.Р., Фахрутдинов К.Р. (г.Казань).
- ³ Определение Г.А.Федорова-Давыдова, которому авторы приносят свою искреннюю благодарность.
- ⁴ *Кокорина Н.А.* Гончарные горны Билярского городища // Средневековые археологические памятники Татарии. Казань, 1983. — С.51—56.
- ⁵ *Хованская О.С.* Гончарное дело города Болгара // МИА. — 1954, №42. — С.354—356.
- ⁶ *Васильева И.Н.* Гончарство Волжской Булгарии в X—XIV вв. Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. — С.157—168.
- ⁷ *Кокорина Н.А.* О технике билярского гончарства // Посуда Биляра. Казань, 1986. — С.61—72.
- ⁸ Там же. — С.68—69, рис.5.
- ⁹ См. сведения о столбах в табл.1.
- ¹⁰ *Денисов П.В.* Религиозные верования чуваш. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1959. — С.51.
- ¹¹ *Мухамадиев А.Г., Фахрутдинов Р.Г.* Раскопки... — С.166; *Фахрутдинов Р.Г.* Исследования Старой Казани... — С.100.

- ¹² Пещерева Е.М. Гончарное производство Средней Азии // ТИЭ. — 1959. — Т.42. — С.213.
- ¹³ Там же. — С.169.
- ¹⁴ Васильева И.Н. Гончарство... — С.160—169.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Старостин П.Н., Халикова Е.А., Халиков А.Х. Работы в зоне Куйбышевского водохранилища // АО 1970 г. — М.: Наука, 1971. — С.142.
- ¹⁷ Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. — Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1979. — С.53—56.
- ¹⁸ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: (Этнический состав, история расселения). М.: Наука. — 1974. — С.179, 180, 187, 289—291, табл.1, 9.
- ¹⁹ Пещерева Е.М. Гончарное... — С.211—213.
- ²⁰ Там же. — С.211, 269, рис.83.
- ²¹ Мухаметшин Ю.Г. Пермские татары. — Казань, 1983. — С.85—89.
- ²² Мухаметшин Ю.Г. Татары-кряшены. — М.: Наука, 1977. — С.92, рис.12, 1.
- ²³ Мухаметшин Ю.Г. Пермские... — С.85—86, рис.4 и 9.
- ²⁴ Пещерева Е.М. Гончарное... — Рис.45, 2.
- ²⁵ Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. — С.51—52.
- ²⁶ Мухаметшин Ю.Г. Татары-кряшены... — С.87—89, рис.10, 3.
- ²⁷ Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII—XV вв. — М.: Наука, 1983. — С.15—16.
- ²⁸ Никитина Т.Б., Руденко К.А. Чаши из могильника «Нижняя Стрелка» // АЭМК. — 1992. — Вып.21. — С.51—67; Казаков Е.П. Булгарское село X—XIII веков низовий Камы. Казань, 1991. — Рис.19, 31.
- ²⁹ Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В. Угорское наследие (Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета). — Екатеринбург, 1994. — Рис.301—305, 307.
- ³⁰ Маршак Б.И. Бронзовый кувшин из Самарканда // Средняя Азия и Иран. — Л.: Аврора, 1972. — С.84—86.
- ³¹ Кокорина Н.А. Об одной группе знаков на керамике Волжской Булгарии // Ранние булгары в Восточной Европе. — Казань, 1989. — С.87—89.
- ³² Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (луки и стрелы, самострел) VIII—XIV вв. // САИ. — М.: Изд-во АН СССР, 1966. — Вып.Е1—36. — С.73.
- ³³ Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. — М.: Изд-во АН СССР, 1959. — №65. — С.86—87, рис.70.
- ³⁴ Фахрутдинов Р.Г. Очерки... — Рис.23, 1.
- ³⁵ Колchin Б.А. Железообрабатывающее ремесло... — С.82, рис.70.
- ³⁶ Там же. — Рис.67, 6.
- ³⁷ Савченкова Л.Л. Черная металлургия и металлообработка на Болгарском городище // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков). — Казань, 1996. — Табл. IV:50.
- ³⁸ Кокорина Н.А. О технике... — Рис.6:4.
- ³⁹ Шарифуллин Р.Ф. Инструменты ремесленников // Культура Биляра: Булгарские орудия труда и оружие X—XIII вв. — М.: Наука, 1988. — Табл.ХХIII, 5.
- ⁴⁰ Савченкова Л.Л. Черная металлургия... — Табл.IV. 89.

- ⁴¹ Щапова Ю.Л. Стеклянные бусы Древнего Новгорода // МИА. — М.: Изд-во АН СССР, 1957. — №55. — С.176—177.
- ⁴² Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов (Археологические памятники). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966. — Рис.2, с.20.
- ⁴³ Савченкова Л.Л. — Черная металлургия... Табл. IV, 96.
- ⁴⁴ Руденко К.А. Алексеевское селище и могильник («У дамбы») в Татарии // АЭМК. — 1994. — Вып.23. — Рис.3, 6.
- ⁴⁵ Могильников В.А. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии XIII—XIV вв. // Археология СССР: Степи Евразии в эпоху средневековья. — М.: Наука, 1981. — Рис.73, 18.
- ⁴⁶ Колчин Б.А. Железообрабатывающее... — Рис.29, 20.
- ⁴⁷ Савченкова Л.Л. Черная металлургия... — Рис.20, 4, табл.X, 13.
- ⁴⁸ Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Мухамадиев А.Г. Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959—1966 гг. // МИА. — М.: Наука. 1970. — №164. — Табл.IV, 1.
- ⁴⁹ Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие... — С.163, табл.26, 4, 9.
- ⁵⁰ Никитина Т.Б. О характере расселения марийцев во II тыс. н.э. на примере Мало-Сундырского городища и его округи // АЭМК. — 1955. — Вып.24. — Рис.2, 1.
- ⁵¹ Боброва А.И., Мец Ф.И. Ладьевидные сосуды и сосуды с «ушками» у средневекового населения (Тискинский комплекс памятников) // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. — Томск, 1997. — Рис.5.
- ⁵² Денисов П.В. Религиозные верования чuvаш. — Рис.36—38, 51.

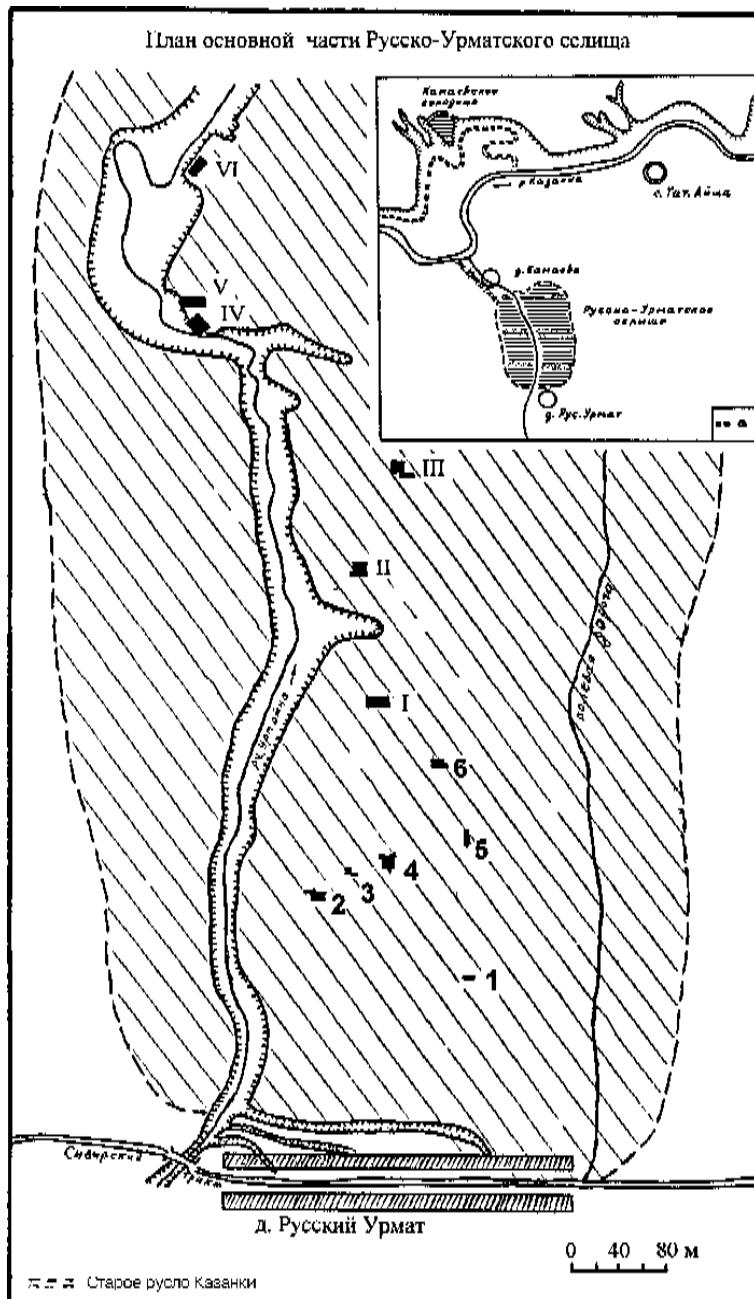

Рис.1. Русско-Урматское селище. Схема расположения и план археологического раскопов: арабскими цифрами обозначены раскопы Н.Ф.Калинина, римскими — раскопы с 1976 г. под руководством Р.Г.Фахрутдинова.

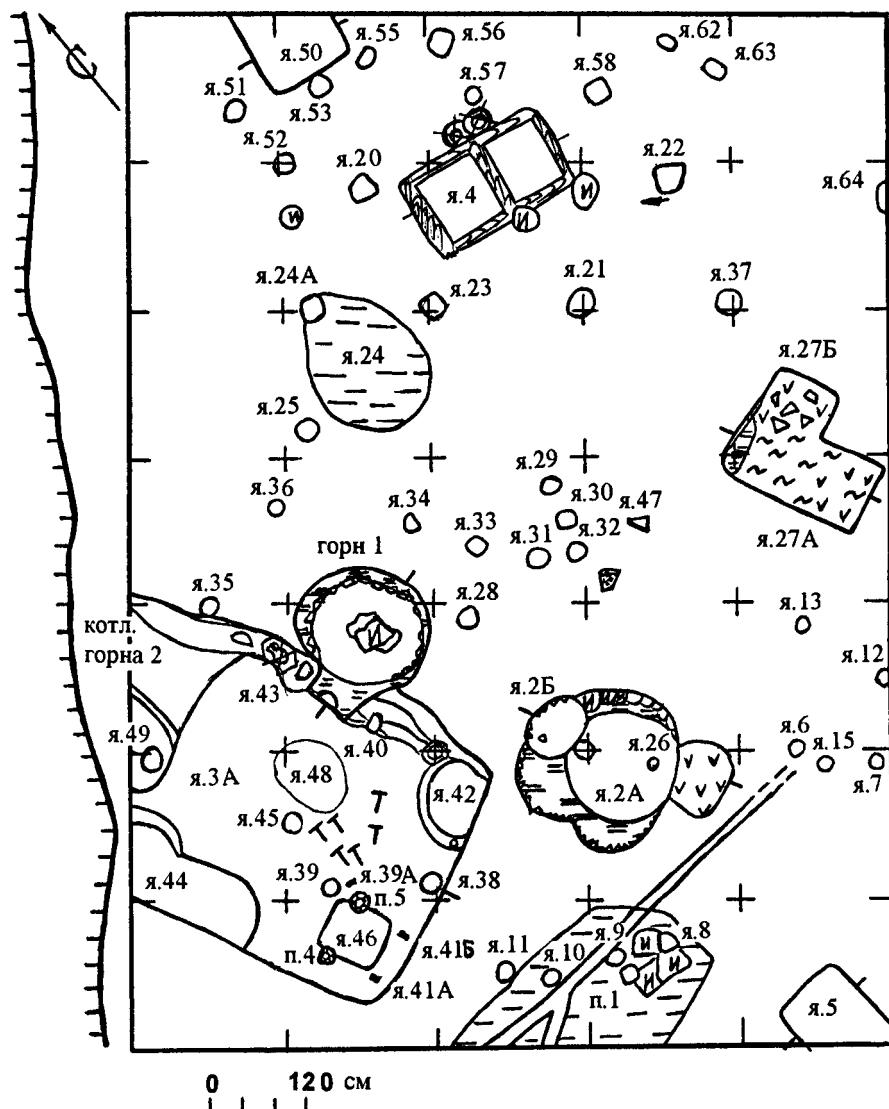

Рис.2. Русско-Урматское селище, раскоп VI. Общий план. 1 — монета; 2 — наконечник стрелы; 3 — фрагменты труб; 4 — развал сосуда; 5 — известняковый камень; 6 — песчаниковый камень.

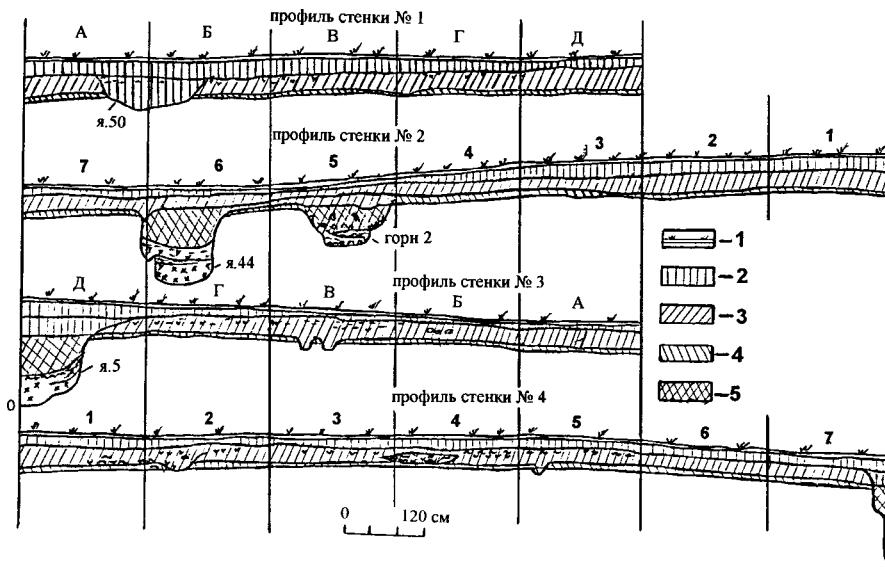

Рис.3. Русско-Урматское селище, раскоп VI. Стратиграфия. 1 — дерн; 2 — темно-серая супесь; 3 — коричневый суглинок; 4 — желто-серый суглинок; 5 — пестроцвет.

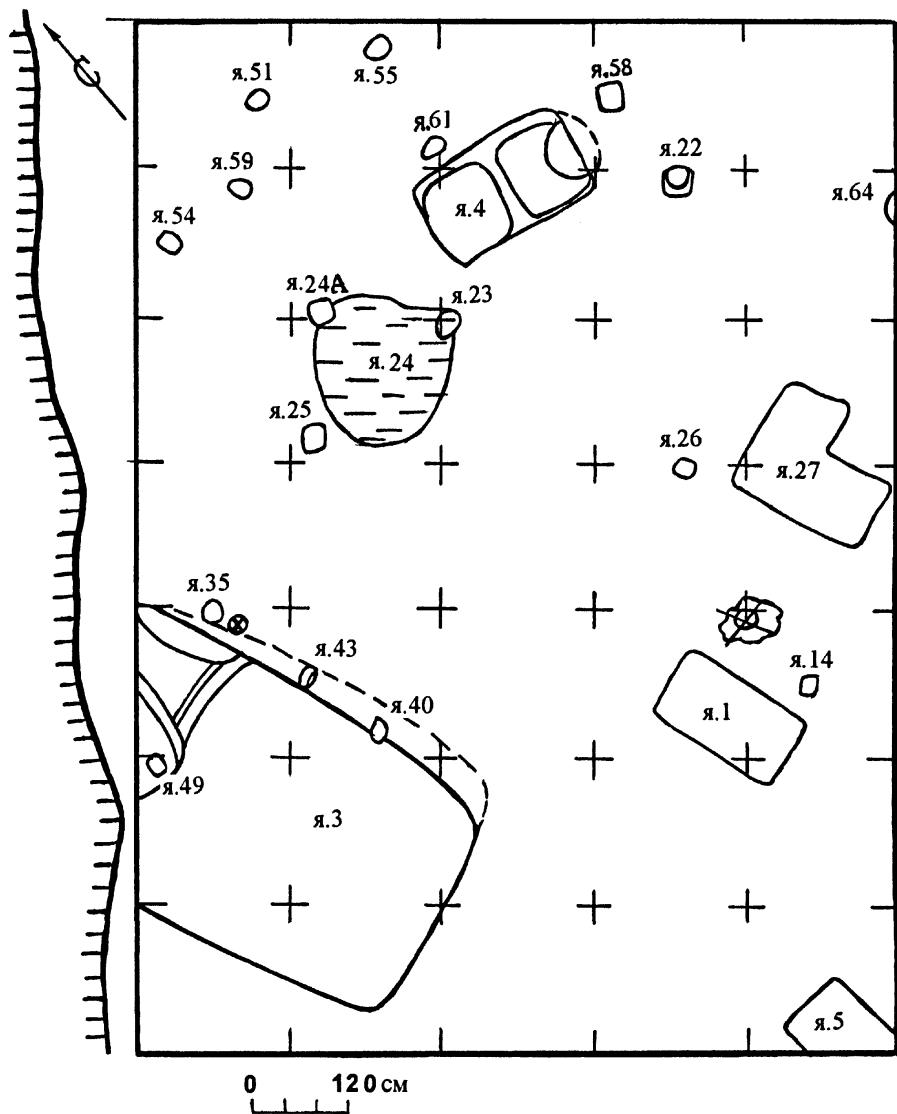

Рис.4. Русско-Урматское селище, раскоп VI. План сооружений нижнего горизонта (-60 см).

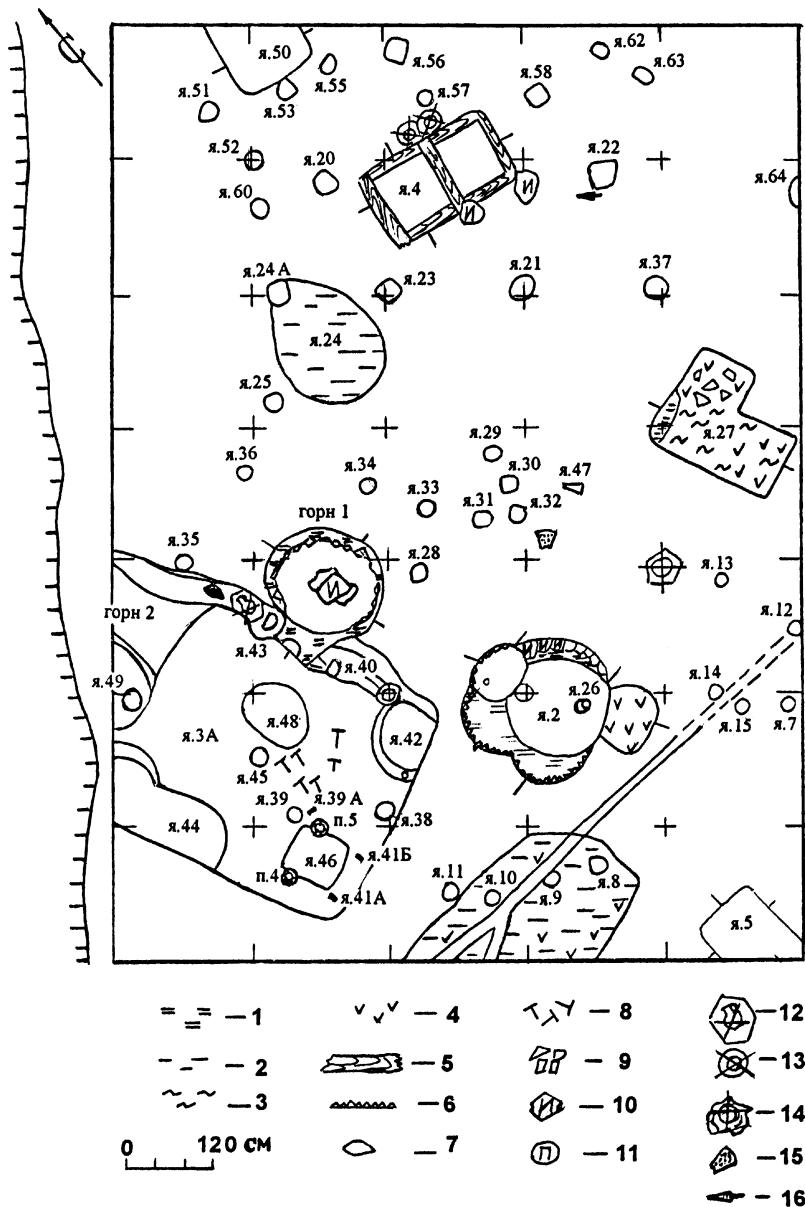

Рис.5. Русско-Урматское селище, раскоп VI. План сооружений среднего горизонта (-30—50 см). 1 — гончарная глина; 2 — печина; 3 — сгоревшие плашки; 4 — угли; 5 — известняковые камни; 6 — валуны песчаника; 7 — зола; 8 — обмазка; 9 — развал кувшина на полке; 10 — остатки кувшина с клеймом «А»; 11 — дымогарные трубы; 12 — следы от чурбаков; 13 — известняковая плита; 14 — фрагмент фернова; 15 — глиняные плитки-заслонки; 16 — развал горшков.

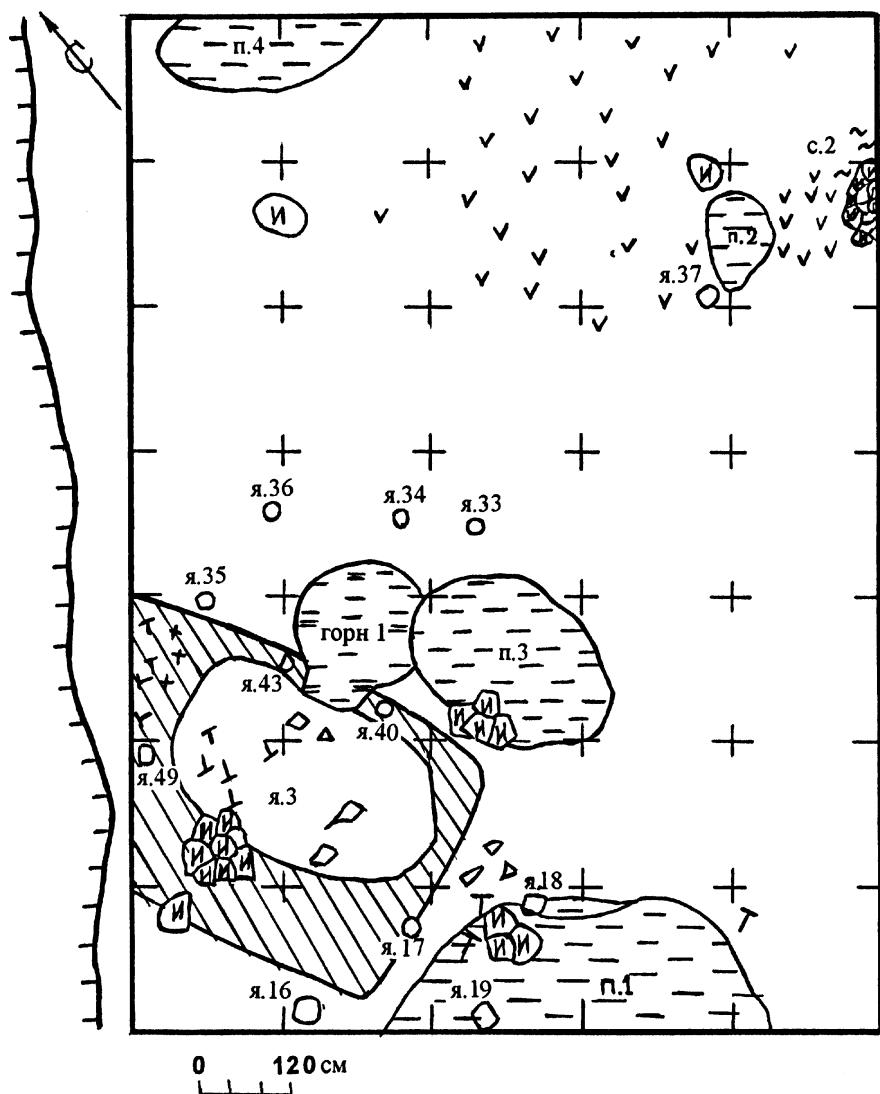

Рис.6. Русско-Урматское селище, раскоп VI. План сооружений верхнего горизонта (-25 см).

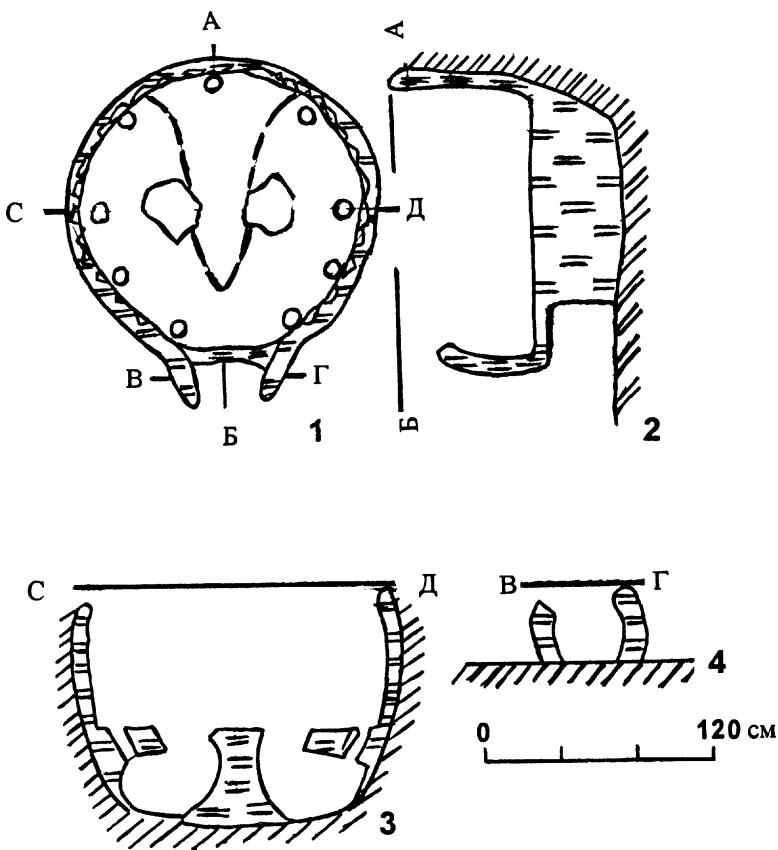

Рис.7. Русско-Урматское селище, раскоп VI. План и сечение горна 1.

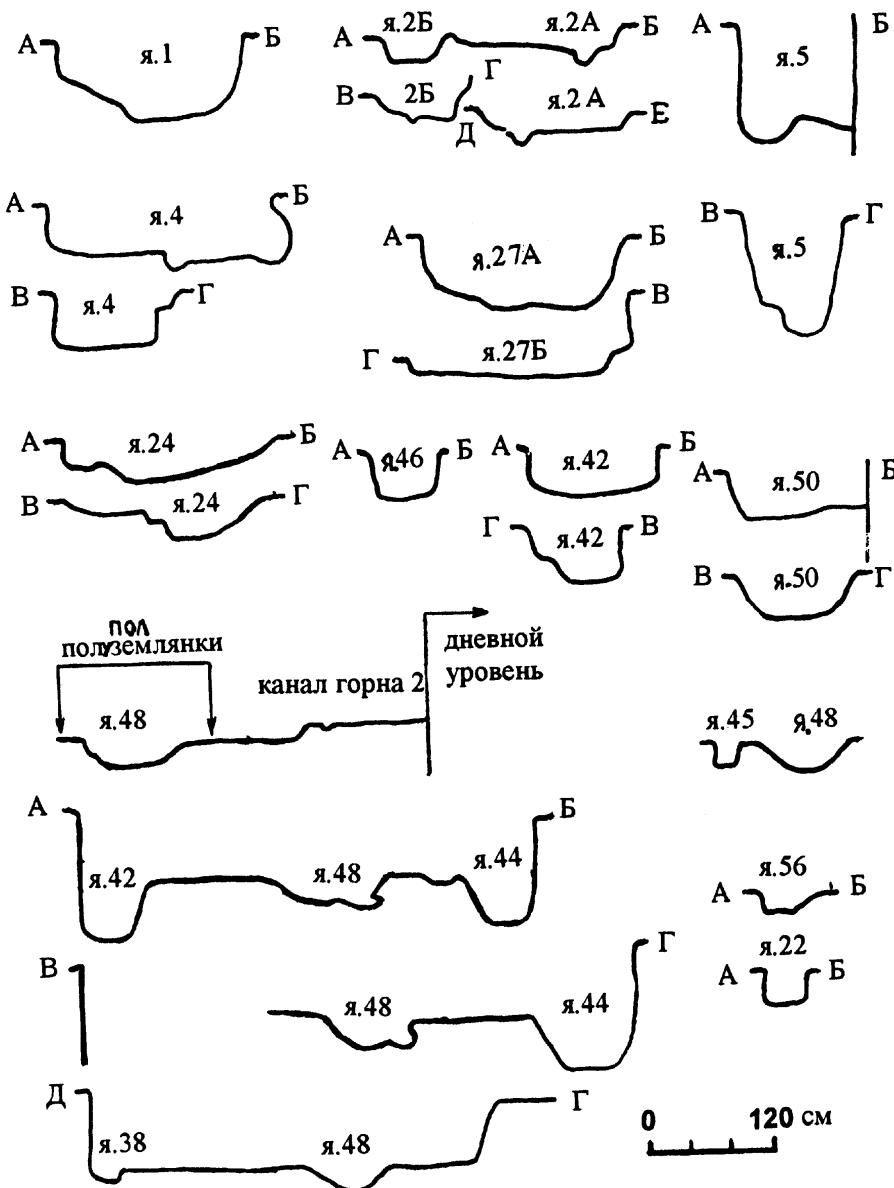

Рис.8. Русско-Урматское селище, раскоп VI. Сечения ям.

Рис.9. Русско-Урматское селище, раскоп VI. Остатки гончарной мастерской с горном (горн 1). Фото Р.Г.Фахрутдинова.

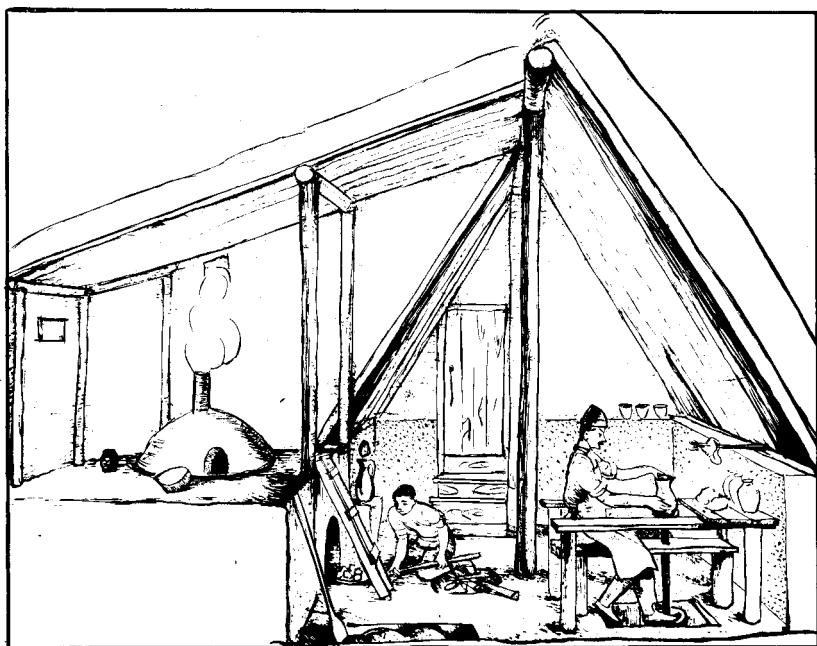

Рис.10. Русско-Урматское селище. Реконструкция мастерской II периода (рисунок К.Нафикова).

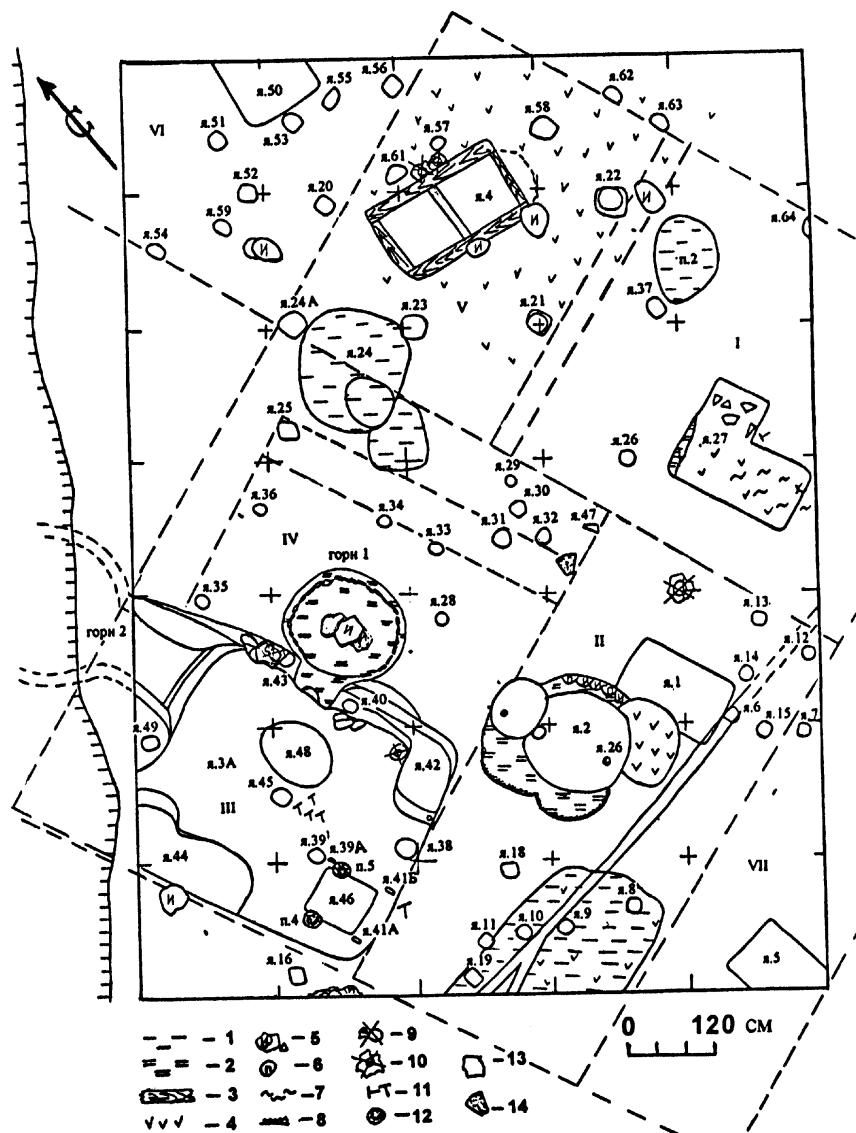

Рис.11. Русско-Урматское селище. Реконструкция плана дома гончара.

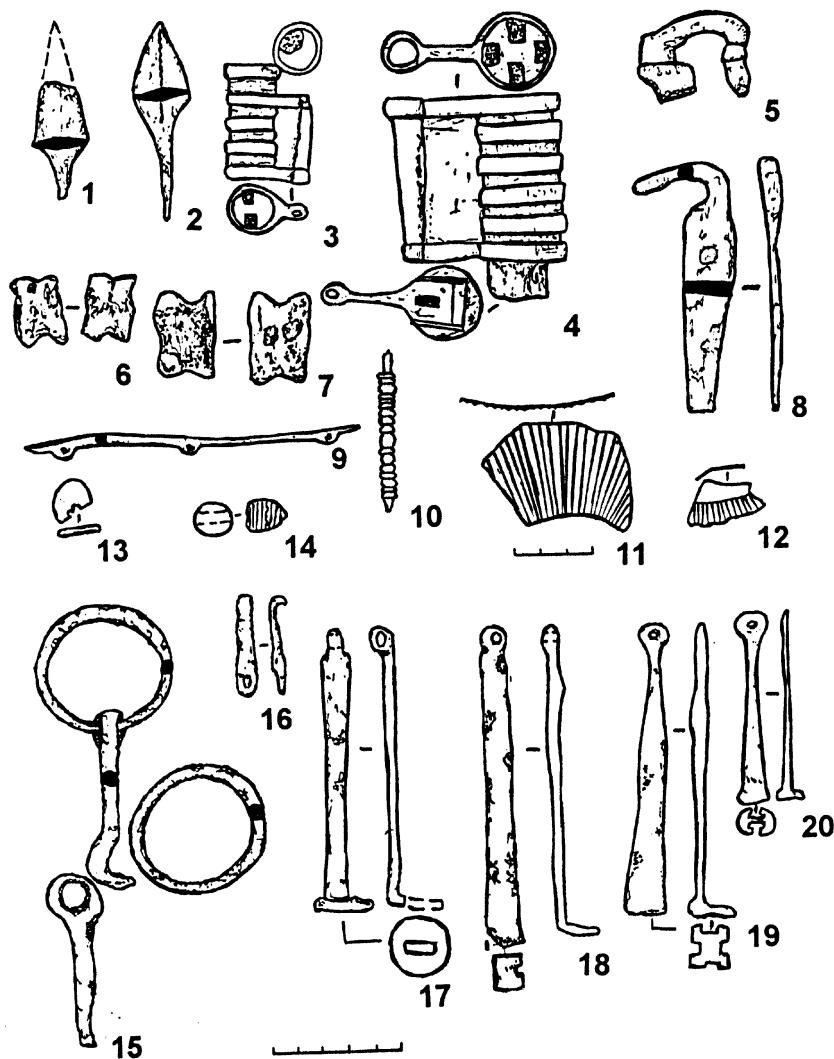

Рис.12. Русско-Урматское селище, раскоп VI. Вещевой материал: 1, 2 — наконечники стрел, Г-2, гл.16, А-4, гл.35; 3—5 — замки, А-2, гл.20, А-4, гл.36, В-4, гл.36; 6, 7 — альчики, яма 3, Д-2, шт.2; 8 — дверной крючок, В-6, гл.26; 9, 10 — детали весов, яма 4, Б-1, гл.36; 11, 12 — фрагменты чаши, яма 3, А-5, гл.140; 13 — пуговица, яма 50, гл.40; 14 — фрагмент бусины, яма 5; 15 — детали удил, яма 4, гл.80; 16 — колчанный крючок, В-2, гл.40; 17—20 — ключи, Б-6, гл.25, В-2, гл.43, Б-6, гл.36, В-2, гл.17. 1—5, 8, 9, 15—20 — железо; 6, 7 — кость; 13, 14 — керамика; 1—12 — бронза; глубина здесь и на рис.12, 13 — в см.

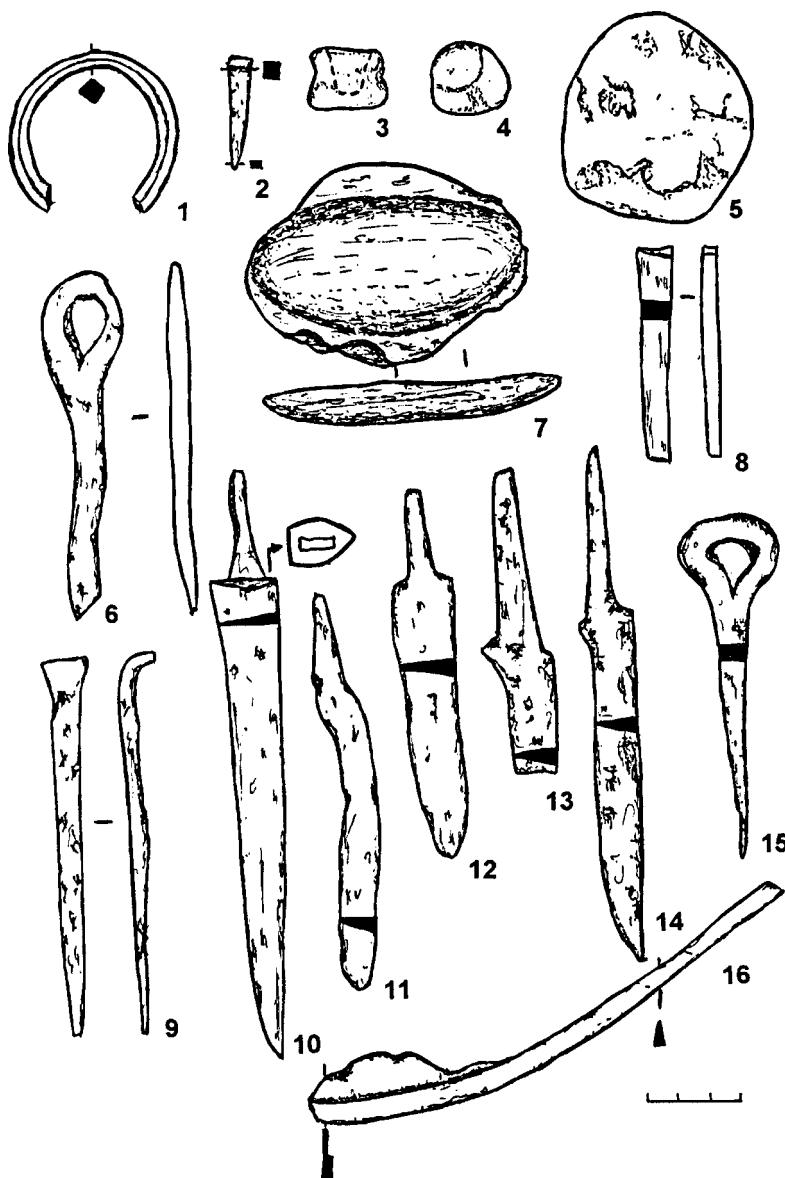

Рис.13. Русско-Урматское селище, раскоп VI. Вещевой материал: 1 — дверная ручка, Б-3, шт.2; 2 — долото, Б-3, шт.2; 3, 7 — миниатюрные сосуды, яма 44 и 3, гл.90; 4 — «хлебец», Б-5, шт.1; 5 — ядро, яма 47; 6 — накладка дверная, Б-2, гл.43; 8 — фрагмент предмета, яма 47; 9 — писало (?), Б-5, шт.3; 10—14 — ножи, яма 4, Г-4, гл.2, яма 3, гл.45, Г-2, гл.28, Д-7, гл.25; 15 — пробой, Г-1, гл.25; 16 — оковка лопаты (?), Г-2, гл.20. 1, 2, 6, 8—16 — железо; 3, 4, 7 — керамика; 5 — камень (известняк).

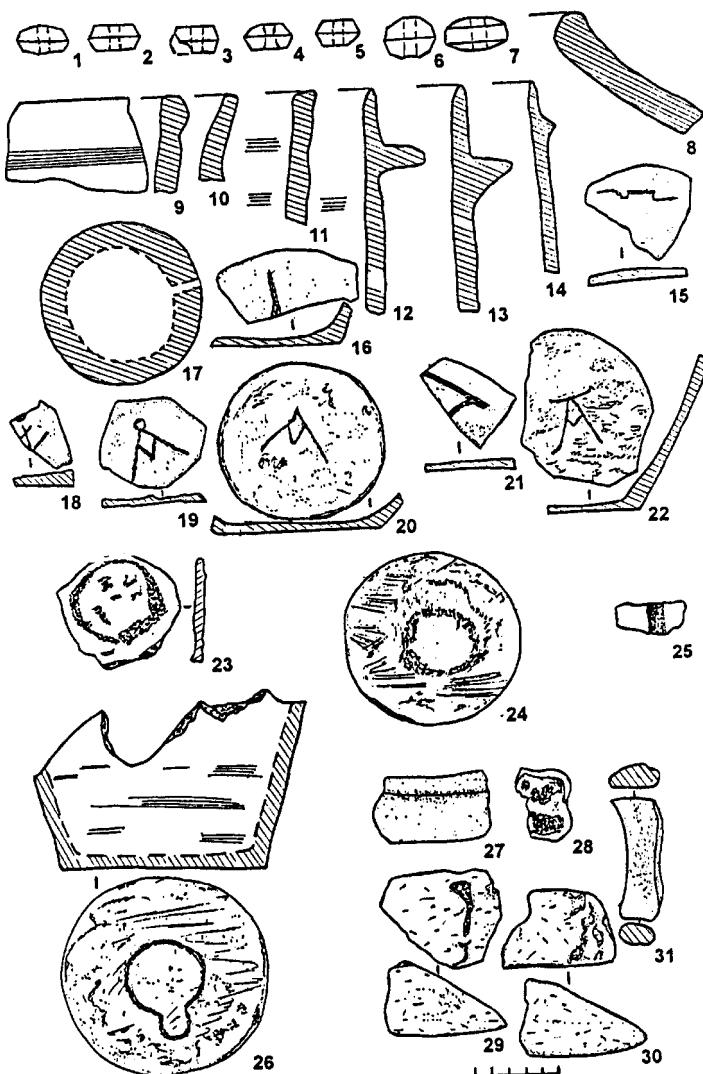

Рис.14. Русско-Урматское селище, раскоп VI. Керамические изделия: 1—8 — пряслица; 9—14 — трубы; 15—22, 26 — донца с клеймами; 23, 24 — донца со следами круга; 25 — обмазка со следами прутьев; 27 — лоцило; 28 — закладка «глазка» горна?; 29, 30 — печные плитки; 31 — прокладка для посуды? 1 — Г-7, гл.30; 2 — Г-3, шт.1; 3 — Д-3, шт.1; 4 — В-4, шт.1; 5, 10, 14 — помещение II; 6, 7, 9, 11—13, 16, 21 — яма 3, позд. гор-т; 8 — край очага, Б-4, гл.30; 15, 26, 28, 31 — яма 44; 17 — яма 3, гл.100; 18 — В-6, шт.1; 19 — из обрыва, II слой, в 8 метрах от угла раскопа; 20 — Д-6, шт.2; 22 — Д-5, шт.2; 23, 24 — яма 5; 25 — горн 1; 27 — яма 48; 29, 30 — яма 3.

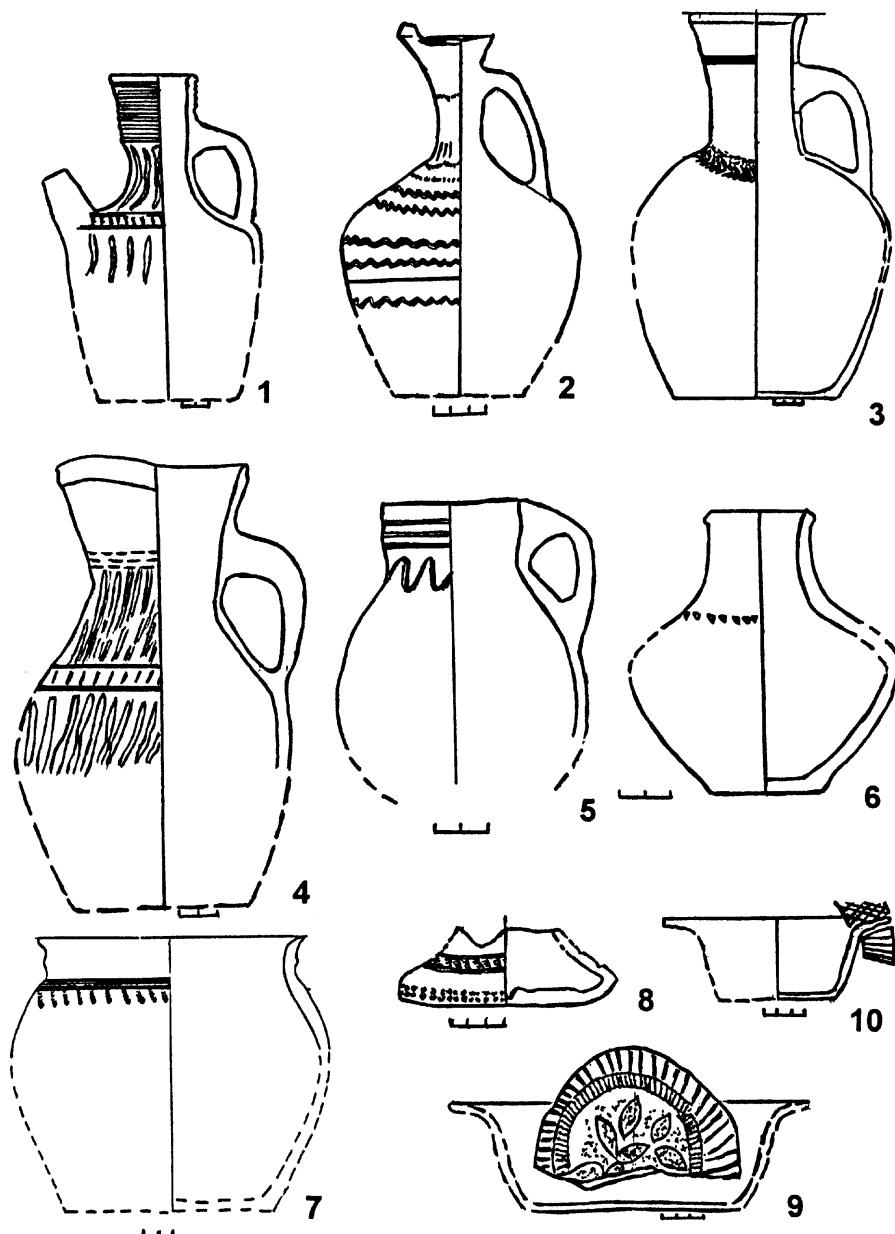

Рис.15. Русско-Урматское селище, раскоп VI. Посуда из мастерской: 1, 3—7 — яма 44; 2 — полка слева от горна 1; 8 — пол рядом с нишней; 9, 10 — горн 1.

Аида Петренко

**К истории исследования проблем
хозяйственной деятельности населения
средневековых городов Среднего Поволжья
(по данным археозоологических материалов)**

В последнее время применения методов естественных и технических наук при работах с историческими материалами из археологических раскопок привлекают все большее внимание ученых-историков. Так, определение и статистическая обработка костных остатков домашних и диких животных, получаемых археологами при раскопках памятников материальной культуры древних людей, позволяют палео-зоологам освещать важные стороны их хозяйственной деятельности, помогая тем самым изучению ряда вопросов, связанных с историей появления и развития производящих форм хозяйства с их социально-экономической направленностью. Эти исследования важны как для историков и археологов, так и для зоотехников и зоологов, поскольку представляются неоценимым вкладом в материалы для изучения истории животноводства, охоты, происхождения и эволюции домашних животных, в изучение вопросов, связанных с изменениями экологической обстановки края.

Таким образом, сегодня значение добытых при раскопках костных (остеологических) материалов оценено по достоинству и не только учеными-историками.

Археологи Среднего Поволжья уже в начале 60-х годов оказались в авангарде в плане имеющихся значительных успехов в синтезе естественных и общественных наук. Огромная заслуга в этой части работ для нашего региона принадлежит профессору А.П.Смирнову, который еще в начале 50-ых годов, при раскопках древнего города Булгара обратил внимание на значительное поступление остеологических материалов из культурных слоев этого уникального археологического памятника. Диагностирование этих материалов впервые было предложено им московскому профессору-зоологу В.И.Цалкину. Результаты работ были опубликованы в 1958 г. в материалах Куйбышевской археологической экспедиции.¹ Начиная с 60-х годов, весь остеологический материал из раскопок, проводимых А.П.Смирновым, а в дальнейшем его учениками с территории города Булгара отбирался систематически на протяжении многих лет. Эти материалы и по сей день диагностируются нами, публикуются, обобщаются и составляют неоценимый вклад в дело изучения истории, хозяйственной деятельности населения одного из крупнейших городов первого государственного объединения на Средней Волге — волжских булгар.

К настоящему времени в результате раскопок как более ранних, так и более поздних по времени существования крупнейших средневековых городов, оставленных булгарским и татарским населением,

дают огромный остеологический материал, который представляет нам уникальную возможность прочесть заключенные в нем интереснейшие сведения из истории хозяйственных традиций древнего населения нашего края. Эта возможность представляется сегодня на основе сравнения остеологических коллекций из археологических раскопок древних легендарных городов Биляра, Булгара, Старой Казани (Камаевское городище).

Научные данные по исследованию остеологических определений 60-ых и 70-ых годов из г.Булгара были нами ранее опубликованы.² Однако, к настоящему времени для обобщения вновь собран значительный фактический материал. Как и в работах прошлых лет, так и в коллекциях 80-ых и 90-ых годов, преобладают остатки девяти домашних видов. В их число входят: крупный рогатый скот, овца, коза, лошадь, верблюд, осел, кошка, собака, свинья. Дикие виды представлены единичными костями охотничье-промысловых животных: бобр, заяц, куница, волк, медведь, лисица, кабан, косуля, лось, кулан, сайгак.

Основная масса костей является «кухонными» остатками, т.е. в какой-то части вещественными свидетельствами животноводческой и охотничье-промышленной деятельности населения сельской округи золотоордынского периода существования города. Основная часть остеологического материала происходит из слоя IV, который датируется второй половиной XIII—XV в. н.э.³

Первое место как по числу костей, так и особей, принадлежит остаткам мелкого рогатого скота, среди которых преобладают кости овец. Крупный рогатый скот занимает второе место по числу особей и остатки его не превышают 23,8% от общего числа сельскохозяйственных видов. Число диагностированных особей овец и коз намного больше — от 50,7 до 81% (в зависимости от территории раскопов). Некоторое снижение данных этих видов и увеличение остатков крупного рогатого скота наблюдалось на тех территориях, где наряду с золотоордынским слоем имелись более ранние слои, как правило, сильно нарушенные (раскоп 42).

В целом сохранность костей вышеотмеченных домашних видов плохая. Сравнительно редки находки остатков черепов крупного рогатого скота. Преобладают фрагменты костей нижнего отдела конечностей, единичны экземпляры стержней рогов. Возрастной анализ убитых на мясо животных позволяет считать, что основная масса их имела возраст старше 3,5 лет, свидетельствуя о мясо-молочном использовании животных этого вида в хозяйствах.

Фрагменты мозговой части черепа, отдельные нижние челюсти, роговые стержни с межротовой частью повествуют о разнообразии породных характеристик булгарского скота. Преобладание роговых стержней быков и волов позволяет предполагать, что большая часть коров была представлена комолыми особями. В целом в «кухонных» остатках города прослеживаются три разновидности крупного рогатого скота: брахицерного, примигенного и комолового типа. Порода скота первой группы считается очень древней и имеет удивительное

сходство с европейским бурым скотом⁴ изящного сложения, с небольшими и относительно тонкими роговыми стержнями. Окраска шерсти была большей частью темная. В Европе к этой породе причисляли и польский красный скот, который был широко представлен в Северной России. Крупный рогатый скот примигенного типа — крепкого сложения, с большими или средней величины рогами. К нему относили «степной» и «подольский» скот, считавшийся хорошим исходным материалом для использования в рабочих целях, но отличавшийся худшими молочными качествами. Он был широко распространен в Юго-Восточной Европе. Возможно, этот крупный, грубокостный скот с длинными роговыми стержнями, попадал к булгарам от кочевников. В их многочисленных стадах домашних животных были широко представлены быки и волы, которых использовали не только при перевозке тяжестей, кочевых повозок, но и на продажу для дальнейшего использования в сельском хозяйстве. Данные по пересчетам таких костей нижнего отдела конечностей крупного рогатого скота как пястных и плюсневых, наиболее частых в находках, подтвердили данные о разнородности булгарского скота. На основании длины этих костей высота в холке животных определяется в следующих цифрах: для коров: 100,9—125,5 см, при средней величине 114,5 см, для быков — 109,4—131,6 см, при средней величине — 118,35 см, для волов — 123 см.

Морфологические исследования наиболее многочисленных материалов из коллекций костей овец в подавляющем большинстве представлены остатками особей в возрасте 1,5—2 лет и старше. Около 70% пястных костей, промеренных в остеологических материалах овец, свидетельствуют о том, что особи с наибольшей длиной 132—146 мм более характерны для булгарских материалов. Относительная ширина средней части пястной кости (диафиза) варьирует в пределах 10,1—14,5%. 80% плюсневых костей имеют наибольшую длину 147—161 мм при относительной ширине диафиза 9,9—11,7%.

Вычисленный на основании наибольшей длины пястных и плюсневых костей рост в холке овец, диагностированных из коллекций различных раскопов г.Булгарा равен в среднем 67,94 и 70,94 см. При пересчете наибольшей длины пяткочных и таранных костей по методу М.Тайхерта⁵ на высоту в холке получаются близкие результаты — 73 см. Хотя следует отметить, что кости заднего отдела конечностей дают, как правило, несколько более высокие показатели высоты в холке, чем передние, где-то в среднем на 2—3 см.

Кости лошадей из Булгары как по числу фрагментов, так и по числу употребленных в пищу особей представлены в меньшинстве, по сравнению с вышеописанными видами и составляют от 3,2% до 18%, а в среднем не более 10%.⁶ В большинстве остеологические остатки вида представлены отдельными костями пястных, плюсневых костей и большими фалангами. Черепа лошадей, а точнее их фрагменты принадлежали большей частью к категории «широкобыльных» лошадей, согласно классификации В.И.Громовой,⁷ при значитель-

но меньшем числе особей «среднелобых» и «узколобых». По индексу тонконогости А.А.Браунера⁸ основную массу этого вида «кухонных» остатков города Булгара составляют «тонконогие» и «средненогие» животные. Представленные из многолетних коллекций кости лошадей показали разнообразие животных в плане высоты в холке, которая колеблется в значительных пределах — от 115 до 144 см. Сравнительно немногие имели рост минимальных и максимальных величин — 125 см и 144 см. Группа лошадей «степного» типа высотой 135—140 см была наиболее распространенной.

По сравнению результатов видового анализа за многие годы работ отмечается относительное постоянство процентных соотношений между домашними сельскохозяйственными видами животных из раскопок города Булгара. По числу особей, на первом месте — кости овец, несколько меньше остатков крупного рогатого скота и мало лошадей, костные фрагменты свиней и верблюда в определения редки, хотя мясо их употреблялось в пищу. Собаки и кошки попадали в «кухонные» материалы случайно и в пищу местным населением не употреблялись. Эти устойчивые данные, свидетельствующие о характере мясного питания города в золотоордынский период его существования, несмотря на отличия этнических и социальных характеристик различных частей города, которые были исследованы археологами, а остеологический материал с фиксацией этих данных передавался нам на определение, объясняется стойкостью хозяйственных традиций местного болгарского населения. Существующие сведения древних авторов⁹ о наличии у волжских булгар большого числа шкурок куниц, соболей, бобров и белок, представлявших основной предмет экспорта, не находят подтверждения в остеологическом материале об активной занятости охотой самих булгар. Остатки от дикой охотничье-промышленной фауны на всех раскопах встречаются, но в виде единичных находок. В связи с этим можно полагать, что в жизни местного населения охота не имела большого значения, а ценные шкурки пушных зверей попадали к ним либо в виде обмена от северных соседей — финно-угров, охота в жизни которых играла огромную роль,¹⁰ либо в виде дани. Весьма многочисленны в остатках кости осетровых рыб и домашней птицы (гуси, куры, утки).

По данным известных летописцев (Иbn Русте, Иbn Фадлан, Мукаддаси и др.), имеются свидетельства того, что булгары имели многочисленные поголовья коней и своему царю платили подать лошадьми. Основным же богатством их считался мех куницы, служивший их денежной единицей, а также кожа (юфть, сафьян). Мукаддаси писал об экспорте булгарских товаров, вывозимых через Хорезм в более южные страны и обращал особое внимание на вывоз из Волжской Булгарии мехов куниц, бобров, козьих шкур, крупную рыбу, бобровую струю, овец, рогатый скот и другие товары. Как эти данные представляются нам в свете имеющихся у нас остеологических материалов? Какой экспорт был собственно булгарским? Ответ представляется однозначным. Несомненно, на волжских просторах Булгарского государства ловилась

осетровая рыба, разводилась крупная порода овец типа «черкасской», о которой писал в своих работах Н.П.Чирвинский¹¹ особо подчеркивая достоинства ее блестящей белой шерсти и высоту 71—78 см в холке. Об особой ценности этой древнейшей исчезающей породы и необходимости ее сохранения и распространения напоминал автор, описывая аборигенный скот Казанской губернии. И хотя Ибн Фадлан писал, что овец булгары покупали у башкир, нет сомнения в том, что и сами они таковых разводили на продажу, а породу сохраняли. Кроме того, известны данные Вильгельма де Рубрука, который, сообщая о кочевании Батыя со стадами скота по волжским берегам, писал, что с конца января по август он поднимался вверх по Волге выше Булгара, а в августе начинал спускаться вниз и зиму проводил в своей ставке в Саре.¹² Марко Поло, говоря о кочевой жизни татар и описывая их способ передвижения во время кочевок, упоминал, что в телеги впрягали волов и верблюдов.¹³

При сравнении видовых соотношений и породных характеристик между основными домашними сельскохозяйственными животными из остеологических коллекций золотоордынских Сарай, Хорезма и Булгара мы можем свидетельствовать, что основу мясной пищи населения, оставившего эти памятники, составлял скот кочевников. Сами же кочевники приобретали зерно у земледельческих оседлых булгар в обмен на скот. Таким образом, мы можем объяснить исключительное сходство породных данных части булгарского скота со «степным» и в том числе быков, волов, крупных овец и лошадей. С годами происходило вырождение этого скота в лесных и лесостепных условиях, чему свидетельством являются и находки в остатках «лесного» скота и лошадей. Но несомненным является и тот факт, что булгары сами знали толк в содержании этого породного скота и старались его сохранять, так как от продажи его в более северные районы они имели взамен ценные меха куниц, бобров, белок, лисиц, бобровую струю.

Булгары, жившие в условиях большого торгового города и близ него, строили свое животноводческое хозяйство с учетом максимального товарного использования. От крупного рогатого скота, судя по остеологическим данным возрастного анализа костей из «кухонных» остатков Булгара и сельской округи, население получало мясные и молочные продукты от овец — шерсть, кожу, смушку, мясо. От рыбной ловли — осетровых рыб. От продуктов земледелия — пшеницу, ячмень, просо. По сведениям Ибн Фадлана, в национальной кухне булгар славились мед и напитки из меда, а мед они собирали в лесу, занимаясь бортничеством. Кроме того, этот продукт несомненно поступал как от русов, так и от древних марийцев. Однако, следует отметить, что огромный объем товарной продукции булгары получали от торговли с народами более северных территорий.

Чтобы более ярко представить специфику хозяйственной деятельности населения города Булгара золотоордынского периода его существования, мы сочли целесообразным сопоставить и «кухонные»

материалы более раннего булгарского города Биляра домонгольского времени и более позднего Камаевского городища периода Казанского ханства, известного в исторической литературе как Иски Казань (Старая Казань). Объединяет все эти города два исторических момента. Один, это тот, что все три памятника расположены в лесостепи Среднего Поволжья и на период исторической жизни они имели идентичные природные условия. Не менее важным является и другой фактор, что эти города были оставлены тюркоязычным булгаро-татарским населением, с мусульманской религией. Общеизвестно, что каждой географической среде присущи определенные виды как домашних, так и диких животных. Более того, в большой зависимости от природных условий находятся и определенные соотношения между домашними видами. И конечно, скотоводы всегда стремились поддерживать такой состав стада, который был выгоден для определенных климатических условий. Так, в северных районах Среднего Поволжья испокон веков преобладало разведение крупного рогатого скота и лошадей, в лесостепных районах — крупного рогатого скота и свиней, в южных оstepненных — крупного рогатого ската и овец. Нарушения в соотношениях видового состава зачастую возникало в связи с религиозными изменениями, социально-экономической направленностью в хозяйстве, либо этно-традиционными. И поэтому, с этой точки зрения, исследования специфики остеологических данных представляют немалый интерес.

Изучение остеологического материала из столицы Волжской Булгарии г.Биляра домонгольского периода также свидетельствует о подавляющем преобладании как числа костей, так и особей домашних сельскохозяйственных животных в «кухонных» остатках, хотя среди них и зафиксированы единичные кости семи видов охотничьепромысловых животных, в числе которых кости бобра, куницы, лисы, кабана, северного оленя и лося.

Рассмотренные соотношения между дикими и домашними видами на основании статистических данных свидетельствуют о том, что охота не имела значительной роли в жизни местного населения и сильно уступала занятости животноводческой деятельностью. Последняя вместе с земледелием составляли основу экономической жизни города и округи у раннебулгарского населения. Основным продуктом мясного питания города Биляра был крупный рогатый скот, т.к. выход говяжьего мяса от каждой забитой коровы в среднем в 20 раз (в весовом соотношении) больше, чем от одной в овцы. Поэтому, несмотря на некоторое сравнительно небольшое преобладание процентных данных по особям овец в билярских остеологических материалах, мы свидетельствуем лишь о большем числе убитых на мясо голов овец, но не о большем значении их в питании города.

По данным числа использованных на мясо лошадей и их возрастным показателям, можно говорить, что этот вид животного сравнительно реже употреблялся в пищу мусульманским населением, а был особо ценным для хозяйственных и военных дел.

Встреченные единичные кости от домашней свиньи являются в данном случае фактом проживания среди мусульманского населения города и округи незначительной части иноязычного ремесленного люда, употреблявшего в пищу свинину. Более того, есть основания считать, что этот вид животных не разводился в местном хозяйстве, а был привезен, как мясная пища, со стороны. Постоянные находки костей верблюда, и единичные—северного оленя, несомненно использованных в пищу, являются достоверным подтверждением широких торговых связей городского населения не только со странами Причерноморья и Средней Азии, откуда и прибывали многочисленные караваны с верблюдами, но и далекими северными регионами. Свидетельствуя о значительных находках костей от крупного рогатого скота в «кухонных» остатках города Биляра и особенно о значительном числе их от волов, которые широко использовались в земледельческом хозяйстве и имели чаще признаки южного скота, мы можем говорить об устойчивой оседлости в целом раннебулгарского населения.

Данные морфологических исследований остеологического материала билярских коллекций, основанные на серийных промерах, подтверждают ранее имеющиеся предположения о преобладании в хозяйствах ранних булгар лошадей «степного» типа, крупнопородных овец «черкасской» и «хиссарской», а также сравнительно многочисленного поголовья рабочих быков и волов с породными признаками южного скота с длинными массивными рогами и с высотой в холке иногда до 135 см.

Остеологический материал из Камаевского городища, который также лег в основу настоящей статьи, был получен Р.Г.Фахрутдиновым в результате проведенных им археологических раскопок на данном историческом памятнике в 1970—1980 гг. Однако еще до этого, в 1960 г., на Камаевском городище были проведены рекогносцировочные работы А.П.Смирновым для уточнения датировки этого памятника. Исследователем был отмечен поздний характер, материала городища — XIV-XV вв.¹⁴

Костный материал отличался плохой сохранностью, представляя собой «кухонные» городские остатки. Черепа домашних сельскохозяйственных животных, которые диагностированы в преобладающем большинстве по сравнению с единичными костями охотниче-промышленных видов, разбиты и представлены разрозненными зубами, либо мелкими фрагментами самих черепов, либо нижних челюстей. Целых трубчатых костей в раскопках Камаевской экспедиции почти нет, за редким исключением фаланг, таранных и пяткочных костей, по промежрам, на которых есть возможность судить о некоторых внешних особенностях убитых на мясо животных.

Из общего числа костей, которые удалось определить, на долю млекопитающих приходится 98,4%; птиц — 1,5%; рыб — 0,1%. Домашние сельскохозяйственные виды (табл.1) по числу костей составляют 97,3%. Такое резкое преобладание домашних животных над дикими свидетельствует о том, что роль последних в питании

жителей города была незначительной, а продукция животноводческой округи вполне обеспечивала мясом городское население.

Таблица 1
Данные соотношения видов животных по числу особей (в %) из материалов Камаевского городища, раскопанного Р.Г.Фахрутдиновым

Виды животных	Годы раскопок					Средние данные
	1972	1976	1979	1981	1983	
Крупный рогатый скот	76,7	39,9	46,0	37,4	35,5	49,6
Мелкий рогатый скот	5,5	20,0	22,0	25,0	44,6	23,6
Лошадь	16,4	20,0	26,0	30,4	16,9	21,6
Верблюд	-	-	2,0	1,8	-	0,7
Осел	-	-	2,0	-	-	0,4
Собака	-	6,7	-	1,8	1,5	1,2
Заяц	-	-	-	-	1,5	0,4
Барсук	-	6,7	-	-	-	0,4
Суслик	-	6,7	-	-	-	0,4
Лисица	-	-	2,0	-	-	0,4
Лось	1,4	-	-	1,8	-	0,7
Северный олень	-	-	-	1,8	-	0,4

Как видно из данных табл.2, по сравнению с другими видами животных, наибольшее число особей диагностировано по крупному рогатому скоту, что составляло 52,4%. Около половины костей этого вида принадлежало молодым особям в возрасте 2—3 года. Другая половина принадлежала животным старше 6 лет.

Судя по находкам стержней рогов и морфологическим характеристикам исследованных костей конечностей, крупный рогатый скот из Камаевского городища представляется в большинстве грацильным «лесной» породы, редко грубокостным с небольшими роговыми стержнями.

По количеству определенных костей на втором месте в остеологической коллекции Камаевского городища остатки лошадей (27,7%). Сохранность их также очень плохая, 25—30% употребленных в пищу лошадей были убиты в возрасте 2—3 года (до 5 лет), 30% — 6—7 лет и более 40% старше 10—12 лет. Полученные единичные промеры на пятончных и костях метаподий свидетельствуют о сравнительно малых размерах камаевских лошадей — 133—137 см высоты в холке, что соответствует категории мелких, малорослых лошадей «лесного» типа.

Таблица 2
Соотношение между основными сельскохозяйственными видами животных (по числу особей в %), по данным суммарного анализа «кухонных» остатков из Камаевского городища

Вид скота	Особи	%
Крупный рогатый скот	129	52,4
Мелкий рогатый скот	61	24,8
Лошадь	56	22,8
Итого	246	100

Остатки мелкого рогатого скота диагностированы в сравнительном меньшинстве и составляют 12,3% по числу костей. Удалось промерить только единичные экземпляры. Половина диагностированных костей — от молодых особей до 2-х лет. На последнее обстоятельство указывает состояние зубной системы и отсутствие эпифизов (суставные концы трубчатых костей) у многих экземпляров, в том числе на пястях и плюснах. Черепа представлены нижними челюстями и единичными стержнями бараньих и козьих рогов. В преобладающем большинстве дифференцированные по видам кости мелкого рогатого скота принадлежат овцам с высотой в холке около 69—72 см.

Кости собак редки в остатках, в питании не использовались, и, судя по сохранности, попадали в «кухонные» остатки случайно.

Различия, обнаруженные нами при сопоставлении характера мясного питания у населения трех древнейших вышеописанных столичных городов, оставленных булгарским и татарским населением Среднего Поволжья, а также в животноводческой направленности хозяйств, где разводился и содержался этот домашний скот, заслуживают внимания. Причина этих отличий нам представляется в специфике исторической направленности жизни, хозяйственного уклада населения этих исторических памятников.

Домонгольский Биляр был своеобразным городом, с обширной сельской окружной, население которой активно занималось животноводством и земледелием для выращивания хлебов, причем с широким использованием быков и волов. Лошадей приобретали периодически у кочевников юга уже взрослых в обмен на зерно и старались целенаправленно использовать их для верховых, военных целей. В пищу попадали они случайно и специально на мясо не выращивались. Баранина, в сравнении с говядиной, была более редким мясным продуктом. И как следствие — значительное преобладание в остеологических коллекциях с Билярского городища костей коров, быков, волов.

В золотоордынском городе Булгаре основным мясным продуктом была баранина. Город представлял собой главнейший торговый центр Среднего Поволжья, куда с севера на юг шла на продажу пушнина (бобры, куницы, соболя, белки), а с юга степняки гнали на продажу

коней, овец, крупнопородный скот в обмен на зерно и пушину. Случалось так, что баранина была наиболее пригодным и экономичным мясным продуктом в использовании как для мусульманского, так и для иноязычного торгового люда, а бараны шкуры и смушка являлись также отличным местным товаром, который пользовался большим спросом.

Население более поздней Иски Казани отдавало сравнительно большее предпочтение конскому мясу, наряду с говядиной, т.к. поголовье этого вида животных порой преобладало и в сельской округе, не говоря уже об удельном потреблении. Кроме того, в самом городе, являвшемся военным форпостом и местом обитания знати, шла постоянная выбраковка лошадей, когда порой молодняк, либо относительно старые кони должны были идти на мясо. Все это было причиной сравнительно активного употребления в пищу конины.

Общими чертами исследуемого остеологического материала трех городов является то, что состав диких животных, кости которых встречаются в культурных слоях, не отличались разнообразием. Более того, в «кухонных» остатках трех столичных городов кости охотничьепромысловых видов были редки. Таким образом, представляется очевидным, что значение охоты в экономической жизни древних булгаротатарских городов следует признать весьма ограниченным.

Не менее существенным является факт полного исчезновения из питания населения Биляра, Булгара и Иски Казани домашних свиней. Единичные находки фрагментов костей этого вида животных являются редкими свидетельствами присутствия в городах иноязычного, немусульманского ремесленного населения, с появлением которого иногда попадали в «кухонные» отходы эти пищевые остатки.

Таблица 3

Процентные соотношения между важнейшими видами домашних сельскохозяйственных животных из раскопок средневековых городов

Археологический памятник	Число особей в %			
	Крупный рогатый скот	Мелкий рогатый скот	Лошадь	Верблюд
Биляр (X-XIII вв.)	31,6	63,6	4,4	0,4
Булгар (X-XIV вв.)	11,7	80,2	7,2	0,9
Иски Казань (XIV-XVI вв.)	52,0	24,6	22,6	0,8
Сарай-Берке (XIV в.)	22,6	64,4	11,5	1,5
Хорезм (XIV в.)	6,0	89,0	4,7	0,3
Казанский Кремль (слой XV-XVI вв.)	27,9	33,3	33,3	5,5

Видное место принадлежало домашнему скоту, который был закуплен у кочевников юга. И только в более поздней Иски Казани этот фактор несколько изменяется, уступая местным «лесным» популяциям, что возможно объясняется какими-то изменениями в военно-политической обстановке края, и связанными с этим фактом торговыми отношениями с севером и югом.

При сопоставлении количественным соотношением сельско-хозяйственных животных трех средневолжских булгаро-татарских городов с двумя южными — Сараем-Берке¹⁵ и Хорезма¹⁶ XIV в. н.э., а также с материалами из раскопок Казанского кремля (слой XV-XVI вв.)¹⁷ прослеживаются интересные черты сходства домонгольского Биляра и Саarya-Берке, золотоордынского Булгара и Хорезма и, наконец, Иски Казани и Казанского Кремля (табл.3). Трудно объяснить данную ситуацию. Но, скорее всего, это было связано с этно-социальными причинами.

Примечания:

- ¹ Цалкин В.И. Фауна из раскопок памятников Среднего Поволжья // МИА, 1958, №61. — Т.II.
- ² Петренко А.Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. — М., 1984.
- ³ Смирнов А.П. Основные этапы истории города Болгара и его историческая топография // МИА, 1958, №41; Он же. Новые данные об исторической и социальной топографии города Великие Болгары: Города Поволжья в средние века. — М., 1974. — С.8.
- ⁴ Келлер К. Естественная история домашних животных. — М., 1908. — С.129—140, 151.
- ⁵ Teixert M. Osteometrische Untersuchungen zur Berechnungen der Wiederristhöhe bei Schaffen // Gn: Archaeozoological Studies. Amsterdam, 1975. — S.51—69.
- ⁶ Петренко А.Г. Фауна древнего города Болгара // Вопросы древней и средневековой археологии Европы. — С.232—233.
- ⁷ Громова В.И. История лошадей (рода *Eguus*) в Старом Свете. Ч.1 // Тр.Палеонт.ин-та АН СССР, 1949. — Т.XVII. — С.148, 153.
- ⁸ Браунгер А.А. Материалы к познанию домашних животных России. 1 — Лошадь Курганных погребений Тираспольского уезда Херсонской губернии // Записки Общества сельского хозяйства Южной России. — Одесса, 1916. — №.86, кн.1.
- ⁹ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Пер. и примеч. под ред. академика И.Ю.Крачковского. — М.-Л., 1939.
- ¹⁰ Андреева Е.Г. Домашняя и дикая фауна городища Аниюшкар // Учен. зап. ПГУ (Пермь). — 1960, вып.1.
- ¹¹ Чирвинский Н.П. Разводимые в России породы грубошерстных *овец* // Избранные сочинения. — М., 1971. — Т.2. — С.73, 90, 91.
- ¹² Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Перевод Малеина. — СПб., 1911. — С.135, 168.
- ¹³ Марко Поло. Книга Марко Поло. — М., 1956.
- ¹⁴ См.: Фахрутдинов Р.Г. Исследования Старой Казани // СА. — 1984, №4. — С.91.
- ¹⁵ Цалкин В.И. Домашние животные Золотой Орды // Бюллетень МОИП, отд.биол.наук. — 1967. — Т.XVII (1).
- ¹⁶ Цалкин В.И. Фауна из раскопок Кара-Кума // КСИА. — 1968, вып.114.
- ¹⁷ Петренко А.Г. Древнее и средневековое... — С.169.

ХРОНИКА

Памяти А.П.Смирнова. Научная конференция

26-29 мая 1999 года в городе Булгаре проводилась научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения всемирно известного археолога и историка А.П.Смирнова, организованная Болгарским государственным историко-архитектурным заповедником. В работе конференции участвовали 82 человека — ученые и музейные работники Москвы, Санкт-Петербурга, Уфы, Чебоксар, Казани, Самары, Пензы, Ульяновска, Стерлитамака, Елабуги, Булгара. В рамках работы конференции проведено зональное совещание «Музей в жизни региона». На конференции заслушано сорок пять докладов по истории, историографии, археологии, нумизматики, искусству, архитектуре древнего и средневекового населения Восточной Европы. Все доклады соответствовали высокому научному уровню. В них отмечалось, что научное наследие А.П.Смирнова по-прежнему играет важную роль в развитии исторических и археологических исследований. Руководство заповедника предоставило возможность участникам конференции ознакомиться с фондами и организовало экскурсионную поездку в Сувар.

В принятой резолюции конференции рекомендовано администрации Булгарского заповедника и НЦДАИ АН РТ подготовить перспективный план археологических исследований Булгарского городища, обратив особое внимание на организационную сторону подготовки экспедиций и укрепление ее материально-технической базы. Также высказывались пожелания о подготовке новой археологической экспозиции в Булгарском музее и дальнейшей музеификации памятников архитектуры и археологии Булгарского городища. В резолюции рекомендовано ускорить издание 17 тома книги «Город Болгар» и подготовку 18 тома; подготовить альбом и буклете, посвященные Булгару. Заслуживает внимания предложение о подготовке на рассмотрение в Кабинете Министров РТ об организации Суварского филиала Булгарского заповедника как одного из пунктов туристической программы «Серебряная дуга».

В работе конференции приняли участие представители администрации Спасского района.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Смирнов Кирилл Алексеевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии Российской Академии наук (РАН), специалист по первобытной и средневековой археологии Восточной Европы.

Хлебникова Тамара Александровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела «Археология Казани» при Центре археологических исследований Института истории Академии наук Татарстана (АНТ).

Старостин Петр Николаевич — кандидат исторических наук, заведующий Центром археологических исследований Института истории АНТ, специалист по первобытной и раннесредневековой археологии Среднего Поволжья и Приуралья.

Казаков Евгений Петрович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории АНТ, специалист по археологии Волжской Булгарии и финно-угорских народов Среднего Поволжья и Приуралья.

Фейзханов Хусейн (1828—1866) — татарский востоковед и тюрколог, преподаватель Санкт-Петербургского университета, член Российского Археологического общества, специалист по тюркским языкам, арабским и тюркским рукописям.

Руденко Константин Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Государственного Объединенного музея Республики Татарстан, специалист по археологии Волжской Булгарии.

Кокорина Нина Александровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии РАН, специалист по керамике Волжской Булгарии и Казанского ханства.

Фахрутдинов Раиль Габдрахманович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории АНТ, специалист по археологии и истории Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства.

Петренко Аида Григорьевна — доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник Института истории АНТ, специалист по древней и средневековой археозоологии Поволжья и Приуралья.

Поправка

Фамилия **Алексея Ракушкина**, соавтора статьи «Бронзовые зеркала второй половины X—XIV в. из музея Саратовской области», в журнале «Татарская археология», №2 (3), 1998, по техническим причинам, передана в оглавлении в форме «Ракушкин». Редакция журнала просит прощения у нашего уважаемого автора.

Список сокращений:

АК — Археологические памятники Центрального Закамья, Казань
АКУ — Археологический кабинет (Казанского) университета
АО — Археологические открытия
АЭМК — Археология и этнография марийского края
ГОМРТ — Государственный Объединенный музей Республики Татарстан
ИЯЛИ КНЦ АН СССР — Институт языка, литературы и истории им. Г.Ибрагимова Казанского Научного центра АН СССР
КСИА — Краткие сообщения Института Археологии РАН.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МГУ — Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова
МОИП — Московское общество испытателей природы
ПГУ — Пермский государственный университет
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
ТА — Татарская археология
ТХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции

От редакции

Обращаемся к нашим уважаемым авторам с убедительной просьбой присыпать нам четко выверенные тексты своих статей, распечатанные на принтере с обязательным (!) приложением дискеты. Для сохранения единой формы в оформлении научного аппарата просим вынести сноски в конец статьи. Например:

¹ Смирнов А.П. Волжские булгары. — Тр. ГИМ. — М.: Изд-во ГИМ, 1951. — Вып.19. — 275 с., XVIII табл. (прилож.).

² Халиков А.Х. Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. — Казань, 1971. — С.7—36.

Необходимы также: список сокращений, список иллюстраций (если таковые представлены), данные о научной степени, звании, должностях автора и области его исследований («специалист по...»).

Шеф-редактор — **Рафаэль Хакимов**
Главный редактор — **Равиль Фахрутдинов**

Редакционная коллегия:

Евгений Казаков

(Институт истории Академии наук Татарстана)

Марк Крамаровский

(Госэрмитаж, г. Санкт-Петербург)

Леонид Кызласов

(Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)

Азгар Мухамадиев

(Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина)

Джамиль Мухаметшин

(Булгарский государственный историко-архитектурный заповедник,
г. Булгар, Республика Татарстан)

Рашо Рашев

(Шуменский филиал Археологического института
Болгарской Академии наук, г. Шумен, Болгария)

Петр Старостин

(Институт истории Академии наук Татарстана)

Герман Федоров-Давыдов

(Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)

Иштван Фодор

(Венгерский национальный музей, г. Будапешт, Венгрия)

Светлана Червонная

(Институт этнологии и антропологии Российской Академии наук,
г. Москва)

✉ Адрес редакции: 420503, г. Казань, ул. Кремлевская, 9,

Институт истории Академии наук Татарстана,

☎ Телефон: (8-432) 32-02-64, 38-73-56. ✉E-mail: history@vega.kcn.ru

Дизайн обложки — Миляуши Хасановой. Оригинал-макет — Дины Галеевой.

Объем 10 п. л. Подписано к печати Тираж 999 экз.